

MODERN ORIENTAL STUDIES

СОВРЕМЕННЫЕ
ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Asian-Pacific Region

Востоковедение

2020

Учредитель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 - 76298 от 26.07.2019

Периодичность 4 выпуска в год

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Издатель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Адрес издателя: Проспект Победы 226а, г. Казань, Респ. Татарстан, Россия, 420088

Почтовый адрес редакции: 420008, РТ, г. Казань, ул. Мартына Межлаука, д. 3, каб. 117, тел +7(843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

Журнал размещается и индексируется в реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Дата выхода выпуска в свет: 24.04. 2020г. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16. Тираж 500 экз. Заказ №____ Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства «Фэн» Академии наук РТ.

Вёрстка и допечатная подготовка: Dionis Publishing

Адрес типографии: ул. Баумана, 20, г. Казань, Россия, 420111

Тел./факс: (843) 292-49-14

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:

Главный редактор: Мартынов Д.Е., д-р ист. наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

Научный редактор: Валеев Р.М., д-р ист. наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

Шеф-редактор: Аликберова А.Р., к-н. ист. наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

Выпускающий редактор: Мухаметзянов Р.Р., к-н ист. наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

Ответственный секретарь: Балакин Д.А. (г. Казань, Россия)

Председатель редакционной коллегии: **Зайнуллин Г.Г.**, д-р филол.наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Сторожук А.Г. – доктор филологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Кобзев А.И. – доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)

Семенов А.В. – кандидат исторических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Репенкова М.М. – доктор филологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Усманова Л.Р. – PhD, кан. соц.наук (г. Москва, Россия)

Ко Ен Чоль – PhD, профессор (г. Казань, Россия)

Хабибуллина Э.К. – к.филол.н. (г. Казань, Россия)

Норихиро Наганава – (г. Саппоро, Япония)

Ким Джин Енг – (Республика Корея)

Чон Хенджу – (Республика Корея)

Ташансу Тюркер – PhD, профессор (г. Стамбул, Турция)

Экрем Калан – PhD, профессор (г. Стамбул, Турция)

Фан Куок Ань – PhD (культурология), профессор (г. Хошимин, Вьетнам)

Ян Кэ – PhD (филология), профессор (г. Гуанчжоу, КНР)

Кан Чэн – PhD (филология), профессор (г. Гуанчжоу, КНР)

Founder: Autonomous non-profit organization "Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District" (ACTVFD)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications

Certificate of registration ПИ № ФС 77 - 76298 от 26.07.2019

Frequency 4 issues per year

Distribution area: Russian Federation, foreign countries

Publisher: Autonomous non-profit organization "Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District" (ACTVFD)

Publisher's postal address: Russia, the Republic of Tatarstan, Kazan, Prospekt Pobedy 226a, 420088

Editorial office's postal address: Russia, the Republic of Tatarstan, Kazan, Martyna Mezhlauka st., 3, of. 117, phone +7(843) 22 133 21, 420008

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

The journal is published and indexed in abstract and full-text databases: Russian Science Citation Index (RSCI)

Release date of publication: 24.04. 2020. Offset paper. Digital printing. The format is 70x108 1/16. Circulation: 500 copies. Order №____ Printed from the layout possessed by "Fen" Publishing House of the Academy of Sciences RT.

Printing address: Russia, the Republic of Tatarstan, Kazan, Baumana st., 20, 420111

Phone/Fax: (843) 292-49-14

EDITORIAL AND PUBLISHING BOARD:

Editorial director: Martynov D.E., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

Science editor: Valeev R.M., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

Chief editor: Alikberova A.R., Candidate of Historical Studies, Docent of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

Release editor: Mukhametzyanov R.R. Candidate of Historical Sciences, Docent of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

Executive secretary: Balakin D.A. (Kazan, Russia)

Chairman of the editorial board: **Zaynullin G.G.**,

Doctor of Philology, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

EDITORIAL BOARD:

Storozhuk A.G. – Doctor of Philology, Professor (Saint-Petersburg, Russia)

Kobzev A.I. – Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia)

Semenov A.V. – Candidate of Historical Sciences, Docent (Moscow, Russia)

Repenkova M.M. – Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia)

Usmanova L.R. – PhD, Candidate of Sociology (Moscow, Russia)

Ko Young Cheol – PhD, Professor (Kazan, Russia)

Khabibullina E.K. – Candidat of Philological Studies, Docent (Kazan, Russia)

Norihiro Naganawa – (Sapporo, Japan)

Kim Jin Young – (the Republic of Korea)

Chun Hyunju – (the Republic of Korea)

Tashansu Turker – PhD, Professor (Istanbul, Turkey)

Ekrem Kalan – PhD, Professor (Istanbul, Turkey)

Phan Quong Anh – PhD (cultural science), Professor (Ho Chi Minh, Vietnam)

Yang Ke – PhD (Philology), Professor (Guangzhou, PRC)

Kang Cheng – PhD (Philology), Professor (Guangzhou, PRC)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Арекеева Ю.Е. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В КИТАЙСКОМ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ – 4

Назарова С.А. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ: ИЗУЧЕНИЕ И ОБОБЩЕНИЕ ОПЫТА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА – 13

Насирова С.А. ГЕНЕЗИС ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСТОРИИ КИТАЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ – 22

Хашимова С.А. ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ НЕОДУШЕВЛЁННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИ ПОМОЩИ СУФФИКСАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ – 34

Го Жуйци. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОНЕТИКИ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ – 47

Маркина О.А. К ПРОБЛЕМЕ ПРЕПОДАВАНИЯ 状态(情态) 补语 СТУДЕНТАМ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ – 57

Галаяутдинова Л.М. ВЛИЯНИЕ ОСМАНСКО-ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА НА ФОРМИРОВАНИЕ ТАТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: НА ПРИМЕРЕ АЛЬМАНАХА «МИР'БАТ» (1900-1909) – 64

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА

Мавляутдинов И.С. О ВЛИЯНИИ ФИЛОСОФСКОГО ИСЛАМОВЕДЕНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ РАЦИОНАЛЬНОГО ОБЛИКА МУСУЛЬМАНСКОГО ВЕРОУЧЕНИЯ – 68

Ишутина Ю.А. НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АДАПТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИДЕЙ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО КИТАЯ КАК ОТВЕТ НА ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ В ПЕРИОД БОРЬБЫ С ЭПИДЕМИЕЙ COVID-19 – 80

Шульга Д.П. ЗЕРКАЛА ЭПОХИ ШАН КАК МАРКЁР КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАВНИНЫ И ХАМИЙСКОЙ ВПАДИНЫ – 88

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Магдеев Р.Р. ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ ЯПОНИЕЙ И РОССИЕЙ – 94

Аратюнян А.А. СТРАТЕГИЯ «ЖЕМЧУЖНОЙ НИТИ» КАК МЕРА ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВЫ КИТАЙСКОГО МОРСКОГО ПУТИ – 100

Ян Юнья. ЭВОЛЮЦИЯ И ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ТАДЖИКИСТАНА – 121

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ

Афанасьева А. А., Ибатуллина Д. Г. ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОЙ РЕЧИ В РУССКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ – 126

Габдрашитова Р. И. СПЕЦИФИКА ФЕНОМЕНА РЕИНКАРНАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ МО ЯНЯ «УСТАЛ РОЖДАТЬСЯ И УМИРАТЬ» – 132

Редькина И.Д., Агеева С.Р., Малых О.А. ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЛАТФОРМЫ «МОСКОВСКАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ ШКОЛА (МЭШ)» В ПРЕПОДАВАНИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА – 138

Ерханов Б., Сейтимбетов М. ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛОВА "НУКУС" – 147

ИНТЕРВЬЮ

Йошида Н., Асеев Р.Г., Эйдинов Д.Н., Лестев А.Е., Денисова Е.С. ИНТЕРВЬЮ С СЭНСЭЕМ ЙОШИДА НОБУМАСА: ЧАСТЬ II. СУЩНОСТЬ БУДО – 151

LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

Arekeeva I.E. LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE OPPOSITION «FRIEND OR FOE» IN THE CHINESE PARAMIOLGY – 4

Nazarova S.A. CURRENT STATE OF TEACHING CHINESE LANGUAGE: STUDY AND GENERALIZATION OF EXPERIENCE OF TEACHERS OF CHINESE LANGUAGE – 13

Nosirova S.A. THE GENESIS OF THE SOCIO-POLITICAL TERMINOLOGY OF THE CHINESE LANGUAGE THROUGH THE PRISM OF THE HISTORY OF CHINESE DIPLOMACY – 22

Hashimova S.A. FEATURES OF THE FORMATION OF INANIMATE NOUNS USING SUFFIXING IN THE MODERN CHINESE LANGUAGE – 34

Guo Ruiqi. COMPARATIVE ANALYSIS OF CHINESE AND RUSSIAN PHONETICS AND TEACHING STRATEGIES FOR RUSSIAN STUDENTS – 47

Markina O.A. SOME ASPECTS OF TEACHING 状态 (情态) 补语 TO STUDENTS OF HIGH EDUCATION – 57

Galyautdinova L. M. XX. YY. BAŞLARINDA TATAR YAZI DILININ OLUŞMASINDA OSMANLICANIN ROLÜ: "MİR'ÂT" (1900-1909) MECMUASI DILINDEN ÖRNEKLER – 64

PHILOSOPHY AND CULTURE

Mavlyautdinov I.S. ON THE INFLUENCE OF PHILOSOPHICAL ISLAMIC STUDIES ON THE FORMATION OF A RATIONAL IMAGE OF THE MUSLIM FAITH – 68

Ishutina Y.A. SOME RESULTS OF THE ADAPTATION OF THE NATIONAL IDEAS OF MAINLAND CHINA AS A RESPONSE TO GLOBALIZATION CHALLENGES DURING THE FIGHT AGAINST THE COVID-19 EPIDEMIC – 80

Shulga D.P. SHAN MIRRORS AS A MARKER OF CULTURAL RELATIONS BETWEEN POPULATION OF THE CENTRAL PLAIN AND THE KUMUL DEPRESSION – 88

INTERNATIONAL RELATIONS

Magdeev R.R. HUMANITARIAN COOPERATION BETWEEN JAPAN AND RUSSIA – 94

Harutyunyan A.A. "STRING OF PEARLS" STRATEGY AS A MEASURE FOR THE IMPLEMENTATION OF THE CHINESE MARITIME SILK ROAD INITIATIVE – 100

Yang Yunya. 塔吉克斯坦语言政策的演变及发展趋势 – 121

YOUNG SCIENTISTS

Afanasyeva A.A., Ibatullina D.G. SPECIAL FEATURES OF WOMEN'S SPEECH IN RUSSIAN AND JAPANESE LANGUAGES – 126

Gabdrashitova R.I. SPECIFICS OF THE REINCARNATION PHENOMENON ON THE EXAMPLE OF MO YAN'S WORK 'LIFE AND DEATH ARE WEARING ME OUT' – 132

Red'kina, I.D., Ageeva, S.R., Malykh, O.A. THE POTENTIAL OF USING THE «MOSCOW E-SCHOOL (MES)» PLATFORM IN THE PROCESS OF TEACHING CHINESE – 138

Erchanov B., Seytimbetov M. THE ORIGIN OF THE TERM NUKUS – 147

INTEVIEW

Yoshida N., Aseev R.G., Eidinov D.N., Lestev A.E., Denisova E.S. INTERVIEW WITH SENSEI YOSHIDA NOBUMASA: PART II. THE ESSENCE OF BUDO – 151

ВОПЛОЩЁННАЯ ТРАДИЦИЯ

С горестью сообщаем нашим читателям и авторам статей о печальном известии, которое достигло нас в дни подготовки этого номера, — о кончине основателя и первого директора Института востоковедения Казанского университета и первого директора Института Конфуция при КФУ – известного арабиста Габдулзямиля Габдулхаковича Зайнуллина (11 июля 1946 — 15 мая 2020).

В короткую заметку нелегко вместить «слепок» большой личности, поэтому можно себе позволить предельный субъективизм. Мне довелось начать знакомство с Джамиль-хазратом (а право на это обращение ещё нужно было заслужить!) тринадцать лет назад, когда я пришёл на работу в основанный им институт¹. Ныне ученики и коллеги постепенно начали приоткрывать завесу тайны над прошлым Габдулзямиля Габдулхаковича, связанного и с большой политикой на Ближнем Востоке, и с работой в спецслужбах², но это, в известной степени, способно далеко увести от понимания масштаба его личности. Мне больше всего запомнились два аспекта, неизменно сопровож-

давшие каждый момент общения. Первый – это некая монументальная, фантастическая эрудиция. Я затруднюсь с подсчётом языков, с которыми Джамиль Габдулхакович был знаком и свободно оперировал. Вспоминается забавный эпизод: на одной из ежегодных конференций «Россия – Китай» (основателем и идейным вдохновителем которой являлся Г.Г. Зайнуллин) гостем был молодой учёный – юрист из одного из уральских вузов, этнический казах. При первой же мимолётной встрече Габдулзямиль Габдулхакович безошибочно определил его происхождение и обратился на казахском языке. Второе является фундаментом первого – это традиция, к которой Джамиль-хазрат принадлежал или, вернее, её воплощал. Даже имя он получил в честь одного из прадедов, и по обеим линиям происходил из многочисленного семейства мусульманских священнослужителей и просветителей. Именно глубокая укоренённость в арабо-персидской и тюрко-поволжско-среднеазиатской культуре, вероятно, сообщала внешнюю невозмутимость необыкновенную утонченность в речах и внешнем виде. Даже когда Джамиль-абый (ещё одно обращение, когда его адресат был «в духе») считал своим долгом что-то раскритиковать, он всегда видел – не угадывал, а точно знал, – границу, на которой нужно и можно остановиться, чтобы не ущемить своего визави, но при этом вызвать желаемый воспитательный эффект.

Мы надеемся, что тематическое и содержательное разнообразие номера будет достойно полиматии Джамиля Габдулхаковича и широты его интересов. Ибо нет лучшей памяти для учёного и учителя, нежели неуклонное расширение горизонтов познания и движение за горизонт.

С уважением, главный редактор журнала «Современные востоковедческие исследования» Мартынов Д.Е., д.ист.н., профессор кафедры алтаистики и китаеведения Института международных отношений

¹ О первых годах Института востоковедения существует полумемуарная книга, к сожалению, являющаяся чрезвычайной редкостью: Зайнуллин Г.Г. Возрождение и дальнейшее развитие востоковедения в Казанском университете в XX — начале XXI вв. Казань: Изд. Академии наук РТ, 2016. 84 с.

² Напр.: Азат Ахунов. «На выходе ко мне подошли и пожали руку: “Мы думали, что вы, советские, все безбожники!”» // Деловая электронная газета «Бизнес Online». 24 мая 2020. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/469558>

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ»
В КИТАЙСКОМ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ

LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE OPPOSITION «FRIEND OR FOE»
IN THE CHINESE PARAMIOLOGY

Арекеева Юлия Евгеньевна

Удмуртский государственный университет

izh4yu@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье представлен анализ системы средств актуализации оппозиции «свой – чужой» на материале паремий и фразеологизмов китайского языка. Актуальность статьи определяется необходимостью достижения взаимопонимания между представителями различных культур, а также отсутствием монографических работ в области изучения китайских фразеологизмов и паремий. Объектом исследования выступили механизмы языковой актуализации оппозиции «свой – чужой». Предметом предлагаемого исследования является система средств репрезентации оппозиции «свой – чужой». Цель работы — разработка модели взаимодействия концептуальных полей «свой» и «чужой». Материал — паремии и фразеологизмы китайского языка.

Ключевые слова: фразеология, паремия, китайский язык, языковая репрезентация, оппозиция «свой – чужой».

Для цитирования: Арекеева Ю.Е. Языковая репрезентация оппозиции «свой – чужой» в китайском паремиологическом фонде. Современные востоковедческие исследования. 2020; 2(2): 4-12

ABSTRACT

The article presents an analysis of the actualizing means of the opposition system “one’s own or someone else’s” based on the material of proverbs and phraseological units of the Chinese language. The relevance of the article is determined by the need to achieve mutual understanding between representatives of different cultures, as well as the lack of monographic work in the study of Chinese phraseological units and proverbs. The object of the study was the mechanisms of linguistic actualization of the opposition “friend or foe. The subject of the proposed study is a system of means of representing the opposition “one’s own-stranger”. The purpose of the work is the development of a model for the interaction of the conceptual fields “one’s own” and “another’s”. Material - proverbs and phraseological gizmas of the Chinese language.

Keywords and phrases: Phraseology, proverbs, Chinese, linguistic representation, opposition “one’s - another’s”.

For citation: Arekeeva I.E. Linguistic representation of the opposition «friend or foe» in the Chinese paramiology. Modern oriental studies. 2020; 2(2): 4-12

ВВЕДЕНИЕ

Язык является главным инструментом познания и освоения внешнего мира. Он служит не только средством передачи эмоций и информации, но и является хранителем традиций, национальных стереотипов и культурных ценностей. Важной частью изучения любого иностранного языка, помимо изучения правил фонетики, лексики и грамматики, является формирование лингвокультурологической компетенции, которая способствует более глубокому пониманию носителей изучаемого языка.

Особенно ярко отражают своеобразие изучаемой культуры фразеологизмы и паремии, вызывающие у носителей языка самобытные ассоциации и образы, отражающие особенности психологического склада и мудрость народа, специфические черты обыденного сознания этноса.

Под паремиями понимаются устойчивые в языке и воспроизводимые в речи анонимные изречения, пригодные для употребления в дидактических целях [11, с.67]. По мнению Д. О. Добровольского и Ю. Н. Караулова, основная функция паремий состоит в том, чтобы выразить субъективный, эмоционально-оценочный взгляд на мир [8, с.8]. Как отмечает И.В. Войцехович, пословицы и поговорки отражают не только национальный характер, душу народа, но и социокультурные универсалии, общие для большинства языков [7, с.13].

Л.Б. Савенкова определяет паремии как родовой термин по отношению к терминам «пословица» и «поговорка», который может быть определен как «устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное изречение, пригодное для употребления в дидактических целях» [12, с.104]. Следует учитывать, что план выражения у пословиц и поговорок имеет различный характер. Пословицы всегда имеют структуру предложения, а поговорки

могут быть представлены как предложениями, так и словосочетаниями. Например, пословица Бояться волков – быть без грибов имеет форму предложения; поговорки в форме предложения: Как на духу, всю правду скажу. Поговорки в форме словосочетания: Семеро на полатах. Таким образом, план выражения паремии – это структура предложения (для пословиц и некоторых поговорок) и структура словосочетания (для поговорок) [1, с.240].

Особый интерес в исследовании паремий представляет характеристика бинарных оппозиций, отражающих философию культур и языков через противопоставление, и широко представленных в патетическом фонде. Выбранная для исследования оппозиция «свой - чужой» входит в систему основных морально-нравственных ценностей любого народа. Паремии, вербализующие эту оппозицию, частотны в художественной литературе, часть из них активно употребляется в разговорной речи.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной статье представлен анализ системы средств актуализации оппозиции «свой – чужой» на материале паремий и фразеологизмов китайского языка. Главным источником собранной нами картотеки (всего 54 языковые единицы) послужили «Китайско-русский фразеологический словарь» О.М. Готлиб [15], «Словарь привычных выражений современного китайского языка» И.Р. Кожевникова [16] и «简明成语词典 Jianming chengyu cidian» [17]. Особенностью словаря И.Р. Кожевникова является то, что в нём описан один из основных разрядов фразеологической системы современного китайского языка – привычных выражений (гуаньюнъюй), а словари О.М. Готлиб и «简明成语词典» содержат толкование наиболее употребительных

и распространенных фразеологических единиц китайского языка.

Согласно классификации И.В. Войцехович, китайские паремии группируются в соответствии с их формальной структурой в следующие классы:

- 1) Янььюй (谚语) – устойчивые единицы со структурой предложения, обладающие назидательностью, дидактичностью и выражающие суждения по какому-либо поводу;
- 2) Суюй (俗语) – разговорные устойчивые выражения с незамкнутой структурой;
- 3) Чэнььюй (成语) – фразеологизм, как правило, состоящий из четырех элементов;
- 4) Сехоуюй (歇后语) – недоговорка; изречение, состоящее из иносказания и его раскрытия;
- 5) Гэянь (格言) – изречение из какого-либо известного трактата;
- 6) Гуанъюньюй (惯用语) – привычные выражения [7, с. 17].

Поскольку китайские устойчивые выражения весьма неоднородны, во многих случаях нельзя провести четкую границу между их классами; более того, вопросы терминологического характера как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике на данный момент разработаны недостаточно, что позволяет некоторым исследователям, в том числе П.П. Ветрову, отказаться от традиционной классификации устойчивых единиц китайского языка и использовать термин «фразеологическая единица» [6, с.17-60].

Оппозиция «свой – чужой» представляет собой одну из наиболее древних культурных, языковых констант, входящих в национальную картину мира. Это своего рода универсалия, согласно которой, по словам С.Г. Тер-

Минасовой, родная культура становится и щитом, охраняющим национальное своеобразие народа, и глухим забором, огораживающим от других народов и культур [14, с. 19]. Она служит основой для разделения всего на знакомое, родное, близкое и неосвоенное, далекое, враждебное. Рамки социального восприятия «свой – чужой» присутствуют у всех представителей культурного сообщества. Четкое оппозиционирование «своих» и «чужих» возникало у различных народов и подкреплялось различиями языка, верованиями, различиями образа жизни и моральными нормами. Необходимо принять во внимание, что «граница между «своим» и «чужим» не определена раз и навсегда, она разворачивается в процессе исторического развития» [10, с.122].

Во многих исследованиях оппозиция «свой – чужой» рассматривается как языковой феномен, который выражается в вербальной и невербальной формах. О.В. Балясникова отмечает, что, «исходя из психолингвистического понимания феномена языкового сознания и его обусловленности деятельностью и культурой в целом, можно предположить, что оппозиция «свой – чужой» проявляется, по меньшей мере, на трех взаимосвязанных и взаимообусловленных уровнях: реальном (объектном и объективном), психическом (отраженном, уровне сознания) и языковом (знаковом, обусловленном определенным содержанием, закрепленным за знаками языка)» [2, с.5].

Следующие категории отнесены О.В. Балясниковой к возможным конкретизациям образа «свой»: 1) родственники и близкие (отец, брат, тещь, свояк); 2) члены одного профессионального круга (коллега, сотрудник, одноклассник); 3) выходцы из одной местности (земляк); 5) люди одного возраста или поколения (сверстник, восьмидесятник) и т.п. К группе слов с образом «чужой» относятся такие конкретизации, как враг, незнакомец, посторон-

ний, гость, иностранец, неизвестно кто и некоторые другие [3, с.272-273].

По мнению Б. Вальденфельса, понятие «чужой», «во-первых, лежит за пределами собственного, во-вторых, то, что принадлежит другим; в-третьих, то, что является чем-то иным, необычным, гетерогенным» [4, с.75].

А.П. Садохин описывает классификацию интерпретаций образа «чужой», разработанную Г. Малецке:

- чужой как иностранный, находящийся за границами родной культуры;
- чужой как странный, необычный, непохожий на привычное окружение;
- чужой как незнакомый и непонятный;
- чужой как сверхъестественный, перед которым человек бессилён;
- чужой как зловещий, несущий угрозу для жизни [13, с.16].

Таким образом, образ «чужого» включает в себя все то, что выходит за рамки привычных и понятных явлений.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проанализировав картотеку паремий и фразеологизмов с компонентами «свой – чужой», мы выявили, что данная оппозиция в языковом сознании носителей языка включает следующие семантические модули, которые, по определению Е.О. Зубаревой, представляют собой «функционально оформленные фрагменты микрополей», входящих в состав концептуального поля анализируемой оппозиции [9, с.44]:

1) Принадлежность к «своим», выражающаяся в:

- a. принятии себя как личности (独步天下 du bu tian xia, 反躬自省 fan gong zi xing, 海内无双 hai nei wu shuang);

- b. отношениях родства (亲骨肉 qin gu rou, 骨肉至亲 gu rou zhi qin, 拔茅连茹 ba mao lian ru);

- c. отношениях сотрудничества (患难与共 huan nan yu gong, 管鲍分金 guan bao fen jin, 乘一条船 cheng yi tiao chuan);

- d. территориальной общности (鸡鸣狗吠 ji ming gou fei, 恭敬桑梓 gong jing sang zi, 家天下 jia tianxia);

2) Принадлежность к «чужим», основывающаяся на описании:

- a. их внешности и характера (第五纵队 di wu zong dui, 出洋相 chu yang xiang, 断发文身 duan fa wen shen);

- b. региона проживания (庐山真面目 Lushan zhen mianmu, 宝山空回 bao shan kong hui, 放虎归山 fang hu gui shan);

3) Взаимодействие между «своими» и «чужими»:

- a. описание рубежа, отделяющего «свое» от «чужого»:

- природно-ландшафтные объекты (跋山涉水 ba shan she shui, 半壁江山 ban bi jiang shan);

- Архитектурные объекты (寄人篱下 ji ren li xia, 杜门谢客 du men xie ke, 夜不闭户 ye bu bi hu);

- α. тождество / противопоставление:

- стороны света (东食西宿 dong shi xi su, 东鳞西爪 dong lin xi zhao);

- водные стихии (井水不犯河水 jing shui bu fan he shui);

- орудия борьбы (反戈相向 fan ge xiang xiang);

- животные (放虎自卫 fang hu zi wei);
- части тела (肝胆楚越 gan dan chu yue).

Следует отметить, что фразеологизмы и паремии, описывающие принадлежность к «своим», составляют наибольшую часть отобранных примеров. Так, из 54 проанализированных фразеологических единиц к первой группе можно отнести 28, т.е. почти 52% от общего числа картотеки.

Восприятие носителями языка образа «свой» начинается с определения собственной идентичности:

反躬省 fan gong zi xing букв. «Повернуться к себе, изучать себя» – искать в себе; самоанализ; посмотреть на себя со стороны [15, с. 120].

海内无双 hai nei wu shuang букв. «В Китае (мире) нет такого второго» – единственный в целом свете [15, с. 170].

Общеизвестно, что благодаря влиянию конфуцианства, отношения родства глубоко укоренены в китайской культуре. В силу доминирующей роли традиционной морали, чувство долга по отношению к родителям является приоритетным. Базовая заповедь конфуцианства, которую ребенок впитывал с раннего детства, заключалась в особом почтении к отцу, матери (культ сяо) и культу предков, равно которому не было нигде. Конфуций всегда настаивал на реализации сыновнего благочестия: «Ныне почтительность сводится к тому, чтобы быть в состоянии прокормить родителей. Но ведь собак и лошадей тоже кормят. И если отбросить благоговейное почтение, то в чем же тогда будет разница?» [5, с.121]. Эта мысль также находит подтверждение в использовании многочисленных оборотов и выражений, подчеркивающих важность и полезность родственных связей:

骨肉至亲 gu rou zhi qin букв. «Кости и плоть достигли родства» – самые близкие кровные, родственные отношения [15, с. 160].

拔茅连茹 ba mao lian ru букв. «Когда выдергиваешь тростник, за ним тянутся корни» – устраивать карьеру, тянуть за собой родных и близких [15, с. 19].

Взаимоотношения личности в определенном социальном слое, отношения сотрудничества и взаимовыручки также находят выражение в народном творчестве:

一鼻孔出气 yi bi kong chu qi букв. «Дышать через одну ноздрю» – быть в одной команде; действовать заодно; быть в сговоре [16, с. 306].

乘一条船 cheng yi tiao chuan букв. «Сидеть в одной лодке» – действовать заодно; плыть в одной лодке [16, с. 55].

吃大锅饭 chi da guo fan букв. «Есть пищу из большого котла» – жить в равных условиях, коллективно; уравниловка [16, с. 56].

Территория «своего» может быть отмечена при помощи известных географических объектов, как напоминание о счастливых временах, вызывающее ностальгию:

楚弓楚得 chu gong chu de букв. «(Житель) княжества Чу потерял лук, и (житель) княжества Чу его нашел» – вещь хоть и потерялась, но нашлась именно своими людьми; быть ограниченным, недалеким [15, с.78].

家天下 jia tianxia букв. «Домашняя Поднебесная» – собственная вотчина [16, с.142].

故宫禾黍 gu gong he shu букв. «Старые дворцы и злаки» – тоска по родине; ностальгия [15, с.161].

父母之邦 fu mu zhi bang букв. «Страна отца и матери» – Родина [15, с.142].

В то время как образ «свой» наделяется положительными характеристиками, отрица-

тельные оценки «чужого» преобладают над позитивными. Так, описание «чужого» формирует негативный образ варвара, иностранца:

断发文身 duan fa wen shen букв. «Обрезать волосы, татуировать тело» – варварские обычаи; варвары [15, с.112].

出洋相 chu yang xiang букв. «Показать заморский облик» – попасть в смешное положение, опозориться; сесть в калошу [16, с.62].

不速之客 bu su zhi ke букв. «Незванный гость» [15, с.49].

Представления о «чужом» раскрываются в отсылке к географическим объектам не «своей» местности или сторонам света. Описание конкретного региона также может служить основанием для формирования положительной оценки «чужого»:

上有天堂，下有苏杭 shang you tiantang, xia you Su Hang букв. «На небе – рай, на земле – Сучжоу и Ханчжоу» (Пер. – Ю. А.) [17, с.469].

放虎归山 fang hu gui shan букв. «Отпускать тигра в горы» – выпустить злодея на свободу, в свои родные места; развязать руки врагу [15, с.124].

宝山空回 bao shan kong hui букв. «Из драгоценных гор вернуться с пустыми руками» – вернуться ни с чем; планы не сбылись [15, с.29].

Следует отметить, что «чужие» могут обитать как очень далеко, так и вблизи от «своих» и часто выступают в роли врагов:

十万八千里 shi wan ba qian li букв. «Восемнадцать тысяч ли» – Тьмутаракань, за тридевять земель; дистанция огромного размера [16, с.264].

草木皆兵 cao mu jie bing букв. «Травы, деревья – все враги» – пуганая ворона и куста боится; у страха глаза велики; везде и всюду мерещатся враги [15, с.55].

Взаимодействие между «своими» и «чужими» может проявляться в виде описания границы, отношениях тождества / противопоставления, сотрудничества / борьбы и т.д.

В качестве границы, отделяющей «свое» от «чужого», в китайских фразеологизмах часто выступают естественные и искусственные преграды:

– Природно-ландшафтные объекты:

跋山涉水 ba shan she shui букв. «Перевалить через горы, переправиться через реки» – испытать все тяготы пути [15, с.20].

半壁江山 ban bi jiang shan букв. «Половина стены, реки и горы» – половина страны занята врагами [15, с.26].

– Архитектурные объекты:

杜门谢客 du men xie ke букв. «Закрывать дверь, поблагодарить (отказаться от) гостей» – затвориться от мира; отказаться от общения; вести затворническую жизнь; жить в уединении [15, с.111].

傍人门户 bang ren men hu букв. «Опирается на ворота и двери сторонних людей» – полагаться на мнение других; следовать по стопам других; жить за чужой счет [15, с.28].

城下之盟 cheng xia zhi meng букв. «Заключить союз со стоящим у стен врагом» – унижительный договор [15, с.67].

Оппозиция «свой – чужой» нередко встречается в рамках одного фразеологизма, вербализуясь в следующих семантических модулях:

– Стороны света:

东食西宿 dong shi xi su букв. «На востоке поесть, на западе переночевать» – везде ухватить свой кусок; этот своего не упустит [15, с.107].

– Водные стихии:

井水不犯河水 jing shui bu fan he shui букв.

«Колодезная вода не касается речной воды» – каждый сам по себе; не иметь отношения друг к другу [16, с.152].

Отношения «свой – чужой» зачастую проявляются во фразеологизмах, повествующих о ситуации борьбы или сотрудничества. Их можно классифицировать по следующим семантическим модулям:

– Орудия борьбы:

反戈相向 fan ge xiang xiang букв. «Повернуть оружие в другом направлении» – бороться против своих; переметнуться на сторону противника [15, с.120].

– Животные:

放虎自卫fang hu zi wei букв. «Выпустить тигра, а самому защищаться» – накликав на себя беду; себе на беду связаться с дурными людьми [15, с.124].

– Части тела:

肝胆楚越 gan dan chu yue букв. «Печень и селезенка, как Чу и Юэ (названия древних царств, враждующих друг с другом)» – бывшие близкие стороны стали врагами [15, с. 147].

ВЫВОДЫ

Таким образом, анализ системы средств актуализации оппозиции «свой – чужой» во фразеологических единицах китайского языка показал, что наибольшую часть проанализированного языкового материала составили фразеологизмы и поговорки, описывающие принадлежность к «своим», которая выражается в потребности к самоидентификации, отношениях родства, сотрудничества, проживании на общей территории. Принадлежность к «чужим» в китайском языке, прежде всего, проявляется в описании их внешности и характера, а также региона проживания. Территориальные границы, отношения тождества / противопоставле-

ния, сотрудничества / борьбы являются формами взаимодействия концептуальных полей «свой» и «чужой».

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и паремиология: учебное пособие для бакалавриатского уровня филологического образования / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов. – М.: Флинта. Наука. – 2009. – 345 с.
2. Балясникова О.В. «Свой – чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19. – Москва, 2003. – 224 с.
3. Балясникова О.В. К проблеме содержания оппозиции «свой – чужой» в аспекте психолингвистики С.267-284 // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сборник статей / Под общ. ред. Н.В. Уфимцевой. М.: Изд-во Алта, 2004. – 344 с.
4. Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» // Логос. 1994. №. 6. С. 77–94.
5. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. 2-е изд. / Л.С. Васильев. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 488 с.
6. Ветров П.П. Проблемы синтаксиса и стилистики фразеологических единиц в свете экспериментальных данных: на материале современного китайского языка: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2007. 385 с.
7. Войцехович И.В. Практическая фразеология современного китайского языка. М.: АСТ, 2007. 509 с.
8. Добровольский Д. О. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка / Д.О. Добровольский, Ю. Н. Караулов. – Москва: Помовский и партнеры, 1994. 116 с.

9. Зубарева Е.О. Моделирование концептуального поля «Миграция»: диссертация ... кандидата филологических наук. Пермь, 2019. – 195 с.
10. Лучицкая С. И. Проблема «своих» и «чужих»: к постановке вопроса / С.И. Лучицкая // Мы и они. Конформизм и образ «другого»: сб.ст. на тему ксенофобии. - М.: КДУ, 2007. - С.122-133.
11. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2002. 240 с.
12. Савенкова Л.Б. Элективный курс «Русские пословицы и вопросы общей паремиологии»: содержание и методика преподавания / Л.Б. Савенкова // Acta Neophilologica. – 2008. – №X – С. 103-111.
13. Садохин А.П. «Свой-чужой» в межкультурной коммуникации: подходы к изучению проблемы // Вопросы культурологии. 2007. № 3. С.15–19.
14. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово /Slovo, 2000. 624 с.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

15. Готлиб О. М. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений / О. М. Готлиб, Му Хуаин. – 2-е изд., стереотип. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. – 596 с.
16. Кожевников И.Р. Словарь привычных выражений современного китайского языка: более 1000 словосочетаний / И.Р. Кожевников. — МЛ: АСТ: Восток-Запад, 2005. — 333, [3] с.
17. 黎弋. 简明成语词典. 北京大学出版社, 2000年. 844页. Li yi. Jianming chengyu cidian. Beijing daxue chubanshe, 2000 nian. 844 ye.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Alefirenko, N.F. (2009) Frazeologiya i paremiologiya: uchebnoye posobiye dlya bakalavriatskogo urovnya filologicheskogo obrazovaniya [Phraseology and Paremiology: a textbook for undergraduate philological education] / N.F. Alefirenko, N.N. Semenenko. – Moscow: Flinta. Nauka. – 345 p.
2. Balyasnikova, O.V. (2003) "Svoy-chuzhoy" v yazykovom soznanii nositeley russkoy i angliyskoy kul'tur: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.19 ["Friend or foe" in the linguistic consciousness of native speakers of the Russian and English languages]: dissertation... of the candidate of Philological Sciences: 10.02.19. – Moscow – 224 p.
3. Balyasnikova, O.V. (2004) K probleme soderzhaniya oppozitsii «svoy – chuzhoy» v aspekte psikholingvistiki [To the problem of the content of the opposition “friend or foe” in the aspect of psycholinguistics] pp.267-284. In: Ufimtseva N.V. (ed.) Yazykovoye soznaniye: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty: Sbornik statey [Linguistic Consciousness: Theoretical and Applied Aspects: Collection of Articles]. Moscow: Alt-ta publishers. – 344 p.
4. Waldenfels, B. (1994) Svoya kul'tura i chuzhaya kul'tura. Paradoks nauki o «Chuzhom» [Own culture and foreign culture. The paradox of the science of "Alien"]. Logos publishers. 6. pp. 77–94.
5. Vasilyev, L.S. (2001) Kul'ty, religii, traditsii v Kitaye. 2-ye izd. [Cults, religions, traditions in China. 2nd ed.]. Moscow: Vostochnaya literature publishers of the RAS. – 488 p.
6. Vetrov, P.P. (2007) Problemy sintaksisa i stilistiki frazeologicheskikh yedinit v svete eksperimental'nykh dannykh: na materiale sovremennogo kitayskogo yazyka: dis. ... of the cand. filol. nauk. [Problems of syntax and stylistics of phraseological units in the light of experimental data: on the material of the

- modern Chinese language: dis. ... cand. Sc. Philology]. Moscow. 385 p.
7. Voitsehovich, I.V. (2007) *Prakticheskaya frazeologiya sovremennogo kitayskogo yazyka* [Practical phraseology of the modern Chinese language]. Moscow: ACT publishers. 509 p.
 8. Dobvol'skiy, D.O. (1994) *Assotsiativnyy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Associative phraseological dictionary of the Russian language] / Dobvol'skiy D.O., Karaulov, Yu.N. Moscow: Pomovskiy and Partners publishers. 116 p.
 9. Zubareva, Ye.O. (2019) *Modelirovaniye kontseptual'nogo polya «Migratsiya»: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk* [Modeling the conceptual field "Migration": dissertation ... of the candidate of Philological Sciences.]. Perm. 195 p.
 10. Luchitskaya, S.I. (2007) *Problema «svoikh» i «chuzhikh»: k postanovke voprosa* [The problem of "friends" and "foes": to pose the question]. In: Luchitskaya, S.I. *My i oni. Konformizm i obraz «drugogo»: sb.st. na temu ksenofobii* [We and they. Conformism and the image of the "other": collection of articles on xenophobia]. Moscow: KDU publishers. pp. 122-133.
 11. Savenkova, L.B. (2002) *Russkaya parimiologiya: semanticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian paremiology: semantic and linguocultural aspects]. Rostov-na-Donu: Rost. Univ. publishers. 240 p.
 12. Savenkova, L.B. (2008) *Elektivnyy kurs «Russkiye posloviцы i voprosy obshchey paremiologii»: sodержaniye i metodika prepodavaniya* [Elective course "Russian proverbs and questions of general paremiology": content and teaching methods]. In: Savenkova, L.B. *Acta Neophilologica*. X. pp. 103-111.
 13. Sadokhin, A.P. (2007) *«Svoy-chuzhoy» v mezhkul'turnoy kommunikatsii: podkhody k izucheniyu problem* ["Friend or foe" in intercultural communication: approaches to the study of the problem]. In: *Voprosy kul'turologii* [Questions of culturology]. 3. p.15–19.
 14. Ter-Minasova, S.G. (2000) *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication]. Moscow: Slovo publishers. 624 p.
- LIST OF DICTIONARIES**
15. Gotlib, O.M. (2019) *Kitaisko-russkiy frazeologicheskiy slovar'*. Okolo 3500 vyrazheniy [Chinese-Russian phraseological dictionary. About 3,500 expressions] / Gotlib, O.M., Mu Huayin. 2nd ed. Irkutsk: IGU publishers. 596 p.
 16. Kozhevnikov, I.R. (2005) *Slovar' privychnykh vyrazheniy sovremennogo kitayskogo yazyka: boleye 1000 slovosochetaniy* [Dictionary of familiar expressions guanyongyu of the modern Chinese language: more than 1,000 phrases]. Moscow: ACT publishers: Vostok-Zapad. 333, [3] p.
 17. 黎弋。简明成语词典。北京大学出版社，2000年。844页。Li yi. Jianming chengyu cidian. Beijing daxue chubanshe, 2000 nian. 844 ye.
- INFORMATION ABOUT AUTHOR**
- Iuliia Arekeeva**, teaching assistant
 Department of Romance Philology,
 Second Foreign Language and Linguodidactics
 Udmurt State University
 426034, Izhevsk, Universitetskaya str., 1
 Russia
 izh4yu@gmail.com
- Принята к публикации: 10.04.2020*
Submission Date: 2020.04.10

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ:
ИЗУЧЕНИЕ И ОБОБЩЕНИЕ ОПЫТА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

CURRENT STATE OF TEACHING CHINESE LANGUAGE:
STUDY AND GENERALIZATION OF EXPERIENCE OF TEACHERS OF CHINESE LANGUAGE

Назарова Сайера Анваровна, PhD

Доцент, зав.кафедрой

китайского языка и литературы;

Ташкентский государственный институт востоковедения (ТашГИВ, Узбекистан)

zayidova@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье изложено основное содержание современного состояния преподавания китайского языка в вузе, отражены результаты проведенного анкетирования и его качественный анализ в пилотируемых вузах среди преподавателей китайского языка Республики Узбекистан. Автор на основе проведенного анализа занятий и обобщения опыта преподавателей китайского языка разработал методические рекомендации для преподавателей по совершенствованию методики обучения китайскому языку с применением технологии развития критического мышления через чтение и письмо.

Ключевые слова: *методика, анкетирование, преподаватели вузов, методические рекомендации, речевая деятельность, графические органайзеры, технология развития критического мышления через чтение и письмо, лексическая компетенция.*

Для цитирования: *Назарова С.А. Современное состояние обучения китайскому языку: изучение и обобщение опыта преподавателей китайского языка. Современные востоковедческие исследования. 2020; 2(2): 13-21*

ABSTRACT

This article outlines the main content of the current state of teaching the Chinese language at the university, reflects the results of the survey and its qualitative analysis in manned universities among teachers of the Chinese language of the Republic of Uzbekistan. The author, based on the analysis of classes and generalization of the experience of teachers of the Chinese language, developed guidelines for teachers to improve the methods of teaching the Chinese language using the technology for the development of critical thinking through reading and writing.

Key words: *methodology, questionnaire, university teachers, guidelines, speech activity, graphic organizers, technology for the development of critical thinking through reading and writing, lexical competence.*

For citation: *Nazarova S.A. Current state of teaching chinese language: study and generalization of experience of teachers of chinese language. Modern oriental studies. 2020; 2(2): 13-21*

ВВЕДЕНИЕ

В условиях современного постиндустриального мира, характеризующегося такими активными процессами, как глобализация, поликультуризация, применение инновационных образовательных технологий в сфере высшего образования становится его неотъемлемой частью, что в свою очередь создает необходимые предпосылки для дальнейшего успешного совершенствования иноязычной лексической компетенции студентов, как одного из ведущих аспектов коммуникативной деятельности.

В целях получения объективной картины преподавания лексики китайского языка студентам-филологам Республики Узбекистан, изучающих китайский язык как основной, на этапе поискового периода в рамках нашего исследования проведены анкетирование и его качественный анализ в пилотируемых вузах среди преподавателей китайского языка, как Узбекистана, так и Китая, осуществляющих свою преподавательскую деятельность в Ташкентском государственном институте востоковедения, Узбекском государственном университете мировых языков.

Для оказания методической помощи преподавателям китайского языка высших учебных заведений Республики Узбекистан были разработаны методические рекомендации по совершенствованию иноязычной лексической компетенции студентов-филологов при обучении китайскому языку с применением на занятиях технологии развития критического мышления через чтение и письмо. В нашем видении использование в практике высших учебных заведений этих рекомендаций будет способствовать совершенствованию планирования и использования современных педагогических технологий в учебно-воспитательном процессе студентов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С целью обобщения их опыта работы в аспекте исследуемой проблемы, а также выявления эффективности и целесообразности применения технологии развития критического мышления через чтение и письмо при обучении китайскому языку мы дополнительно применили поисковый метод как наблюдение занятий по китайскому языку.

В ходе проведенного анкетирования среди преподавателей китайского языка было задано более 20 вопросов в рамках исследуемой работы.

1. Сколько лет вы работаете преподавателем китайского языка?
2. Какие учебные пособия вы используете на занятиях китайского языка?
3. Какое максимальное количество новой лексики вы даете студентам на одном занятии?
4. Какое количество новой лексики допускается вводить по учебной программе на одном занятии?
5. На что, по-вашему, необходимо уделять внимание при объяснении новой лексики китайского языка?
6. Какие трудности возникают у студентов при совершенствовании иноязычной лексической компетенции?
7. Что вы понимаете под лексической компетенцией?
8. Какие традиционные методы вы используете при совершенствовании лексической компетенции?
9. Какие современные методы вы используете при совершенствовании лексической компетенции?
10. При помощи каких упражнений вы закрепляете пройденную лексику?

11. Считаете ли вы, что уровень владения словарным запасом студентов которых вы обучаете соответствует нормам, предусмотренные ГОС и учебными программами?

12. Что такое технология развития критического мышления через чтение и письмо? (ТРКМЧП)

13. Используете ли вы технологию развития критического мышления через чтение и письмо на занятии? (РКМЧП)

14. Если используете, то какие трудности возникают у вас при использовании технологии развития критического мышления через чтение и письмо?

15. Из каких этапов состоит технология РКМЧП?

16. Какова цель технологии РКМЧП ?

17. Каковы задачи технологии РКМЧП?

18. Какие приемы технологии РКМЧП вы знаете?

19. Какие приемы технологии РКМЧП вы используете на занятиях?

20. Как вы считаете, эффективна ли технология развития критического мышления через чтение и письмо при совершенствовании лексической компетенции студентов изучающих китайский язык? Обоснуйте свой ответ.

21. Как вы считаете, являются ли лексические упражнения в используемых вами учебниках эффективными? (Обоснуйте).

РЕЗУЛЬТАТЫ

По результатам проведенного анкетирования среди 50 преподавателей китайского языка вузов Республики Узбекистан было выявлено следующее:

Подавляющее число опрошенных педагогов по китайскому языку имеют стаж работы не менее 10–15 лет, тогда как у остальных преподавателей – не менее 5 лет.

Основные учебные пособия, используемые на занятиях китайского языка: «Новый практический курс китайского языка» под редакцией китайского ученого Лю Сюнь (新实用汉语课本), «Курс китайского языка» (汉语教程), «Новый объект» (新目标).

При объяснении новой лексики большинство информантов уделяют внимание правописанию иероглифов, семантике, словоупотреблению и использованию новых слов в предложении. Некоторые из них считают, что введение новой лексики должно происходить в тесной связи с культурой и жизненным укладом страны изучаемого языка.

По мнению преподавателей, количество вводимой лексики на одном занятии зависит от уровня знаний студентов: начальный этап не должен превышать 10 слов, средний и продвинутые этапы – не более 20–25 слов.

Чаще всего студенты при усвоении новой лексики сталкиваются с трудностями произношения, словоупотребления в предложении, сомневаются в правильности употребления слова, идиом, испытывают затруднения в использовании синонимов, неологизмов, омонимов.

На занятиях китайского языка в процессе совершенствования лексической компетенции студентов преподаватели высших учебных заведений Республики Узбекистан чаще всего применяют традиционные методы, объяснительно-иллюстративный, репродуктивный, метод чтения, реже – интерактивные методы, ролевые игры и др.

В процессе закрепления лексического материала информанты в основном отдают предпочтение конструктивным, подстановочным, иммитативным, трансформационным упражнениям, а также пересказу, описанию и т.д.

Большинство опрошенных затруднились в ответе на вопросы о ТРКМЧП. Анализ показал, что преподаватели китайского языка ранее не использовали технологию развития критического мышления через чтение и письмо на занятиях китайского языка, соответственно не в полной мере были даны ответы на вопросы, связанные с технологией РКМЧП.

Таким образом, результаты проведенного анкетирования среди преподавателей китайского языка пилотируемых вузов еще раз доказывают, что технология развития критического мышления через чтение и письмо ранее не применялась в учебно-воспитательном процессе.

Для выяснения положения в вузовской практике мы подробно проанализируем проведенное педагогическое наблюдение в столичных и областных вузах, основной целью которого является изучение организации учебного процесса, включая применение видов и форм работы по формированию и совершенствованию иноязычной лексической компетенции студентов-филологов.

Интересен опыт работы старшего преподавателя Узбекского государственного университета мировых языков Тхи Kimzung Туу. В ходе наблюдения нами было отмечено, что при объяснении новой лексики китайского языка преподаватель делает акцент на примеры, связанные с культурой и жизненным укладом китайского народа, приводит большое количество примеров на словосочетания с новыми словами, которые отражают жизненный быт и национальные традиции китайского народа.

Тхи Kimzung Туу в ходе разъяснения лексического материала акцентировала свое внимание на ключевых словах, идиомах, фразеологизмах новой темы, которые находили свое разъяснение в мини-текстах учебного материала. Далее эти так называемые «разъяснительные» мини-тексты зачитывались совместно со студентами, при этом обращалось внимание на произношение каждого слова, тем самым формировались не только лексические, но и произносительные навыки и активизировался мыслительный процесс при чтении аутентичных текстов.

Следующий этап занятия китайского языка относился к закреплению и воспроизведению пройденного материала. На этапе закрепления выполнялись различные письменные упражнения в виде аудиторного и домашнего задания. Тхи Kimzung Туу в процессе воспроизведения изученной лексики применяла различные интерактивные методы. Например, студенты в мини-группах обменивались мнениями по пройденной теме, высказывали свою точку зрения по теме занятия, используя как можно больше новых слов. В конце занятия на закрепление нового материала старший преподаватель Тхи Kimzung Туу продемонстрировала видеоролик по пройденной теме занятия, в котором были задействованы рецептивные навыки обучающихся.

В целом занятие произвело на нас положительное впечатление. Желательно в ходе занятия использовать инновационную образовательную технологию развития критического мышления через чтение и письмо, а также в рамках этой технологии графические организаторы, формирующие аналитические навыки в построении логической цепочки и выход на уровень осознанной компетентности студента.

Наблюдения практических занятий китайского языка преподавателя Самаркандского

государственного института иностранных языков Л.Шомансуровой показали, что этот преподаватель отдает предпочтение как традиционным, так и нетрадиционным методам обучения в процессе введения и закрепления иноязычной лексики. При использовании традиционных методов Л. Шомансурова чаще всего применяет метод работы с книгой, метод иллюстрации, который предполагает показ и восприятие предметов, процессов и явлений с помощью плакатов, карточек, рисунков и т.д., а также метод дискуссии и др. Л. Шомансурова реже применяет метод взаимообучения, который направлен на развитие способностей в процессе обмена основной и дополнительной информацией между студентами. Считаю целесообразным более активно использовать методы, развивающие жизненно важные аспекты психической деятельности индивида, его креативность, самостоятельность, способность к оценочному мнению, что является главной составляющей учебно-образовательного процесса.

Весьма полезен опыт преподавания старшего преподавателя Ташкентского государственного института востоковедения У. Мавляновой. Наши наблюдения за ходом ее занятий показали, что для закрепления пройденного лексического материала преподаватель применяет дидактическую игру «снежный ком»: в порядке цепной реакции студенты друг за другом называют слово по теме «Явления природы». Выбывает из игры тот ученик, который не смог назвать слово по заданной теме. В ходе наблюдения за занятиями установлено, что преподаватель отдает предпочтение традиционным методам повторения и закрепления материала: пересказу, заучиванию, выполненно упражнением, отраженных в учебниках по китайскому языку, методу иллюстрации. Нами был отмечен

высокий интерес студентов к повторению пройденного материала, так как снижается утомляемость и в работу включаются все студенты.

Наблюдение за ходом занятий показало необходимость применения методов и приемов, влияющих на развитие таких умений, как формулировать свое мнение в лаконичной, сжатой форме, обоснованно излагать свое видение заданной темы, синтезировать информацию.

Нами также среди преподавателей пилотируемых вузов был проведен качественный анализ анкетирования для получения наиболее полной общей картины учебно-воспитательного процесса в аспекте исследуемой проблемы по совершенствованию иноязычной лексической компетенции студентов-филологов при обучении китайскому языку с применением технологии РКМЧП.

Л.Шосаидова является преподавателем китайского языка Узбекского государственного университета мировых языков. Преподавательский стаж ее работы составляет 7 лет. По мнению педагога, количество вводимой лексики на одном занятии зависит от этапа обучения студентов. Начальный этап не должен превышать 10 слов, средний и продвинутые этапы – не более 20 слов. Л. Шосаидова, при объяснении новой лексики большое внимание уделяет правописанию иероглифов, так как необходимо овладеть навыками лексического оформления, включая умения использования лексических единиц в различных ситуациях письменного общения. По ее мнению, одним из важных моментов при совершенствовании лексической компетенции у студентов являются лингвистические знания в области лексики, т.е. знание правил словообразования лексических единиц и их сочетаемости. Чаще всего студенты при освоении новой лексики китайского языка

сталкиваются с трудностями произношения, словоупотребления в предложении. На занятиях китайского языка преподаватель Л. Шосаидова, чередует как традиционные, так и нетрадиционные методы при обучении иноязычной лексике китайского языка. По ее мнению, применение демонстрационного, мультимедийного, сравнительного и интерактивных методов с помощью различных игр дает более высокие результаты в процессе формирования и совершенствования лексических навыков и умений студентов, а также способствует повышению мотивации и интереса к занятиям в целом.

С точки зрения исследуемой нами проблемы совершенствования иноязычной лексической компетенции студентов при обучении китайскому языку с применением ТРКМЧП преподаватель Л. Шосаидова прибегает к разнообразным методам и приемам при семантизации и закреплении лексики. Однако, на наш взгляд, необходимо использовать и интегрированный подход обучения с применением инновационной образовательной технологии в целях оптимизации формы образования с учетом технических и человеческих ресурсов.

Старший преподаватель Ташкентского государственного института востоковедения Л. Султанова имеет многолетний опыт работы со студентами, изучающими китайский язык. Основные учебники, используемые на занятиях китайского языка, – это «Новый практический курс китайского языка», «Новый объект» и др. Количество вводимых новых слов на одном занятии, по мнению старшего преподавателя, зависит от степени сложности новой лексики. Л. Султанова уделяет особое внимание тону при введении новых слов и правилам произношения, так как студенты за курс обучения должны научиться использовать лексические

единицы в различных ситуациях устного общения. Кроме того, правила последовательного написания иероглифов также имеют особое место в методике преподавания лексики китайского языка.

Самая распространенная трудность, с которой сталкиваются студенты в процессе совершенствования лексической компетенции, – это словоупотребление. По мнению Л. Султановой, это связано, прежде всего, с тем, что в китайском языке очень развито явление омонимии. Страхий преподаватель применяет разнообразные традиционные методы в процессе совершенствования лексических навыков студентов. По ее мнению, эффективными методами показали себя различные игровые и демонстрационные методы, заучивание и пение песен, просмотр фильмов. Для закрепления новой лексики Л. Султанова отдает предпочтение конструктивным, подстановочным, трансформационным и другим видам упражнений, так как они направлены на совершенствование навыков применения иноязычных слов в предложениях.

В ходе качественного анализа мы выявили, что старший преподаватель Л. Султанова применяет большое количество разнообразных методов и приемов на занятиях по китайскому языку, уделяет внимание формированию и совершенствованию как рецептивных, так и продуктивных навыков студентов вузов. На наш взгляд, преподавателю необходимо обратиться к использованию в рамках ТРКМЧП технологических этапов, отражающих три стадии единого процесса и предвещающих решение поставленных задач.

Преподаватель Самаркандского государственного института иностранных языков Х. Тугалов имеет преподавательский стаж 5 лет. На занятиях китайского языка он использует

такие учебники китайского издания, как «Новый практический курс китайского языка» (新实用汉语), «Новый объект» (新目标), 汉语教程。 По его мнению, максимальное количество вводимой лексики составляет 10–20 слов, однако, как он считает, в учебной программе не отражено определенное количество лексики. На взгляд преподавателя, при введении новых слов следует ориентироваться на аудиторию слушателей, в частности, на логическое мышление студентов, уровень восприятия ими новой лексики и их психологической подготовки. По его наблюдениям, студенты чаще всего сталкиваются с трудностями в общении, не могут сформулировать свою мысль из-за недостаточного лексического запаса. Для преодоления таких трудностей на занятиях китайского языка преподаватель Х. Тугалов использует разнообразные методы в процессе совершенствования иноязычной лексической компетенции: переводный метод, изложение, просмотр аутентичных художественных кинофильмов, аудирование и др. На наш взгляд, для совершенствования навыков овладения студентами иноязычными словами необходимо использование преподавателем методов и приемов в виде таких графических органайзеров, как «Диаграмма Венна» «Фишбоун», «ПОПС-формула», «SWOT-анализ», которые соответствуют каждой фазе технологии РКМЧП.

ВЫВОДЫ

Таким образом, результаты качественного анализа проведенного анкетирования, наблюдений за ходом занятий, дают основание утверждать, что преподаватели вузов в рамках дисциплины «Основной восточный язык» (Китайский язык) применяют различные методы и приемы в процессе совершенствования иноязычной

лексической компетенции студентов-китаистов. Однако, на наш взгляд, целесообразно использование преподавателями китайского языка на занятиях технологии развития критического мышления через чтение и письмо. Выполнение таких лексических заданий, связанных с технологией РКМЧП, будет способствовать активной работе мысли, формирующей навыки осознанного применения иноязычных слов, совершенствующей умения применять приобретенные лексические знания и анализировать факты и события.

Преподаватели китайского языка высших учебных заведений Республики Узбекистан не в полной мере уделяют внимание следующим вопросам:

- инновационной образовательной технологии критического мышления через чтение и письмо при работе с лексикой китайского языка;
- практически отсутствуют дидактические материалы по новейшим технологиям, в частности, в плане планирования и применения инновационных образовательных технологий при обучении лексике китайского языка;
- не разработаны учебно-методические комплексы по преодолению возникающих трудностей при изучении лексики китайского языка студентов-филологов;
- на кафедрах высших учебных заведений Республики Узбекистан не в полной мере ведется систематическая работа по планированию и применению инновационной образовательной технологии развития критического мышления через чтение и письмо, предусматривающая обогащение словарного запаса с учетом когнитивных процессов студентов-филологов на каждой фазе технологического этапа ТРКМЧП;

- в учебных планах вузов не предусмотрено применение технологии РКМЧП при изучении лексики китайского языка, в основном, используются такие традиционные методы, как объяснительно-иллюстративный, репродуктивный, метод чтения, реже – интерактивный, игровые методы и т.д.

С учетом выявленных недостатков по применению инновационной образовательной технологии РКМЧП на базе изученного передового опыта преподавателей китайского языка Республики Узбекистан и полученных результатов проведенного научно-педагогического эксперимента, нами разработаны следующие методические рекомендации по планированию и совершенствованию иноязычной лексической компетенции с применением технологии развития критического мышления через чтение и письмо у студентов 3-4-х курсов высших учебных заведений Республики Узбекистан:

- для целенаправленного совершенствования общеупотребительной лексики китайского языка студентов-филологов по специальности «Филология» необходимо ориентировать их на объект деятельности с учетом ее особенностей. Один из эффективных способов осуществления ориентации студентов – использование графических organizers как дидактической опоры при обучении;

- гармоничная ориентация на каждого студента в процессе усвоения лексики китайского языка, в случае возникновения трудностей или допущения лексических ошибок, необходима поддержка преподавателя с учетом его интеллектуальных способностей, знаний и эмоций;

- следует учитывать психологический компонент содержания обучения китайской лексики, т.к. слова в нашей памяти существуют не изо-

лировано, а включены в сложную систему лексико-семантических отношений, и интегрируются в два типа структурных отношений – парадигматические и синтагматические связи слов;

- следует называть предметы и явления на изучаемом иностранном языке, а также употреблять слова иностранного языка в прямом и переносном значениях;

- для овладения лексикой китайского языка необходимо давать этимологию и возможные лексические значения иероглифических знаков, доводить до сведения обучаемых основные модели словообразования в китайском языке;

- в процессе усвоения лексических единиц китайского языка студентами-китаистами необходимо применять осмысленное запоминание в противовес механическому. На наш взгляд при оперировании своего внимания семантикой слова происходит осмысленное запоминание нового слова;

- следует вырабатывать новые представления о структуре лексической единицы китайского языка у студентов, формировать совершенно новые динамические стереотипы коммуникативной деятельности на этом языке;

- необходимо учитывать тенденции развития китайского языка, доводить до обучающихся модели сокращения лексических единиц;

- в процессе совершенствования акустико-графических навыков следует учитывать сложную тоновую систему китайского языка, доводить до обучающихся соответствующие правила модуляции;

- учитывать специфическую китайскую иероглифическую письменность в процессе совершенствования лексической компетенции, доводить до обучающихся правила каллигра-

фии, а также типы образования китайских иероглифов;

- в процессе совершенствования лексических навыков и умений необходимо учитывать не только сведения формально-структурного характера, но и знание ситуативных, социальных и контекстуальных правил, которых придерживаются носители китайского языка;

- совершенствование иноязычной лексической компетенции должно происходить с учетом природы возникновения лексических трудностей у студентов-филологов, посредством сопоставления в учебных и методических целях лексики китайского и узбекского языка;

- обучение лексическому аспекту речевой деятельности должно происходить в тесной связи с культурой и жизненным укладом китайской нации, примеры должны отражать жизненный быт и национальные традиции народа изучаемого языка;

- целесообразно совершенствовать иноязычную лексическую компетенцию на основе дифференцированного подхода, предполагающего использование различных видов упражнений, комплекса методов и приемов, соответствующая каждой фазе технологии РКМЧП (в виде таблиц, опорных схем, графических организаторов, кластеров, карт ассоциаций), а также комментариев с учетом степени трудностей и других признаков.

В целях преодоления трудностей, возникающих на фоне внутриязыковой и межъязыковой интерференции у студентов, предлагаем использовать разработанную нами методику по совершенствованию обучения иноязычной лексике китайского языка с применением технологии РКМЧП на занятиях в вузе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кочергин И.В. Очерки методики обучения китайскому языку. Москва, 2000. 336 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Kochergin, I.V. (2000) Ocherki metodiki obucheniya kitajskomu yazyku [Essays on Chinese Language Teaching Methods]. Moskva. 336 p.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

teaching assistant *Iuliia Arekeeva*
Department of Romance Philology,
Second Foreign Language and Linguodidactics
Udmurt State University
426034, Izhevsk, Universitetskaya str., 1
Russia
izh4yu@gmail.com

Принята к публикации: 10.04.2020

Submission Date: 2020.04.10

ГЕНЕЗИС ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСТОРИИ КИТАЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

THE GENESIS OF THE SOCIO-POLITICAL TERMINOLOGY OF THE CHINESE LANGUAGE THROUGH THE PRISM OF THE HISTORY OF CHINESE DIPLOMACY

Насирова Саодат Абдуллаевна,

кандидат филологических наук, доцент

Институт Конфуция при Ташкентском государственном институте востоковедения
saodat888@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена лексико-семантическому, этимологическому и когнитивному анализу специфики перевода некоторых общественно-политических терминов китайского языка, генезис развития некоторых терминов связанных с внешнеполитической деятельностью древнего Китая. Анализ некоторых общественно-политических терминов согласно их этимологическим характеристикам, формированию и развитию терминов в эпоху становления дипломатии Древнего Китая демонстрировали растущую тенденцию взаимодействий национальной и международной целевой аудитории Китая. В зависимости политического происхождения, исторических импактов во внутренней и внешней политике Китая, общественно-политические термины включают в себя определения, касающиеся национально значимых событий общественно – политической жизни, а также другие аспекты, связанные с экономикой и культурой. В этой связи переводчикам следует обратить внимание на то, что при переводе общекультурных слов точнее учитывать культурные традиции Китая и исторические предпосылки.

Ключевые слова и фразы: лексико-семантическая специфика, этимология, общественно-политические термины, генезис, дипломатия, импакты.

Для цитирования: Насирова С.А. Генезис общественно-политической терминологии китайского языка через призму истории китайской дипломатии. *Современные востоковедческие исследования.* 2020; 2(2): 22-33

ABSTRACT

The article is devoted to the lexical-semantic, etymological and cognitive analysis of the specifics of the translation of some socio-political terms of the Chinese language, the genesis of the development of some terms related to the foreign policy of ancient China. The analysis of some socio-political terms according to their etymological characteristics, the formation and development of terms in the era of the establishment of diplomacy in Ancient China showed a growing trend of interaction between the national and international target audience of China. Depending on the political origin, historical impacts in the domestic and foreign policy of China, socio-political terms include definitions relating to nationally significant events of socio-political life, as well as other aspects related to the economy and culture. In this regard, translators should pay attention to the fact that when translating general cultural words, it is more accurate to take into account the cultural traditions of China and historical background.

Key words and phrases: lexical and semantic specificity, etymology, sociopolitical terms, genesis, diplomacy, impacts.

For citation: Nosirova S.A. The genesis of the socio-political terminology of the Chinese language through the prism of the history of Chinese diplomacy. *Modern oriental studies.* 2020; 2(2): 22-33

ВВЕДЕНИЕ

Политическая ситуация и ее изменение играют существенную роль в развитии языка, и непосредственно в формировании общественно-политической терминологии. Чем более открыта и демократична жизнь общества, тем больше внимания уделяется языку политики, причем формирование и развитие общественно-политических терминов как в диахронии, так и в синхронии интересует как профессионалов, занятых в политике, журналистов и политологов, так и самые широкие массы граждан. Умение понимать язык политики и вести дискуссию на общественно-политические темы входит и в круг значимых компетенций студентов. Студенты, изучающие иностранный язык, все чаще сталкиваются с проблемами перевода лексических единиц политического дискурса в рамках курса профессионально ориентированного перевода и в рамках отдельных дисциплин. В связи с этим возникает необходимость уделять особое внимание таким областям знания, как политический дискурс, лингвокультурная составляющая общественно-политического дискурса и особенности перевода статей общественно-политической тематики.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основным методом исследования является этимологический, когнитивный методы, поскольку общественно-политическая терминология рассматривается в контексте политической ситуации, в которой оно создано, в соотношении с другими политическими текстами, политическими взглядами и функциями, которые оно выполняет. Эмпирическим материалом исследования в рамках данной научной статьи послужили общественно-политические термины имеющие отношение к внешней политике древнего Китая и активно используемые в настоящее время.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ некоторых общественно-политических терминов согласно их этимологическим характеристикам, формировании и развитие терминов в эпоху становления дипломатии Древнего Китая демонстрировали растущую тенденцию взаимодействий национальной и международной целевой аудитории Китая. В зависимости политического происхождения, исторических импактов во внутренней и внешней политике Китая, общественно-политические термины включают в себя определения, касающиеся национально значимых событий общественно – политической жизни, а также другие аспекты, связанные с экономикой и культурой. В этой связи переводчикам следует обратить внимание на то, что при переводе общекультурных слов точнее учитывать культурные традиции Китая и исторические предпосылки.

ОБСУЖДЕНИЕ

Успехи Китая в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества зачастую связывают с претворением в жизнь концепции «мягкой силы», главной целью которой является достижение правильного восприятия мировым сообществом национальных идеалов КНР [Насирова С., 2019, с.6]. Корни концепции «мягкой силы» Китая заложены в глубокой древней истории становления и развития внешнеполитических отношений Китая, так называемой истории дипломатии древнего Китая.

Общественно-политическая и дипломатическая терминология тесно связаны с историей политической мысли в Китае. Масштабы и тенденции изменения ОПЯ отличаются от дипломатического языка (далее ДЯ). ОПТ связана со специальным языком политической философии, поскольку она помогает формулировать

наиболее распространенные вопросы, касающиеся отношений между индивидом и обществом, между властью и обществом, между властью и индивидом, между властью и международным сообществом. ОПТ также используется для формулирования политических явлений, таких как социальная критика, принципы справедливости, права и т. д. Без ОПТ не могли бы быть созданы такие понятия, как «народное правительство», «качественное управление», «транспарентное правительство», «справедливая форма государственного управления» и пр. Описание политических доктрин, идеологий, программ, концепций и стратегий также является важной областью проявления ОПЯ [Носирова С., 2018, с.66].

Изучая генезис общественно-политической терминологии китайского языка, конечно, следует взглянуть на историю китайской дипломатии. Этот выбор основывается на следующие обстоятельства. Во-первых, любое понятие, в том числе система политических терминов обобщает и изучает иные научные аспекты определенных терминов. Во-вторых, китайская общественно-политическая терминология развивается во взаимосвязи с международными отношениями и социально-экономическим прогрессом в сфере внешней политики, торговли, инвестиции, финансов, науки и техники, культуры, образования, спорта и других сфер. В-третьих, в отличие от общеупотребительных слов, общественно-политические термины находятся под постоянным контролем государства, правительства и общества. В китайском языке, как и в других языках, общественно-политические термины не возникают сами по себе. Напротив, они по мере необходимости сочиняются, постепенно внедряются в обращение, т.е. определенный термин проходит «обкатку» внутри страны, в выступлениях руководителей государства и партии, затем уже входят в обиход на международном уровне.

Как появились широко применяемые в настоящее время в современном китайском языке общественно-политические термины? Имелись ли их эквиваленты в древних временах? Какой была их трансформация в рамках лексико-семантических свойств терминов? Для того, чтобы ответить на эти вопросы нам следует обратиться к генезису некоторых внешне-политических, т.е. дипломатических терминов китайского языка:

Значение 外交 существенно отличается от смысла современного термина дипломатия. Согласно китайским источникам, «чтобы слуга не злоупотреблял доверием своего правителя, он должен избегать 外交» [Huang Jinqi, 2004, с.1]. Значит, 外交 имеет ввиду тайные отношения с другим правителем. Другое значение 外交 – это выразить «личное социальное отношение».

Как пишется в произведении «Автобиография Денг Тонга»: «Денг Тонг относился с неприязнью к 外交» [史记, с.134]. В данном случае 外交 мог означать скорее всего «тайные связи» или «общественные отношения с другими лицами».

外交 началась применяться как эквивалент термина дипломатии только с недавних пор. В буквальном смысле 外交 означает *внешние связи или связь с иностранными государствами*. Согласно изложенному в словаре «Ци Юэн» определению, 外交 означает осуществляемые межгосударственные отношения и подписываемые между государствами соглашения [辞源, с.3009]. Если исходить из вышеуказанных определений, то смысл термина дипломатия следует понять так: «Взаимоотношения одного государства с другим государством или межгосударственные отношения».

В Древнем Китае «дипломатия» выражалась словом 外事 «внешние дела». Данный факт первый раз встречается в хронике Дзуо Жуан [Huang Jinqi, 2004, с.4]. В хронике Жонгханг Хуанзи говорит так: «请复贾季, 能外事», т.е. *рекомендую дать должность 贾季 Дзядзи, потому что он мастер 外事* [Huang Jinqi, 2004, с.4]. В произведении «Троецарствие» есть информация о том, что брат Сун Чуэна Сун Цэ перед смертью завещал своему младшему брату следующее: «内事不决问张昭, 外事不决问周瑜», т.е. «Если ты не уверен в 内事, посоветуйся с 张昭 Жанг Жао, если не сможешь сам решить 外事, бери совет у 周瑜 Жоу Ю». 内事 и 外事 в Древнем Китае означал внутренние и внешние дела. То есть в Древнем Китае значение дипломатии выражалось словом 外事. Это слово всё ещё применяется в своем настоящем значении.

Иногда термин *дипломатия* выражался словом 外务. Например, в конце эпохи династии Цин (1644-1911) был создан отдел внешних дел, который назвали 外务部. Это является эквивалентом современного термина 外交部 (Министерство иностранных дел).

В дипломатии используются такие термины, как 外援 *иностранная помощь* и 外宾 *иностранный гость*. Как рассказывается в хронике Дзуо Жуан «左传»: «Заклучайте перемирие, по дружитеесь и найдите 外援» [Huang Jinqi, 2004, с.4].

В песне Юэн Жен «何满子歌 Песня Хемана» во времена династии Тань (618-907) поется о следующем: «В древние времена, когда правитель 外宾 дал в честь иностранных гостей пиршество, музыка 论鸣 Лунминг повторилась трижды и показывались изделия из нефрита» [Huang Jinqi, 2004, с.4]. Лунгминг – это назва-

ние песни из «Книги песен», который исполнялся на приеме высокопоставленных гостей.

В Древнем Китае широко применялся термин 使节 *дипломатический представитель*. Иероглиф 使 сохранил свое настоящее значение в качестве существительного *посол* или *дипломатический агент*, или глагола *быть в загранице послом*. Как говорится в китайской поговорке: «Даже во время вооруженного столкновения, каждое государство должно обмениваться “使”». Этот факт свидетельствует не только о том, что в Древнем Китае были дипломатические агенты, но и о наличии практических указаний и традиций для них.

Иероглиф 节 применялся в Древнем Китае как эквивалент современного термина *верительная грамота*, применяющаяся в настоящее время в дипломатии. 节 выдавался руководителем государства послам. 节 встречался в различных формах. Например, отправленный Су Ву Сьонггу из династии Хань 节 имел форму лучинки (веточки), который украшался хвостом яка. Сьонггу в течение 19 лет заставляет Су Вуна служить пастухом на большой северной территории. Как рассказывается в произведении «汉书. 苏武传» «Автобиография Су Ву»: «苏武 Су Ву никогда не выпускал из рук вверенный ему 节, из-за чего от прикрепленного к 节 хвоста яка не осталось ни одного волоска». Данное обстоятельство свидетельствует о невероятной верности 苏武 Су Ву возложенной ему поручению. Поэтому, в настоящее время 气节 означает нравственную чистоту.

Вышеуказанный термин 使节 состоит из частей 使 и 节. При применении этого термина должны подразумеваться не дипломатические агенты, а 节 или значение пришедшие

с верительной грамотой. Ими могут быть руководители миссий, послы, министры, представители и т.д. в другом источнике говорится, что 使 означает отправить [王玉林, 1996, с.67].

В Древнем Китае, отправленные для ведения внешних дел лица, носили с собой изготовленную из нефрита, меди, бамбука или дерева печать (клеймо). Эти печати (клейма) назывались 符节 *мандат* и первоначально термин 使节 использовался не в отношении какого-либо лица, а в отношении самой печати. 使节 служил одним из признаков того, к какой династии относится его хозяин, а материал, из которого изготовлен печать намекал на степень богатства.

Впервые применение 使节 встречается в произведении “Shi Ji” [王玉林, 1996, с.67]. Термин 节 первоначально стали использовать в эпоху династий Цин (221 – 207 до н.э.) и Западного Ханя (206 – 24 до н.э.) в значении *доверенность, верительная грамота*. Древний дословный перевод термина “使节”: *направлен с доверенностью*.

Начиная с XIV века дипломатические представители начали заниматься не только политическими, но и экономическими вопросами. В связи с чем дипломатическим представителям, отправляющимся на служебную поездку за границу, начали выдавать должность 使节 *постоянный аккредитованный представитель*. Эта должность выдавалась только на два года. В последующем этот срок был увеличен до 3 лет. К концу XVI века должность *аккредитованного в загранице посла* также широко распространилась и в Европе [王玉林, 1996, с.66]. Согласно сведениям из других источников, в процессе развития внешних связей Древней Греции начали появляться первые дипломатические представители 使节. Такие представители вы-

бирались из числа уважаемых, известных и грамотных людей. В настоящее время 使节 применяется также и в значении *аккредитованный в иностранном государстве дипломатический представитель* или *дипломатический представитель, направленный в иностранное государство в качестве временно поверенного*.

Термин 大使 означал направляемого каким-либо государством в другое государство дипломатического представителя и полная форма которого выглядела как 特命全权大使 *Чрезвычайный и Полномочный Посол*. Происхождение данного термина имеет несколько тысячелетнюю историю [王玉林, 1996, с.67]. 4000 лет назад египетский фараон установил отношения с азиатскими государствами и назначил в своем государстве специального человека, который занимался вопросами Азии и направлялся в азиатские страны. Согласно источникам, именно это лицо был первым в истории дипломатическим представителем. Обязанностью назначенного представителя было приношение фараону писем или доставка правителям других государств писем фараона. Такой представитель, если выразиться современным дипломатическим языком, выполнял функцию дипломатического курьера. В другом источнике указывается, что 大使 ранее не использовался в дипломатической деятельности. Раньше были послы каждого государства, которые работали в другой стране. Однако, глава государства, при необходимости для выполнения внешних дел мог отправлять в другие государства некоторых лиц, не имеющих чрезвычайных полномочий в качестве своего посла. В такой ситуации, особенно во время проводимых во дворце приемов наблюдались разногласия между послом данного государства и чрезвычайным представителем. Поэтому, к концу XVII века появилась необходимость вставки

в верительном грамоте посла слова *чрезвычайный* [王玉林, 1996, с.205].

Рассмотрим трансформацию группы терминов.

- * Древний смысл применяемого в значении *правительство* термина 政府 существенно отличается от современного значения. В древности 政府 означал *место службы канцлера* [王玉林, 1996, с.361].
- * Во времена династии Тань (618-907) с постепенным прогрессом феодального строя, началась политика *организации трех губерний с шестью отделами*. Губерния Жонг Шу – принимающая решения; губерния Мэн Ся – утверждающая решения; губерния Танг Шу – осуществляла принятые и утвержденные решения. Внедренная в эпоху Тань данная система, в настоящее время схож с двухпалатной парламентной системой многих стран. Руководители вышеуказанных трех губерний совместно осуществляли государственные дела. Место, где они собирались вместе, называлось 正事堂, т.е. *дворец правительственных дел*. В настоящее время 政府 используется в значении части государственной структуры.
- * Термин, означающий *глава государства* 元首 yuanshou впервые встречается 淌书 Танг Шу. На самом деле каждый слог термина 元首 означает *голову*. С древности термин использовался в значении *глава государства* и до настоящего времени широко применяется в процессе ведения внешних дел, сохраняя при этом свое настоящее значение.
- * Термин 领事, выражающий значение *консул* буквально означает *представителя правительства, который направляется*

одним государством в другое государство для выполнения обязанности консула, с соблюдением правил международной практики и договора. Происхождение данного термина был весьма далеким от сферы дипломатии. Должность 领事 была близка, скорее к торговле и экономике. В начале, занимающим эту должность лицам возлагались функции по развитию в своем государстве торговли [王玉林, 1996, с.67]. В средние века целью многих деловых людей было осуществлять торговлю с иностранными государствами. Однако между купцами возникало множество разногласий. Для устранения таких конфликтов они выбирали определенного судью. Первоначально эта должность была постоянной, но затем на эту должность начали назначать несколько людей, которые назывались *третейский (арбитражный) консул*. Означающий эту должность 领事 является ранней формой данного термина. К концу XII века в Венеции и Иерусалиме впервые были назначены консулы по военным делам.

В XIX веке развивается международная коммерция. Государства начинают уделять особое внимание должности консула и разрабатываются особые правила и привилегии для внешних консулов. С тех пор должность консула приобрела законное дипломатическое значение.

Термин 华侨 *китайский эмигрант* образовался в результате сочетания двух иероглифов 华 и 侨, который применялся для обозначения, отправленного в заграницу или постоянно проживающего там человека китайской национальности. Этот термин начали применять со времен династии Цин (1644 – 1911).

Как указывает посол Китая в Америке Дзю Донг Ланлин, в 1878 году в отношении прибывших из Китая и осевших в Америке китайцев впервые начали применять термин 侨民, т.е. *эмигрант*. В 1883 году в предоставленном Жэнг Гуаном заместителю Премьер-министра сообщении впервые был применен термин 华侨. В 1904 году в прибывшем в адрес Министерства иностранных дел (в то время оно называлось 外务部, т.е. *отдел внешних дел*, а сейчас 外交部 *отдел внешних связей*) документе отмечалось, что «открытие в иностранном государстве консульства не потребует много расходов, а от китайских эмигрантов будет больше пользы». После этой ноты термин 华侨 стал широко использоваться в значении *китайский эмигрант* [王玉林, 1996, с.96-97].

Верительная грамота – это средство для установления между государствами дипломатических отношений. Впервые термин 魏书 *верительная грамота* упоминается в биографии Вэйномы «Гаою», где были такие строки: «Прошу вас поручить составление грамоты высококвалифицированным работникам» [番新明, 1994, с.50]. После установления между странами дипломатических отношений отправлялись представители или послы с государственной верительной грамотой.

Направление в иностранные государства посла и прием иностранного посла с верительной грамотой были одним из прав, который осуществлял глава государства [番新明, 1994, с.51].

Слово 礼宾 *протокол* (в значении совокупности норм и правил поведения) или 议定书 *протокол* (в значении документа) произошло от латинского *protokollum* и древнегреческого *Prw To'sollu*, которое прикреплялось на первой

странице документа. На самом деле, ведомства, оформляющие документ, использовали его в качестве переплетенного официального документа. В прошлом за такие документы были ответственны во Франции – Департамент протокола, в Англии – Департаменты протокола и гражданства. С развитием дипломатических документов форма стенографии заседания представителей двух стран (Протокол) превратился в документ, описывающий результаты заседания. Протокол указывается на первой странице официального документа и предусматривает соблюдение представителями двух стран всех норм подписываемого документа. В настоящий день, при подписании важных международных соглашений по традиции пользуются протокольными формами [番新明, 1994, с.205].

盟约 *mengyue* сокращение полной формы термина 同盟条约 *tongmeng tiaoyue* союзный договор, так и 盟誓 *mengshi* соглашение. Союзный договор – это соглашение (договор) составляемое для объединения на международной арене двух или более государств для достижения общих целей. Основная суть состоит в том, что государства проводят многосторонние переговоры, на котором принимают нормы общих действий и возлагают на себя определенные обязательства. В древних соглашениях Китая приносили клятву, путем выпивания крови принесенных в жертвоприношение зверей. Участники соглашения назывались 同盟 *tongmeng*. Как приводится в историческом источнике «左传•僖九年 Дзюочуан Сидзье́ниен»: «Император, договорившись в Куэйдзянге с несколькими правителями, сказал следующее: «Те кто договаривается с нами, восстанавливают хорошие отношения» [番新明, 1994, с.240]. В китайской истории встречаются случаи, когда между государствами принимается союз-

ный договор для предотвращения нападения со стороны третьего государства.

协议 *xieyi* договор о взаимопонимании – это документ договорного характера, в которой после консультаций, переговоров и дискуссий между государствами, партиями, организациями, фирмами, компаниями и предприятиями излагается общая позиция. Например: двустороннее соглашение, торговое соглашение, соглашение о совместном управлении предприятия, соглашение о перевозке грузов, соглашение купли-продажи и т.д.

Согласно внутренним законам государства, оно принимается как важный вид договора в двусторонних отношениях. По условиям, ответственности и характеру соглашения 合同 *hetong* является таким видом документа, который имеет более важный статус чем договор. Рамки составляемых между предприятиями соглашений относительно широкие. Межгосударственные консультации по определенной проблеме, ведение переговоров и обмен мнениями могут быть выражены в форме данного договора. Имеются различные виды соглашений, представляемые в форме иероглифов -条约 *tiaoyue*, 公约 *gongyue*, 协定 *xieding*, 议定书 *yidingshu* и т.д. Все они считаются 协议 *xieyi*, т.е. *согласительные документы*.

贺电 *hedian* – это *извещение (телеграмма)*, которым пользуются государства, партии, организации и люди при поздравлении друг друга с праздником, юбилейной датой или торжеством. Праздничная телеграмма по-другому также называется и 贺信 *hexin* *поздравительное письмо*. Оба эти слова означают один смысл. Так как в древности не было поздравительных телеграмм, то при поздравлении использовалось 贺信 *hexin* *поздравительное письмо*. Эти поздравительные письма по прошествии

веков прошли определенную эволюцию. В разделе под названием “大祝作六辞以通上下亲疏远近 *da zhu zuo liu ci yi tong shang xia qin shu yuan jin*”. (“6 баллад для поздравления богатого, бедного, родственника, незнакомого, дальних и близких людей”) книги “周礼” Жоули эпохи династии Жоу (XI век до н.э.) описаны шесть смыслов термина “辞 *ci*” [番新明, 1994, с.247-248], т.е. термин 六辞 *liu ci* (辞 *ci* – название жанра литературы Древнего Китая) означает «шесть баллад», в которую входят следующие баллады: 辞 *ci*, 命 *ming*, 诰 *gao*, 会 *hui*, 祷 *dao*, 谏 *lei*. Среди них “祷 *dao*” означает «балладу о поздравлении с праздником». В последующем стали требовать, что бы на императорских церемониях, боевых побед и больших мероприятиях на заголовке поздравительных писем были восхваления [番新明, 1994, с.378]. Иногда, 祝贺 *zhuhe*, т.е. поздравление называется также 贺表 *hebiao*. В томе 大雅下武 “Dayaxiawu” «Книги стихотворений» 诗经 *Shijing* говорится следующее: “受天之佑，四方来贺 *shoutianzhiyuo, si fanglaihe*”, т.е. «С Божьего изволения со всего мира пришли поздравления» [番新明, 1994, с.378]. Как говорится в 国语 *Guo yu*: “При оказании уважения к памяти есть скорбь, а в поздравлении – радость” (*Guo yu* был написан в 7-6 веках до нашей эры, который в основном является сборником общественно-политических взглядов царей и крупных чиновников той эпохи).

Таким образом, поздравительная телеграмма сформировалась в процессе официальных отношений, которая превратилась в письменный жанр, который используется в ежедневной жизни.

名片 *mingpian* *визитная карточка* существовал еще с древних времен (эквивалент нынешней

vizitki), который выражался термином 名刺 *mingci*. Упомянутый в книге “论衡 *lunheng*” и “骨相篇 *guxiangpian*” династии Восточный Хань (25 – 220 гг. н.э.) термин “通刺 *tongci*” означает «подарить визитную карточку» [番新明, 1994, с.348].

К эпохе династий Северного и Южного Сунь (960 – 1279 гг.) применение визитных карточек стало повсеместным, даже появились новгородные открытки. Вошло в традицию писать в верхней части открытки стихи, которые выражали уважение, радость, хорошее настроение.

В период династии Цинь (1644-1911) новгородные поздравления дарились в виде красивых коробочек или тщательно завернутых в подарочные бумаги оберток [番新明, 1994, с.378].

В Китае объем отправляемых главам государств поздравлений больше, чем у обычных поздравительных писем, а на верхней части переплета имеется цветной оттиск государственного герба. На первой странице поздравления пишется “恭贺新年” *gonghexinnian*, состоящий из четырех иероглифов и означающий «С Новым годом!».

慰问函电 *weiwen handian* является одним из видов телеграммы соболезнования, сочувствия. Телеграмма, где выражается сочувствие означает то же, что и письмо сочувствия. В «Сборнике стихов» 诗经: во фразе “有子七人, 莫慰母心 *youzi qiren, mowei muxin*”, т.е. «даже семь сыновей не смогут утешить материнскую душу» используется иероглиф 尉 *wei*, который применен в значении сочувствие [番新明, 1994, с.388].

Слово 讣告 *fugao* соболезнование состоит из двух слогов, т.е. морфем “讣 *fu*” и “告 *gao*”. Слово также излагается в виде “讣文 *fuwen*”

и “讣闻 *fuwen*”, между его древним и современным значениями разницы нет. Имеющийся в первом слого у каждого из двух словосочетаний иероглиф “讣” означает «извещение о смерти какого-либо лица».

В словосочетании “讣文 *fuwen*”, вторым значением иероглифа “文 *wen*” является *статья* или *сочинение*, а первоначальным значением иероглифа “闻 *wen*” в словосочетании “讣闻 *fuwen*” *слушать*. В качестве примера обратимся к фразам в разделе Тангонг 檀弓 из книги Лиди “礼记 *lijì*”, т.е. «Традиции», где говорится 伯高死于卫, 赴于孔子 *Bogao siyu Wei, fuyu Kongzi*, т.е. «Бо Гао умер в Вэйе и отправлен к Конфуцию» [番新明, 1994, с.397]. Смысл этого предложения следующее: Бо Гао умер в государстве Вэй, о его смерти сообщили Конфуцию. Смерть в жизни человека занимает особое место, весть о котором должна быть немедленно сообщена его близким. Поэтому в древности китайцы использовали иероглиф “赴 *fu*” для обозначения срочности. В результате исторических изменений, в последующем люди для того, что бы срочно сообщить о смерти покойного народу или близким начали использовать вместо иероглифа “赴 *fu*” иероглиф “讣”. Сообщение о смерти какого-либо человека было в истории каждой правящей династии Китая. Однако их названия отличались только в письме. Например, есть еще одно название, которое выражается в письме иероглифами “讣帖 *futie*”. Это словосочетание синонимично словосочетанию “讣告 *fugao*”. Если сопоставить эти два словосочетания по форме и составу, то мы почти не увидим разницы.

В сохранившемся со времен династии Мин (1368 – 1644) и дошедшем до наших дней

«Дневнике Ваншу» (“宛署杂记 Wan shu zaji”) есть следующие строки: “出丧三日，出丧牌挂钱门外，记死者之寿，岁一张，曰桃钱。Chusang sanri, chu sangpai gua Qian menwai, ji sizhezhishou, suiyizhang, yue Taoqian”, что означает «Первые три дня соболезнования, мемориальная доска рассказывающая о жизни покойного должна быть прикреплена снаружи двери семьи Чиен, – сказал Тао Чиен» [番新明, 1994, с.397]. Использованный в этой фразе термин 丧牌 sang pai, применен вместо термина, означающего соболезнование 讣告 fugao. Даже в настоящее время в некоторых местах Китая, обычно в далеких провинциях, после смерти человека на наружной стороне двери дома, где живет его семья вывешивается белая бумага, на котором указывается имя и возраст покойного.

吊唁函电 diaoyanhandian телеграмма поминания покойного является одним из видов соболезнования, который отправляется организациям и членам семьи в виде электронного сообщения. 唁函 yanhan телеграмма о кончине иначе называется 唁信 yanxin письмо о кончине, оба термина имеют одинаковое значение. Иероглиф 唁 yan, использованный во фразе “Телеграмма поминания покойного” (吊唁函电 diaoyanhandian) в значении поминание, соболезнование, встречается также и в разделе “廓风 tang feng · 载驰 zai chi” книги Конфуция诗经 shijing “Стихи”: “载驰载驱，归唁卫侯 zaichizaiqu, gui yan Wei hou”, т.е. «веющему как ветер, ждущему нас Вею выразите наше соболезнование» [番新明, 1994, с.401].

ВЫВОДЫ

А. Термин “外交 waijiao” в древности применялся с значения «личные социальные отношения» и в большинстве случаев использовался в значении *секретные отношения*. Данный термин с недавних пор начали использовать в качестве эквивалента термина *дипломатия* (в смысле международных отношений). В Древнем Китае применялся термин 外事 *внешние дела*, выражающий значение дипломатия. Как антоним данного термина использовался термин 内事 *внутренние дела*.

В эпоху династии Цин (1644-1911) в значении *дипломатия* начали использовать 外务. Эти примеры производят синонимический ряд термина *дипломатия*.

Эквиваленты “外交” использовались в Европейских и Американских странах. Например, английский «diplomacy», французский “diplomatie” и русский термин *дипломатия* произошли от греческого “diploma”, настоящим значением которого является «сложенная бумага». В Древнем Риме и Греции послам вручалось письмо в деревянном переплете, как документ подтверждающий их полномочия. В древних китайских источниках указывается, что в значении *посол* 使节 shijie, т.е. «представитель отправленный с верительной грамотой» в последующем применялся как термин 大使 dashi.

В. 府 zhengfu, 领事 lingshi в результате функционального обмена превратились в специальные термины. В результате изменения китайского языка и дипломатических терминов эти термины стали иметь новое значение. Поэтому при установлении индекса и причин изменчивости общественно-политических и дипломатических терминов, перечислении других важных факторов следует обратить внимание

на такие лингвистические явления, как ассимиляция, гаплоглозия, гиперкоррекция, фонетический переход, цепная реакция, внутренняя реконструкция, структурализм, волновая теория и теория древа близости, аналогия, билингвизм.

С. Многие виды дипломатических документов возникли в Древнем Китае, например, 盟约 *mengyue* использовался параллельно с термином 盟誓 *mengshi* в значении *соглашение о взаимопонимании*. 名片 *mingpian* *визитная карточка* применялся в виде «визитной бумаги». Как его синоним также широко использовался термин 名刺 *mingci*. К ряду вышеуказанных терминов можно отнести широко использованный в Древнем Китае термин 讣告 *fuga* *соболезнование*, 贺片 *hepian* *поздравление*.

Д. Дипломатические термины китайского языка можно разделить на 7 лексико-семантические группы.

1. Дипломаты, дипломатическая структура.
2. Дипломатическая привилегия и дипломатическая неприкосновенность.
3. Работы по контролю дипломатических представительств.
4. Дипломатическая деятельность.
5. Дипломатические документы.
6. Международные конференции.
7. ООН и основные международные организации.

Было установлено, что на расположение и последовательность терминов в составе этой группы влияют иерархические отношения.

Например: в терминах, входящих в группу «Дипломаты, дипломатическая структура»: посол – поверенный представитель – советник – первый секретарь – второй секретарь – третий секретарь – атташе.

Е. Анализ дипломатических терминов указывает на признание явления синонимии. Это явление можно наблюдать в вышеуказанных примерах: 外交, 外事, 外务 а также, 使节, 大使; 盟约, 盟誓; 名片, 名刺; 协议, 协定, 条约, 公, 议定书.

В дипломатической сфере явление синонимии не всегда решается с положительной стороны, особенно, если речь идет о китайском языке. Китайский язык является богатым на синонимы языком. Применение в дипломатической сфере синонимов, иногда может привести к кардинальному изменению настоящего значения и сути дипломатических терминов. Например, в узком кругу термин 协议 *xiéyì* в значении *соглашение, взаимопонимание*, в последующем может иметь возможность облегчить ответственность сферы определенных вопросов, потому что термин 协议, в отличие от термина 协定 *xiédìng* означает не обязательства, а мнения. В основе определенного термина, применяемого в китайской дипломатической терминологии, может быть относительно большое или меньшее значение. В истории дипломатии встречаются примеры того, что после подписания и ратифицирования соглашения, некоторые термины в соглашении анализируются в совершенно другом значении. Иногда, наблюдаются случаи внесения не первый взгляд терминов в узком смысле, т.е. «безопасных» терминов. После подписания соглашения кажущиеся на первый взгляд «безопасные» термины принимают вид «проснувшегося дракона» и начинают использоваться в совершенно противоположном смысле. Это, в свою очередь, требует проведения глубоких лингвистических исследований над официальными дипломатическими документами и примененными в них терминами.

Ф. Общественно-политические термины подвергаются изменениям под воздействием требований времени, процессов глобализации, политических, научных и теоретических взглядов. Изучение только лишь терминологии недостаточно для полного и прочного освоения, правильного понимания и применения китайских дипломатических терминов. Для этого требуется регулярно наблюдать и изучать книги, статьи и выступления китайских государственных, партийных и правительственных руководителей, анализировать произведения именитых китайских ученых и специалистов в области политологии. Кроме того, следует систематизировать новые термины, внедренные в применение Китайской коммунистической партией в таких средствах массовой информации, как «Хунци», «Жэнмин жибао», «Синхуа», провести корпоративный анализ их значения на узбекском, английском и русском языках, лучше понять случаи их применения и цели использования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Носирова С.А. Особенности употребления общественно-политических терминов в политическом дискурсе китайской инициативы «Один пояс, один путь» // ТГИВ «Востоковедение» № 3. – Т., 2018.- С.62-75.
2. Носирова С.А. Семасиология китайского термина 软实力 и дискурсивный анализ «мягкой силы» Китая // Современные востоковедческие исследования Vol.1 №2.2019.- С.4-10.
3. Huang Jinqi. Shenme shi waijiao. -Beijing: Shijie zhishi chubanshe 2004. – 575 p.
4. 史记. - 邓通传. - с. 134
5. 辞源 1-4 - 北京, 1986. - с. 3009
6. 王玉林. 名称由来 1001. 北京, 1996.

7. 番新明. 外事使用文书大全. - 北京: 世界知识出版社, 1994.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Nosirova S.A. Osobennosti upotreblenija obshhestvenno-politicheskikh terminov v politicheskom diskurse kitajskoj iniciativy «Odin pojas, odin put'» // TGIV "Vostokovedenie" № 3. – Т., 2018.- S.62-75.
2. Nosirova S.A. Semasiologija kitajskogo termina 软实力 i diskursivnyj analiz «mjagkoj sily» Kitaja // Sovremennye vostokovedcheskie issledovaniya Vol.1№2.2019.- S.4-10.
3. Huang Jinqi . Shenme shi waijiao. -Beijing: Shijie zhishi chubanshe 2004. – 575 p.
4. History. -Deng Tongchuan. P. 134
5. Origin of Words 1-4-Beijing, 1986. P. 3009
6. Wang Yulin. The origin of the name 1001. Beijing, 1996.
7. Fan Xinming. Encyclopedia of documents used in foreign affairs. -Beijing: World Knowledge Press, 1994.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Saodat Nasirova, Ass.professor, Ph.D.
Confucius Institute of TSIOS, director
100060, Tashkent, Amir Temur st.,26, Uzbekistan
saodat888@mail.ru

Принята к публикации: 10.04.2020

Submission Date: 2020.04.10

**ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ НЕОДУШЕВЛЁННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
ПРИ ПОМОЩИ СУФФИКСАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

**FEATURES OF THE FORMATION OF INANIMATE NOUNS USING SUFFIXING
IN THE MODERN CHINESE LANGUAGE**

Хашимова Сабохат Абдуллаевна, к.ф.н. (PhD), доцент

Кафедра Китайского языка и литературы

Ташкентский государственный институт востоковедения

e-mail: sabohat15@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена исследованию особенностям образования неодушевлённых существительных при помощи суффиксации в современном китайском языке. Актуальность исследования обусловлена тем, что данное явление широко распространено в словообразовании современного китайского языка и занимает второе место по продуктивности образования как новых лексических единиц так и различных форм слова. В связи с этим, данная статья направлена на выявление продуктивных аффиксов, служащие материалом для образования такого рода существительных. Ведущим подходом к исследованию данной проблемы является компонентный анализ, а также моделирование конструкций, при помощи которых образуются соответствующие слова-сущест-вительные, позволяющие комплексно рассмотреть данное явление в рамках аффиксации современного китайского языка. В статье представлены конструкции с аффиксальными морфемами, на базе которых образуются слова-существительные, раскрыты лексические особенности каждого из суффиксов, выявлены новые конструкции, на базе которых формируются новые слова-существительные, проанализированны лексические значения суффиксов. Материалы данной статьи имеют практическое значение в качестве того, что могут быть употреблены

ABSTRACT

This article is devoted to the study of the features of the formation of inanimate nouns with the help of suffixation in modern Chinese. The relevance of the study is due to the fact that this phenomenon is widespread in the word formation of the modern Chinese language and takes the second place in the productivity of the forming of both new lexical units and various forms of the word. In this regard, this article is aimed at identifying productive affixes that serve as material for the formation of such nouns. The leading approach to the study of this problem is component analysis, as well as modeling of constructions, with the help of which the corresponding noun words are formed, allowing to comprehensively consider this phenomenon in the framework of affixing the modern Chinese language. The article presents constructions with affixive morphemes, on the basis of which nouns are formed, the lexical features of each of the suffixes are revealed, new constructions are revealed, on the basis of which new nouns are formed, the lexical meanings of suffixes are analyzed. The materials in this article are of practical importance as what can be used in materials for the preparation of textbooks, textbooks in such subjects as grammar, lexicology, vocabulary, lexicography of the Chinese language.

Keywords: *affixation, morpheme, vocabulary, attributive model, subject-predicative model, verb-object model.*

в материалах при подготовке учебников, учебных пособий по таким предметам, как грамматика, лексикология, лексика, лексикография китайского языка.

Ключевые слова: аффиксация, морфема, лексика, атрибутивная модель, субъектно-предикативная модель, глаголо-объектная модель.

Для цитирования: Хашимова С.А. Особенности образования неодушевлённых существительных при помощи суффиксации в современном китайском языке. Современные востоковедческие исследования. 2020; 2(2): 34-46

For citation: Hashimova S.A. Features of the formation of inanimate nouns using suffixing in the modern chinese language. Modern oriental studies. 2020; 2(2): 34-46

ВВЕДЕНИЕ

В современном китайском языке способы словообразования изучены в различной степени как отечественными, так и зарубежными лингвистами. Например: А.Реформатский [1, с.542.], Гао Яочи [2, с.220], Чжан Цзин [3, с.220], Сунь Чансюй [4, с.493], Ван Чао Юань [5, с.64]. Е.Кубрякова [6, с.78], Лу Чживэй [7, с.160], Жень Сюэлян [8, с.320], Чжан Шоукан [9, с.96], С.Носирова [10, с.150], С.Хашимова [11, с.150] и многие другие. Так, одним из способов словообразования является аффиксация. Данный способ широко используется при образовании различных слов, относящиеся к разным частям речи современного китайского языка. Данная статья посвящена исследованию аффиксов, при помощи которых образуются неодушевлённые слова-существительные в современном китайском языке. В современном китайском языке полуаффиксы, образующие слова, относящиеся к части речи существительное, составляют значительную часть аффиксов. Они образуют слова-существительные со значением профессий человека, наименования предметов, их качественные оттенки и др. К таким полуаффиксам,

в качестве примеров относятся следующие морфемы: 员 “yuan”, 师 “shi”, 生 “sheng”, 汉 “han”, 士 “shi”, 夫 “fu”, 客 “ke”, 手 “shou”, 丁 “ding”, 鬼 “gui”, 虫 “chong”, 蛋 “dan”, 派 “pai”, 份子 “fenzi”, 物 “wu”, 品 “pin”, 素 “su”, 体 “ti”, 力 “li”, 处 “chu”, 心 “xin”, 意 “yi”, 性 “xing”, 切 “que”, 当 “dang”, 学 “xue”, 论 “lun”, 主义 “zhuyi”, 化 “hua” и др.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При исследовании данной темы были использованы такие методы как анализ, синтез, компонентный анализ, моделирование конструкций, при помощи которых образуются соответствующие слова-существительные.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В ходе исследования и анализа аффиксов, образующих слова, относящиеся к части речи существительное были выявлены следующие конструкции с аффиксальными морфемами, на базе которых образуются неодушевлённые слова-существительные. Приведём это в качестве таблицы:

Таблица 1. Аффиксация

СУФФИКС	КОНСТРУКЦИЯ
巴 “ba”	[существительное + 巴 “ba”], [глагол + 巴 “ba”], [прилагательное + 巴 “ba”]
城 cheng	[существительное + 城 “cheng”]
虫 “chong”	[прилагательное + 虫 “chong”]
处 “chu”	[прилагательное + 处 “chu”], [глагол + 处 “chu”]
蛋 “dan”	[прилагательное + 蛋 “dan”]
点 “dian”	[прилагательное + 点 “dian”], [глагол + 点 “dian”]
度 “du”	[сифат + 度 “du”]
法 “fa”	[существительное + 法 “fa”], [глагол + 法 “fa”]
观 “guan”	[существительное + 论 “lun”], [глагол + 论 “lun”], [прилагательное + 论 “lun”]
化 “hua”	[существительное + 化 “hua”], [глагол + 化 “hua”], [прилагательное + 化 “hua”]
匠 “jiang”	[существительное + 匠 “jiang”]
界 “jie”	[существительное + 界 “jie”]
率 “lu”	[существительное + 率 “lu”] [глагол + 率 “lu”]
论 “lun”	[существительное + 论 “lun”], [глагол + 论 “lun”]
么 “me”	[A(существительное) + 么 “me” + B], [A(глагол) + 么 “me” + B]
痞 “pi”	[существительное + 痞 “pi”]
品 “pin”	[существительное + 品 “pin”], [глагол + 品 “pin”]
器 “qi”	[существительное + 器 “qi”], [глагол + 器 “qi”]
气 “qi”	[существительное + 气 “qi”], [глагол + 气 “qi”], [прилагательное + 气 “qi”], [наречие + 气 “qi”]
亲 “qin”	[существительное + 亲 “qin”], [глагол + 亲 “qin”]
热 re	[существительное + 热 “re”], [глагол + 热 “re”]
式 “shi”	[существительное + 式 “shi”], [прилагательное + 式 “shi”]
素 “su”	[существительное + 素 “su”], [глагол + 素 “su”], [наречие + 素 “su”]
务 “wu”	[существительное + 务 “wu”], [сифат + 务 “wu”]
物 “wu”	[существительное + 物 “wu”], [глагол + 物 “wu”]
心 “xin”	[существительное + 心 “xin”], [глагол + 心 “xin”], [прилагательное + 心 “xin”]
形 “xing”	[существительное + 形 “xing”]
性 “xing”	[существительное + 性 “xing”], [глагол + 性 “xing”], [прилагательное + 性 “xing”], [наречие + 性 “xing”], [счётное слово + 性 “xing”]
学 “xue”	[глагол + 学 “xue”], [прилагательное + 学 “xue”]
炎 “yan”	[существительное + 炎 “yan”], [глагол + 炎 “yan”]
业 “ye”	[существительное + 业 “ye”], [глагол + 业 “ye”]
医 “yi”	[существительное + 医 “yi”], [глагол + 医 “yi”]
意 “yi”	[существительное + 意 “yi”], [глагол + 意 “yi”], [прилагательное + 意 “yi”]
症 “zheng”	[существительное + 症 “zheng”], [глагол + 症 “zheng”]
主义 “zhuyi”	[существительное + 主义 “zhuyi”]

ОБСУЖДЕНИЕ

Морфема 学 “xue” имеет значение “учиться” и образует новые слова, относящиеся к части речи существительное, согласно двум конструкциям: 1) [прилагательное + 学 “xue” = существительное], например: 热学 “rexue” “интерес”, 美学 “meixue” “искусство”. 2) [глагол + 学 “xue” = существительное], например: 数学 “shuxue” “математика”, 医学 “yixue” “медицина”.

В современном китайском языке также есть группа слов, находящаяся на периферии трансформации в словообразовательные морфемы. К данной группе относятся вторые элементы четырёхсложных конструкций, образованных по модели “существительное + существительное”. Например: 主义 “zhuyi” “теория”, “основная идея”, 行为 “xingwei” “поступок”, “действие”, 运动 “yundong” “спорт”, “вид спорта”, 阶级 “jieji” “класс” (в качестве группы людей), 制度 “zhidu” “система” и другие. Среди вышперечисленных слов большей популярностью в использовании пользуется лексическая единица 主义 “zhuyi”, которая в качестве самостоятельного слова в своём лексическом значении употребляется крайне редко, однако в составе слов с абстрактным значением часто употребляется в качестве суффикса. Морфема 主义 “zhuyi” также имеет значение “доктрина”, в русском языке эквивалентен суффиксу “-изм”. В современном китайском языке слова с данным суффиксом строятся согласно конструкции [существительное + 主义 “zhuyi”], например: 社会主义 “shehuizhuyi” “социализм” (社会 “shehui” “общество”, “социум”), 民族主义

“minzuzhuyi” “национализм” (民族 “minzu” “нация”), 个人主义 “gerenzhuyi” “индивидуализм” (个人 “geren” “индивидуальный”).

Лексическая единица 行为 “xingwei” в составе слова употребляется в сокращённом виде 行 “xing”. Слова, образованные посредством морфемы 行 “xing” выражают действие человека или негативное значение соответствующего действия. Например: 粗鲁行为 “culu xingwei” “жестокость”, 逃跑行为 “taopao xingwei” “дезертирство”, 无礼行为 “wuli xingwei” “наглость”.

Морфема 论 “lun” переводится как “теория”, и в качестве суффикса сохраняет своё значение, например: 认识论 “renshilun” “эпистемология”, 两点论 “liangdianlun” “две точки зрения”, 一元论 “yiyuanlun” “одна теория”. Слова с данным суффиксом образуются согласно конструкции [существительное + 论 “lun”], [глагол + 论 “lun”].

Морфема 观 “guan” имеет значение “точка зрения”, при использовании в качестве суффикса данная морфема сохраняет своё лексическое значение, например: 世界观 “shijieguan” “мировоззрение”, 人生观 “renshengguan” “точка зрения”, 历史观 “lishiguan” “историческая точка зрения”, 主观 “zhuguan” “субъективная точка зрения”, 客观 “keguan” “объективная точка зрения”, 乐观 “leguan” “оптимистическая точка зрения”, 悲观 “beiguan” “пессимистическая точка зрения”. Слова с суффиксом 观 “guan” образуются согласно конструкции [существительное + 观 “guan”], [глагол + 观 “guan”], [прилагательное + 观 “guan”].

Морфема 法 “fa” имеет значение “правило”, при использовании в качестве суффикса данная морфема сохраняет своё лексическое значение, например: 用法 “yongfa” “метод”, “способ”, 疗法 “liaofa” “польза”, 写法 “xiefa” “письменный метод”, 染法 “ranfa” “красочный метод”, 教育法 “jiaoyufa” “метод обучения”, 构型法 gouxingfa “метод образования”, 看法 “kanfa” “точка зрения”, 想法 “xiangfa” “мысль”, “идея”, 图解法 “tujianfa” “иллюстрированный способ”. Слова с суффиксом 法 “fa” образуются согласно конструкции [существительное + 法 “fa”], [глагол + 法 “fa”].

Морфема 症 “zheng” имеет значение “болезнь”, при использовании в качестве суффикса данная морфема сохраняет своё лексическое значение, например: 病症 “bingzheng” “болезнь” 稽征 “jizheng” “аудит болезни”, 杂症 “zazheng” “различные болезни”. Слова с суффиксом 症 “zheng” образуются согласно конструкции [существительное + 症 “zheng”], [глагол + 症 “zheng”].

Морфема 炎 “yan” также имеет значение “болезнь”, при использовании в качестве суффикса данная морфема сохраняет своё лексическое значение, например: 肺炎 “feiyao” “пневмония”, 耳炎 “qiyao” “отит”. Слова с суффиксом 炎 “yan” образуются согласно конструкции [существительное + 炎 “yan”], [глагол + 炎 “yan”].

Морфема 式 “shi” переводится как “модель”, “форма”, “вид”, при употреблении в качестве суффикса данная морфема сохраняет своё значение, например: 蝶式 “dieshi” “вид бабочки” 西式 “xishi” “европейский способ”, 自由式 “ziyoushi” “фристайл”. Слова с суффиксом 式 “shi”

образуются согласно модели [существительное + 式 “shi”], [прилагательное + 式 “shi”].

Морфема 型 “xing” также как и морфема 式 “shi” имеет значение “модель”, “форма”, “вид”, в качестве суффикса также сохраняет своё значение, например: 微型 “weixing” “микровид”, 流线型 “liuxianxing” “аэродинамический спектр”. Слова с суффиксом 型 “xing” образуются согласно конструкции [прилагательное + 型 “xing”], [существительное + 型 “xing”].

Морфема 形 “xing” имеет значение “форма”, “модель”, в качестве суффикса также сохраняет своё значение, например: 球形 “qiuixing” “круг”, 三角形 “sanjiaoxing” “треугольник”. Слова с суффиксом 形 “xing” образуются согласно конструкции [существительное + 形 “xing”].

Морфема 素 “su” имеет значение “компонент” и в качестве суффикса сохраняет своё лексическое значение, например: 元素 “yuansu” “элемент”, “компонент”, 色素 “sesu” “цвет”, 维生素 “weishengsu” “витамин”, 青霉素 “qingmeisu” “пенициллин”. Слова с суффиксом 素 “su” образуются согласно конструкции [существительное + 素 “su”].

Морфема 度 “du” со значением “градус”, “температура”, в качестве суффикса сохраняет своё лексическое значение, например: 高度 “gaodu” “высота”, 密度 “midu” “плотность”, 强度 “qiangdu” “сила”. Слова с суффиксом 度 “du” образуются согласно конструкции [прилагательное + 度 “du” “su”].

Морфема 率 “lu” имеет значение “показатель” и в качестве суффикса также сохраняет своё значение, например: 生产率 “shengchanlu” “показатель производства”, 利率 “lilv” “процент ставки”, 汇率 “huilv” “обменный курс”, 百分率 “baifenlv” “процентная ставка”. Слова с суффиксом 率 “lu” образуются согласно конструкции [существительное + 形 “xing”], [глагол + 形 “xing”].

Морфема 处 “chu” имеет значение “место” и в качестве суффикса также сохраняет своё значение, например: 好处 “haochu” “польза”, 长处 “changchu” “достоинство”, 害处 “haichu” “ущерб”, 用处 “yongchu” “польза”. Слова с суффиксом 处 “chu” образуются согласно конструкции [прилагательное + 处 “chu”], [глагол + 处 “chu”].

Морфема 点 “dian” имеет значение “час”, “точка” и в качестве суффикса также сохраняет своё значение, например: 优点 “youdian” “достоинство”, 缺点 “quedian” “недостаток” [15, с.55]. Слова с суффиксом 点 “dian” образуются согласно конструкции [прилагательное + 点 “dian”], [глагол + 点 “dian”].

Морфема 务 “wu” имеет значение “задание” и в качестве суффикса также сохраняет своё значение, например: 任务 “renwu” “задание”, 财务 “caiwu” “финансы”, 军务 “junwu” “армейская служба”. Слова с суффиксом 务 “wu” образуются согласно конструкции [прилагательное + 务 “wu”], [существительное + 务 “wu”].

Морфема 物 “wu” имеет значение “вещь” и в качестве суффикса также сохраняет своё

значение, например: 人物 “личность”, “человек”, 买物 “продаваемая вещь”, 事物 “вещь”, 动物 “животное”. Слова с суффиксом 物 “wu” образуются согласно конструкции [глагол + 物 “wu”], [существительное + 物 “wu”].

Морфема 巴 “ba” имеет значение “бар”, “желать”, при употреблении в качестве суффикса утрачивает своё лексическое значение. Данный суффикс широко используется в Пекинском диалекте. Общеизвестно, что Пекинский диалект служит в качестве литературного китайского языка. Поэтому все слова с суффиксом 巴 “ba”, функционирующие в Пекинском диалекте, также имеют место во всех словарях, касающиеся лексики китайского языка. Приведем в качестве примеров несколько слов с данным суффиксом, например: 嘴巴 “zuiba” “рот”, 下巴 “xiaba” “хвост”, 泥巴 “глина”, 盐巴 “yanba” “соль”, 结巴 “jieba” “заика”, 想把头 “xiangbatou” “мысль”, 眼巴前 “yanbaqian” “перед глазами”. Слова с суффиксом 巴 “ba” образуются согласно конструкции [глагол + 巴 “ba”], [существительное + 巴 “ba”].

Морфема 么 “me” также как и морфема 巴 “ba” широко используется в Пекинском диалекте. Данная морфема используется только в качестве второй морфемы в трёхсложных словах, например: 夜么虎 “yemehu” “ночная кошка”, 瞎么海 “shaimesai” “морской вид”.

Морфема 化 “hua” имеет значение “менять”, в качестве суффикса сохраняет своё лексическое значение, например: 年轻化 “nianqinghua” “молодость”, 规范化 “guifanhua” “нормализация”, 电气化 “dianqihua”

“электрофикация”. Слова с суффиксом 化 “hua” образуются согласно конструкции [глагол + 化 “hua”], [существительное + 化 “hua”], [прилагательное + 化 “hua”].

Морфема 界 “jie” имеет значение “сектор”, “мир”, “область” и в качестве суффикса сохраняет своё значение, например: 教育界 “jiaoyujie” “образовательный сектор”, 政界 “zhengjie” “в рамках политики”, 语言学界 “yuyanxuejie” “лингвистическое общество”. Слова с суффиксом 界 “jie” образуются согласно конструкции [от + 界 “jie”].

Морфема 业 “ye” имеет значение “область” и в качестве суффикса сохраняет своё значение, например: 行业 “hangye” “область”, 工业 “gongye” “тяжёлая промышленность”, 旅游业 “luyouye” “туризм” [15, с.55]. Слова с суффиксом 业 “ye” образуются согласно конструкции [существительное + 业 “ye”], [глагол + 业 “ye”].

Морфема 气 “qi” имеет значение “воздух”, “дух”, “ситуация” и в качестве суффикса сохраняет своё лексическое значение, например: 天气 “tianqi” “погода”, 勇气 “yongqi” “смелый”, 脾气 “piqi” “характер”, 才气 “caiqi” “талант”, 福气 “fuqi” “счастливая судьба”, 运气 “yunqi” “успех”, 喜气 “xiqi” “счастье”. Слова с суффиксом 气 “qi” образуются согласно конструкции [существительное + 气 “qi”], [глагол + 气 “qi”], [прилагательное + 气 “qi”], [наречие + 气 “qi”].

Морфема 器 “qi” имеет значение “аппарат”, “вещь” и в качестве суффикса сохраняет своё лексическое значение, например: 武器 “wuqi” “оружие”, 陶器 “taoqi” “керамика”,

计算器 “jisuanqi” “калькулятор”, 扫描器 “saomiaoqi” “сканер”. Слова с суффиксом 器 “qi” образуются согласно конструкции [существительное + 器 “qi”], [глагол + 器 “qi”].

Морфема 心 “xin” имеет значение “сердце” и в качестве суффикса сохраняет своё лексическое значение, например: 耐心 “naixin” “терпение”, 自信心 “zixinxin” “вера в себя”, 同情心 “tongqingxin” “соболезнование”. Слова с суффиксом 心 “xin” образуются согласно конструкции [существительное + 心 “xin”], [глагол + 心 “xin”].

Аффикс 心 “xin” также образует слова относящиеся к части речи существительное. Слова, образованные данным суффиксом выражают слова, обозначающие особенности характера человека. Данный суффикс генетически связан с морфемой 心 “xin” (“сердце”, “душа”). Данный суффикс прикрепляется к прилагательным или существительным, таким образом образуя абстрактные существительные. Например: 恶心 “exin” “зло” (恶 “e” “сердитый” + 心 “xin”), 诚心 “chengxin” “искренность” (诚 “cheng” “искренний” + 心 “xin”), 小心 “xiaoxin” “осторожность” (小 “xiao” “маленький” + 心 “xin”), 嫉妒心 “jiduxin” “зависть” (嫉妒 “jidu” “завистливый” + 心 “xin”), 求知心 “qiuzhixin” “интерес” (求知 “qiuzhi” “интересный” + 心 “xin”), 慈悲心 “cibeixin” “добросердечность” (慈悲 “cibei” “добросердечный” + 心 “xin”). Словосложение корневых морфем с суффиксом 心 “xin” происходит на основе атрибутивной модели и в образованных словах ярко выражается значение морфемы 心 “xin” [15, с.55]. Одновременно некото-

рые слова, образованные посредством аффикса 心 “xin” могут относиться как к глаголам, так и, в следствии конверсии, к существительным. Такие лексические единицы выражают психологическое состояние человека, например: 担心 “danxin” “беспокоиться”, “беспокойство”, 伤心 “shanxin” “огорчаться”, “огорчение”, “горе”, 放心 “fangxin” “успокоиться”, “успокоение”, 留心 “liuxin” “обратить внимание”, “внимание”. Слова, относящиеся к существительным, образованные аффиксом 心 “xin” строятся, основываясь на следующие конструкции: [“прилагательное” + 心 “xin” = “существительное”] и [“глагол” + 心 “xin” = “существительное”]. Слова, образованные посредством данного аффикса, широко используются в литературных произведениях, так, например:

妈也 不起 疑心 [14, с.65].

“Ma ye bu qi yixin”.

“У матери не вызовет сомнения” (疑心 “yixin” “сомнение”)

可惜你对这一点没有留心 [15, с.55]

“Kexi ni dui zhe yidian meiyou liuxin”

“К сожалению вы не обратили внимание на данное состояние.” (留心 “liuxin” “внимание”).

Аффикс 意 “yi” образует слова, относящиеся к существительным. При помощи данного аффикса также образуются слова, обозначающие особенности характера, поведения человека. Данный аффикс генетически связан с морфемой 意 “yi” (“мысль”, “желание”), например: 大意 “dayi” “невнимательность”, 醋意 “cuyi” “ревность”, 妒意 “huyi” “зависть”, 好意 “haoyi” “доброжелательность”. Иногда при помощи

данной морфемы также образуются существительные, обозначающие физиологические и психологические состояния человека, например: 乐意 “leyi” “радость”, 倦意 “juanyi” “усталость”, 羞意 “xiuyi” “стеснительность”. Слова, в составе которых имеется суффикс 意 “yi”, образуются согласно следующим трём конструкциям: [“прилагательное” + 意 “yi” = “существительное”] и [“глагол” + 意 “yi” = “существительное”] и [“существительное” + 意 “yi” = “существительное”]. В качестве примера рассмотрим следующие предложения:

这种信息在有些人的心头便弓 / 起了一种敌意。 [15, с.55]

“Zhe zhong xinxi zai youxierende xintou bianyiqile yizhong guyi.”

“Эта новость вызвала у некоторых сомнения.” (敌意 “guyi” “сомнение”)

妒意当然是无所用之了 [15, с.56]

“Duyi dangran shi wusuo yongzhile.”

“Нет причин для зависти.” (妒意 “duyi” “зависть”).

Аффикс 物 “wu” также образует большое количество существительных. Образованные посредством данного аффикса слова обозначают различные предметы, иногда также выражают значение одушевлённых существительных, хотя данное явление встречается крайне редко. Данный аффикс генетически связан с морфемой 物 “wu” (вещь, предмет). Например: 产物 “chanwu” “продукт”, 毒物 “duwu” “яд”, 礼物 “liwu” “подарок”, 建筑物 “jianzhuwu” “здание”, “сооружение”, 生物 “shengwu” “живое существо”, 动物 “dongwu” “животное”, 植 物

“zhiwu” “растение”. В результате исследований было выявлено, что существительные с данным аффиксом образуются согласно двум конструкциям, а именно: [“глагол” + 物 “wu” = “существительное”] и [“существительное” + 物 “wu” = “существительное”].

Аффикс 品 “pin” образует существительные, обозначающие различные продукты, фабрики. Данный аффикс этимологически связан с корневой морфемой 品 “pin”. При этом морфема 品 “pin” переводится как “вещь”, “продукт”, при функционировании в качестве суффикса сохраняет своё значение. При помощи данного аффикса образуются двусложные лексические единицы, например: 作品 “zuopin” “произведение” (данное слово образовано посредством глагола 作 “zuo” “делать”, “выполнять” и композиционного аффикса 品 “pin”, образуя таким образом слово со значением “произведение”), 产品 “chanpin” “продукт”, “товар” (в данном слове глагол 产 “chan” “производить” совместно с аффиксом 品 “pin” образует слово со значением “производимый товар или продукт”), 成品 “chengpin” “готовый продукт” (в данном слове глагол 成 “cheng” “готовить” совместно с аффиксом 品 “pin” образует слово с лексическим значением “готовый продукт”), 食品 “shipin” “продукты питания” (в данном слове существительное со значением 食 “shi” “пища”, “еда” совместно с аффиксом 品 “pin” образует слово со значением “продукты питания”), 礼品 “lipin” “подарок” (в данном слове глагол 礼 “li” “запомнить” вместе с аффиксом 品 “pin” образует слово со значением

“памятный подарок”). При помощи аффикса 品 “pin” также образуются трёхсложные слова, например: 日用品 [15, с.55] “riyongpin” “обиходные предметы” (в данном слове глагол 日用 “riyong” “использовать ежедневно” совместно с аффиксом 品 “pin” образует слово со значением “предметы ежедневного использования”), 化妆品 “huazhuanpin” “косметика” (в данном слове глагол 化妆 “chan” “huazhuan” “красить” совместно с аффиксом 品 “pin” образует лексическую единицу со значением “косметика”), 展品 “zhanlanpin” “экспонаты” (в данном слове существительное 展览 “zhanlan” “выставка” посредством аффикса 品 “pin” образует слово “экспонаты”). Надо заметить, что данный аффикс может выражать как множественное, так и единственное число, например, слово 礼品 “lipin” “подарок” в зависимости от контекста переводится как “подарок” или “подарки”. В результате исследований было выявлено, что существительные с данным аффиксом образуются согласно двум конструкциям, а именно: [“глагол” + 品 “pin” = “существительное”] и [“существительное” + 品 “pin” = “существительное”].

Аффикс 素 “su” образует существительные, обозначающие научные наименования, названия различных элементов, веществ. Данный аффикс генетически связан с корневой морфемой 素 “su” (“элемент”). Рассмотрим примеры: 维生素 “weishengsu” “витамин”, 词素 “cisu” “морфема”, 抗生素 “kangshengsu” “антибиотик”, 因素 “yinsu” “фактор”. При помощи данного аффикса существительные образуются согласно трём конструкциям: [“глагол”

+ 素 “su” = “существительное”] и [“существительное” + 素 “su” = “существительное”], [“наречие” + 素 “su” = “существительное”].

Аффикс 性 образует существительные с абстрактными значениями. Слова с данным суффиксом обозначают особенности различных предметов и состояний, исходя из их природы. Данный аффикс генетически связан с корневой морфемой 性 “xing” (“характер”, “особенность”, “природа”). (Например, в следующих словах морфема 性 “xing” является корневой морфемой: 天性 “tianxing” “поведение”, 男性 “nanxing” “мужской пол”, 女性 “nuxing” “женский пол”, 个性 “gexing” “личность”). Рассмотрим примеры с суффиксом 性 “xing”: 可能性 “kenengxing” “возможность”, 动摇性 “dongyaoxing” “изменение”, 特殊性 “teshuxing” “особенность”, 重要性 “zhongyaoxing” “важность”, 排他性 “paitaixing” “терпение”. Данные лексические единицы иногда являются относительными прилагательными, в данном случае они употребляются с вспомогательным словом 的 “de”, например: 历史性的事件 “lishixingde shijian” “исторические события”, 风湿性的心脏病 “fengshixingde xinzangbing” “ревматический порок сердца”. В результате исследований было выявлено, что существительные с данным аффиксом образуются согласно пяти конструкциям, а именно: [“существительное” + 性 “xing” = “существительное”], [“глагол” + 性 “xing” = “существительное”], [“прилагательное” + 性 “xing” = “существительное”], [“счётное слово” + 性 “xing” = “существительное”] и [“наречие” + 性 “xing” =

“существительное”].

Аффикс 化 “hua” широко используется в словообразовательной системе современного китайского языка. Данный аффикс занимает отдельное место в системе суффиксов и полусуффиксов словообразования китайского языка. Он образует большое количество слов, обозначающих процесс действия, переход предмета из одного состояния в другой. Корнем данного аффикса является корневая морфема 化 “hua” (“измениться”). Данный аффикс посредством прикрепления к прилагательным и существительным образует новые слова, обозначающие переход в новый процесс или наименование данного процесса. В предложениях слова с данным аффиксом выполняют функцию подлежащего или дополнения. Однако, в противовес утверждению И.Д. Кленына, было выявлено что слова с аффиксом 化 “hua” не выполняют функцию сказуемого. В этом случае морфема 化 “hua” является не аффиксом, выполняет функцию глагола [16, с.124]. Например: 我国工业化了。 “Wo guo gongyehua le.” “В нашем государстве проведена индустриализация”. В данном предложении морфема 化 “hua” используется в качестве глагола и выполняет функцию сказуемого. Полусуффикс 化 “hua” в словосложении выражает переход в новое качество или качественное состояние, поэтому данный аффикс посредством примыкания в существительным и прилагательным образует новые лексические единицы. Например: 工业 “gongye” “индустрия” – 工业化 “gongyehua” “индустриализация”, 健康 “jiankang” “здоровый” – 健康化 “jiankanghua” “оздоровление”.

Образуемые посредством данного аффикса лексические единицы, исходя из своих лексико-грамматических особенностей, относятся к существительным. При помощи данного полусуффикса образуются двуморфемные и трёхморфемные слова. Такие слова как: 深化 “shenhua” “глубокий”, “углублять”, 退化 “tuihua” “деградация”, 现代化 “xiandaihua” “модернизация”, 工业化 “gongyehua” “индустриализация” относятся к части речи существительное, однако вследствие синтаксической транспозиции переходят в категорию глагола. При помощи данного аффикса существительные образуются согласно трём конструкциям: [“существительное” + 化 “hua” = “существительное”], [“глагол” + 化 “hua” = “существительное”] и [“прилагательное” + 化 “hua” = “существительное”].

Надо отметить, что в современном китайском языке в сфере аффиксации прослеживается синонимия. Это проявляется, в первую очередь, при образовании с помощью синонимичных словообразовательных морфем синонимичных лексических единиц. Например: аффиксы 心 “xin” и 性 “xing” употребляются при образовании слов-синонимов 耐心 “naixin” (“терпение”) и 耐性 “naixing” (“терпение”). Аффиксы 物 “wu” и 品 “pin” также образуют синонимичные ряды слов, например: 礼物 “liwu” и 礼品 “lipin” “подарок”.

Морфема 热 re в китайском языке этимологически переводится как “горячий”, “жаркий” например: 天气热吗? Tianqi re ma? “Погода жаркая?”, 热爱 re'ai “страстная любовь”, 火热 huore “горячий словно огонь” и др. В последнее время при помощи данной морфемы образуются многочисленные слова, относящиеся к существительным. При этом во всех образуемых

лексических единицах данная морфема сохраняет своё этимологическое и имеет значение “интерес”, выражая интерес к различным предметам или ситуациям. Например: 古典题材热 “gudian ticaire” переводится как “интерес к древним сюжетам”. В этом случае 古典 gudian имеет значение “древний”, а 题材 ticaire переводится как “сюжет” и при помощи суффикса 热 “re” образуется новое слово. Рассмотрим другой пример: 养花热 “yanghuare” переводится как “интерес к цветам”. В этом случае слово 养 “yang” относится к части речи глагол и имеет значение “ухаживать”, слово 花 hua имеет значение “цветок”. При примыкании к данным компонентам словообразовательной морфемы 热 “re” образуется новое слово. Другой пример: 外语热 “waiyure” “интерес к иностранным языкам”. В данном слове 外语 “waiyu” даёт значение “иностранное слово” и при помощи суффикса 热 “re” образуется новое слово [8, с.98-99]. Суффикс 热 “re” обычно употребляется после двух- и трёхсложных слов, образуя новые лексические единицы. Например: 中餐热 “zhongcanre” “интерес к китайской кухне” (中餐 “zhongcan” “китайская кухня”), 排球热 “paiqiure” “интерес к волейболу” (排球 “paiqiu” “волейбол”), 武术热 “wushure” “интерес к Ушу” (武术 “wushu” “Ушу (вид китайской военной борьбы)”), 数学化热 “shuxuehuare” “интерес к математическим предметам” (数学 shuxue “математика”). При помощи данного аффикса существительные образуются согласно двум конструкциям: [существительное + 热 “re” = существительное], [глагол + 热 “re” = существительное].

Морфема 城 “cheng” также считается одной из широко используемых морфем в современном китайском языке. При помощи данного аффикса образуется большое количество слов со значением “места”, “торговых рядов”. Например: 鞋城 “xiexheng” “городок обуви” (место, где продают обувь), 服装城 “fuzhuangcheng” “магазин одежды”, 图书城 tushucheng “мир книг”, 美食城 meishicheng “городок вкусной еды” и многие другие [18, с.260]. Исходя из вышеизложенного можно заключить, что при образовании новых лексических единиц словообразовательная морфема 城 “cheng” сохраняет своё этимологическое значение. При помощи данного аффикса существительные образуются только согласно конструкции [существительное +城 cheng = существительное].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из вышеизложенного можно сделать заключение, что:

- 1) В качестве одного из способов словообразования аффиксация, при построении новых лексических единиц, образует различные лексические единицы с разнообразными структурно-семантическими особенностями.
- 2) Аффикс – это формальная морфема, она примыкает к знаменательной морфеме.
- 3) Аффиксы, согласно функциональной классификации, делятся на словообразующие и формообразующие. При этом разделении аффиксов на данные группы основывается на функционально-семантические, структурные и дистрибутивные критерии.
- 4) В современном китайском языке аффик-

сальное словообразование с точки зрения продуктивности занимает второе место после словосложения.

- 5) В современном китайском языке словообразующие аффиксы в основном состоят из корневых морфем. Однако до сих пор в современном китайском языке присутствует группа аффиксов, которые полностью не перешли из корневой в чисто аффиксальную морфему. Данные морфемы занимают промежуточное место между аффиксами и словообразующими морфемами и именуются как полуаффиксы. В языкознании аффиксация и полуаффиксация считается двумя самостоятельными видами словообразования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Реформатский А. Введение в языкознание – М., 1955. – 542 с.
2. Gao Yaoqi. Xiandai hanyu yufa. Henan, 1982. - 266 ye.
3. Zhang Jin. Ju, cizu, juzi. – Haerbing, 1984. – 220 ye.
4. Xun Chanxu. Hanyu cihui. – Changchun, 1956. – 493 ye.
5. 王赴航. 动词重叠研究方法. Beijing, 2003. – 64 页.
6. Кубрякова Е. Что такое словообразование? – М., 1965. – 78 с.
7. Lu Zhiwei. Hanyude goucifa. – Beijing, 1957. – 160 ye.
8. Ren Xueliang. Hanyu zaocifa. – Beijing, 1980. – 320 ye.
9. Zhang Shoukan. Goucifa he gouxingfa. – Hubei, 1981. – 96 ye.
10. Носирова С. Хитой тилининг ижтимоий-сиёсий ва дипломатик терминологияси. – Т.: Янги аср авлоди, 2011. – 150 б.

11. Хашимова С. Носирова С. Хитой тили грамматикаси. – Т.: Jahon Press, 2012. – 150 б.
12. 语言学名词解释.- 北京: 商务印书馆, 1960. – 1205 页。
13. Zhou Zumo. Hanyu cihui jianghua. – Beijing, 1962. – 175 ye.
14. 李稿 . 现代汉语动词研究. – 北京, 2004年. – 187 ye.
15. 王珏. 现代汉语名词研究。 - 上海, 2000. - 256页
16. Кленин И.Д.,Щичко В.Ф. Лексикология китайского языка. – М., 2013. - 269 с.
17. 任学良.汉语 选词法. - 北京, 1981. - 320 p.
18. Семенас А. Лексикология современного китайского языка. – М.: Наука, 1992. – 260 стр.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Reformatsky A. Introduction to Linguistics - M., 1955. - 542 с.
2. Gao Yaoqi. Xiandai hanyu yufa. Henan, 1982. - 266 ye.
3. Zhang Jin. Ju, cizu, juzi. - Haerbing, 1984. - 220 ye.
4. Xun Chanxu. Hanyu cihui. - Changchun, 1956. - 493 ye.
5. Wáng Fùruǎn. Dòng cí zhòng dié yán jiū fāng fǎ. Beijing, 2003. – 64 yè.
6. Кубрякова Е. What is word formation? - М., 1965. - 78 p.
7. Lu Zhiwei. Hanyude goucifa. - Beijing, 1957. - 160 ye.
8. Ren Xueliang. Hanyu zaocifa. - Beijing, 1980. - 320 ye.
9. Zhang Shoukan Goucifa he gouxingfa. - Hubei, 1981. - 96 ye.

10. Nosirova C. Socio-political and diplomatic terminology of the Chinese language. - Т.: Yangi asr avlodi, 2011. - 150 p.

11. Хашимова С. Носирова С. Chinese grammar. - Т.: Jahon Press, 2012. - 150 p.

12. Yǔyán xuémíng cíjiěshì. Běijīng: shāng wù yìn shū guǎn, 1960. 1205 yè。

13. Zhou Zumo. Hanyu cihui jianghua. - Beijing, 1962. - 175 ye.

14. Lǐ Gǎo . Xiàndài hànǔ dònɡcí yán jiū. Běijīng, 2004 nián. 187 ye.

15. Wáng Jué. Xiàndài hànǔ míngcí yán jiū. Shànghǎi, 2000. 256yè

16. Klenin ID, Shchichko VF Lexicology of the Chinese language. - М., 2013. - 269 p.

17. Rèn Xuéliáng. Hànyǔ xuǎncífǎ. Běi jīng, 1981. 320 p.

18. Semenas A. Lexicology of the modern Chinese language. - М.: Наука, 1992. - 260 p.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Hashimova Sabohat Abdullayevna, PhD in Philology, Associate Professor

Department of Chinese Language and Literature
Tashkent State Institute of Oriental Studies
e-mail:sabohat15@mail.ru

Принята к публикации: 10.04.2020

Submission Date: 2020.04.10

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОНЕТИКИ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО
ЯЗЫКОВ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ
COMPARATIVE ANALYSIS OF CHINESE AND RUSSIAN PHONETICS AND
TEACHING STRATEGIES FOR RUSSIAN STUDENTS

汉俄语音对比分析及针对俄罗斯学生教学策略

Го Жуйци

Департамент зарубежного регионоведения

Высшая школа экономики

guoruiqi@hotmail.com

郭瑞琦

外国区域研究系

俄罗斯高等经济大学

guoruiqi@hotmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье проводится сравнение различных фонетических систем и особенностей современного китайского и русского языков. Разъясняется различная классификация согласных и гласных исходя из артикуляции и уклада китайского и русского языков. Проведен сравнительный анализ особенных гласных и согласных, существующих в фонетической системе китайского языка, но отсутствующих в русской фонетической системе, а также сходных, но не идентичных. Обобщен некоторый актуальный педагогический опыт и методы, связанные с трудностями обучения и особенными отклонениями, возникающими у русских студентов в процессе обучения. Представлены четыре тона китайского языка и ошибки российских студентов.

Ключевые слова и фразы: сравнение китайской и русской фонетики, трудности произношения инициала и финаля, педагогическая стратегия, четыре тона китайского языка.

Для цитирования: Го Жуйци. Сравнительный анализ фонетики китайского и русского языков и методика обучения российских студентов. *Современные востоковедческие исследования.* 2020; 2(2): 47-56

ABSTRACT

The article compares the different phonetic systems and characteristics of modern Chinese and modern Russian. Explains the different classifications of Chinese and Russian consonants and vowels, according to their pronunciation positions and methods. Makes a comparative analysis of the unique vowels and consonants in Chinese phonetic system but not in Russian's, as well as the similar but not identical vowels and consonants. In this article, some teaching experience and methods are summarized based on the pronunciation difficulties of Russian students' and specific phonetic errors to them. Introduces four tones of Chinese pronunciation and Russian students' errors.

Key words: Comparison of Chinese and Russian phonetic systems, pronunciation difficulties in initials and finals, teaching strategies, four tones of Chinese pronunciation.

For citation: Guo Ruiqi. Comparative Analysis of Chinese and Russian Phonetics and Teaching Strategies for Russian Students. *Modern oriental studies.* 2020; 2(2): 47-56

jian (正) —qian (误)

jian (正) —tian (误)

jie (正) —zie (误)

qian (正) —tian (误)

qin (正) —jin (误)

qun (正) —cun (误)

quan (正) —cuan (误)

xian (正) —sian (误)

xin (正) —sin (误)

2. 舌尖音zh[tʂ]、ch[tʂʰ]、sh[ʃ]

发音部位和方法:

zh[tʂ]舌尖上翘,抵住硬腭前部,口腔通道完全阻塞,然后舌尖放松,让气流从狭缝中挤出,声带不颤动。

ch[tʂʰ]发音部位和发音方法与zh[tʂ]大体相同,只是吐出来的气流较强。

sh[ʃ]发音时舌尖翘起,接近硬腭前部,中部留出一条狭缝,让气流从中挤出来,声带不颤动。

3. 俄罗斯学生的发音偏误:

zh[tʂ]—发成类似俄语ж或з的音

ch[tʂʰ]—发成类似俄语ч的音

sh[ʃ]—发成类似俄语ш的音

送气声母p[pʰ]、t[tʰ]、k[kʰ]、c[tsʰ]、ch[tʂʰ]、q[tcʰ]

汉语中有6对送气与不送气对应的声母: b-p、d-t、g-k、z-c、zh-ch、j-q。而俄语中没有送气音与不送气音的对立,只有6对清浊对应的辅音。因此在面对送气音p[pʰ]、t[tʰ]、k[kʰ]、c[tsʰ]、ch[tʂʰ]、q[tcʰ]的时候,经常出现用不送气音来代替送气音以及将清音浊化发成浊音的问题。

(二) 汉俄语音系统中发音相近但不同的辅音

1. 汉语的r[z]和俄语的ж

r[z]和sh[ʃ]的发音方法相似,二者的主要区别在于前者r的声带振动,是浊音;而发sh时声带不振动,是清音。r是舌尖后与硬腭前部的一个音,俄语ж的摩擦程度比汉语要重,气流通过舌后部和软腭及舌尖和硬腭时摩擦程度加强。

2. 汉语的h[x]和俄语的х

汉语的h与俄语的x相比,前者的成阻部位稍微靠前,也就是舌面后部抬起后,靠近硬腭和软腭的交界处,构成窄小的缝隙。俄罗斯学生在发h这个音时,发音部位往往不够准确,成阻部位稍稍靠后一些。

针对俄罗斯学生的声母教学策略

(一) 舌面音j[tc]、q[tcʰ]、x[ç]的教学策略

1.x的教学

学习舌面音j、q、x的时候,建议先从x开始。可用牙签帮助练习,将一支牙签放到嘴里大约一厘米的长度,用牙咬住,然后舌面向上隆起,好像发韵母i时的舌位,舌面向前靠近硬腭前部就可以找到x的位置,发音时舌头会被压在牙签的下面[宋海燕,2015,87页]。

2.j的教学

先发x音,然后舌面前部向上抬堵住口腔通道,好像准备发d音一样,这样就能找到发j的正确感觉了。另外,发j时可用两手食指和拇指相捏沿嘴角往两边拉,提醒学生注意嘴唇是平展的。

3.q的教学

先发j音,然后加强送气发出q音,可用手或薄纸感受送气。

(二) 舌尖音zh[tʂ]、ch[tʂʰ]、sh[ʃ]的教学策略

1.zh的教学

先发j音,然后舌尖翘起抵住硬腭前部,用同样的方法发出zh。可让学生把食指放入口中约一个关节长,抵住舌头下方,强迫舌头往上翘。可辅以手势,以手掌模拟舌头,弯起手指指示翘舌动作。

2.ch的教学

先发q音，然后舌尖上翘抵住硬腭前部，用同样的方法发出ch音。

3.sh的教学

先发x音，利用食指或者牙签帮助矫正，把食指或牙签放进口中约1厘米并咬住，发sh时舌头不会碰到食指或牙签，发x时舌头会被压在食指或牙签的下面。

送气声母p[pʰ]、t[tʰ]、k[kʰ]、c[tsʰ]、ch[tʂʰ]、q[ʈʂʰ]的教学策略

在学习过程中，有时候学生很难体会到送气音和不送气音间的差异，教学中除了讲解使用气流的大小之外，可以利用小纸条来教学，把小纸条放在嘴前，发送气音气流会吹动纸条，而发不送气音时，气流较小不会吹动纸条。运用这样直观的手段可以让学生发现两种音素的差异，并逐步体会到它们在细节上的不同。还可以提醒学生注意观察胸腔收缩变化。把不送气和送气音单独作为一个练习教程。

第三部分 汉俄元音对比分析及针罗斯学生教学策略

一. 汉俄元音对比分析

(一) 汉语元音与韵母

汉语元音包括10个单元音和13个复元音，与16个鼻辅音共同组成了现代汉语语音中的39个韵母。

按内部结构特点可将韵母分为三类：

1. 单元音韵母10个：

a、o、e、i、u、ü、ê、-i[ɿ]、-i[ʅ]、er

2. 复元音韵母13个：

ai、ei、ao、ou、uai、uei、iao、iou、ia、ua、uo、üe、ie

3. 鼻韵母16个（其中包括前鼻韵母和后鼻韵母各8个）：

前鼻韵母8个：an、en、ian、in、uan、uen、

üan、ün

后鼻韵母8个：ang、ong、eng、iang、ing、uang、ueng、iong

(二) 俄语元音

俄语中有10个元音字母：a[a]、o[o]、y[y]、ы[ɨ]、э[ɛ]、я[ja]、ё[jo]、ю[ju]、и[i]、е[je]。其中包括6个元音音位：[a]、[ɛ]、[u]、前[i]、后[i]、[o]。

二. 俄罗斯学生韵母习难点

(一) 单

1. o、u、ü的偏误

在对俄罗斯学生的单韵母教学中，可以发现发音时不圆唇或圆唇度不够的情况。原因在于，俄语中的圆唇音是渐变的，而且圆唇音非常少。而汉语单韵母的发音则不同，发音时舌位和唇形有高度的同一性，例如：o、u、ü。发音的准确与否受到唇形圆展程度的直接影响。在对俄罗斯学生的教学观察中往往会发现学生不自觉变化唇形和舌位的情况。所以在o、u、ü这三个音的发音时，往往出现唇形不够圆展的情形。

这其中，韵母ü[y]的偏误情况不在少数。

ü[y]的发音状况与i相同，最大的差别是ü唇形拢圆。俄罗斯学生在读这个单韵母时，常将ü误读成是类似iu的发音。这种偏误主要是由于唇形拢圆程度不够：

例如：nü（正）—niou（误） lü（正）—liou（误） qü（正）—qiou（误）

另外，当u出现在zh、ch、sh后面的时候，有的学生有时会发出一些听起来有点儿奇怪的音，似乎介于zhu、chu和ju、qu之间的音。

2. 舌尖元音-i[ɿ]、-i[ʅ]的偏误

i在汉语中可以表示三种不同的元音：舌尖后、高、不圆唇元音i、-i[ɿ]、-i[ʅ]。-i[ɿ]只能与声母z[ts]、c[tsʰ]、s[s]相拼；而-i[ʅ]只能与zh[tʂ]、ch[tʂʰ]、sh[ʂ]、r[ʂ]相拼，并且这两个单韵母不能自

紧张且后缩。可以和g一起做拼读练习g—e—ge, 体会舌位靠后的感觉。

4.er的教学

俄语中没有卷舌音er[ɤ],所以俄罗斯学生发这个音时,容易把其当作两个辅音。在教学中告诉学生这个音的特殊性,不要当成两个辅音,提醒学生发音和卷舌动作是同步的。可以加强组合练习,例如:如“小孩儿(xiǎoháir)”、“小花儿(xiǎohuār)”等等。

(二) 复韵母的教学策略

1. 关于韵腹及韵尾的丢失教学

在发复合韵母音时,学生常会丢失韵头和韵尾。在复合韵母的学习过程中,可以先让学生把韵母中每个音素缓慢地拼读,以便掌握每个音,然后将音素融合成一个完整的复合韵母。在练习中,还可以增加相同韵腹在有无韵头、有无韵尾情况下发音、听辨的比较。对于uei(ui)、iou(iu)在拼读时,常发生遗失韵腹的情况,练习发音时可以试一试加声母的方法,如tui、diu等。结合不同声母反复练习、强化记忆,以便于熟练掌握。

2.关于复韵母开口度以及指导学生自然发音的教学

复元音的发音特点就是连贯性和渐变性。复韵母每个音的发音强度不同,有强发音部分和弱发音部分,且强弱之间的过渡是很连贯的,发音的过程由一个音到另一个音自然过渡,既然有不同的音之间的过渡,自然就有口形舌位的渐变,而俄语中的元音组合没有这样的过渡和渐变,在教学过程中一定要提醒学生这种渐变性,注意舌位高低和开口度大小。

例如: ai、ei发音口型由大到小;

ia、ie发音口型由小到大;

ua、uei(ui)发音口型由圆到展;

ao、iou(iu)发音口型由展到圆;

ou舌位升高;

iao口型由小到大由展到圆;

uai口型由圆到展由小到大再到小。

(三) 鼻韵母教学策略

俄语中有鼻音,也有元音和鼻音一起拼读的音组,如: ан、эн、ин。所以对俄罗斯学生来说,前鼻韵母中的an、en、in发音难度不大。而汉语前鼻韵母中的ian、uan、üan、uen、ün应该作为一个整体连贯发音,而俄罗斯学生受母语影响很容易将两个相连的元音分别发音,可能会发成i-an、u-an、ü-an、u-en,这个要特别注意。

另外,在教学中容易出现舌尖鼻音[n]和舌根鼻音[ŋ]互相混淆的偏误。首先在学习之前,让学生了解两个鼻音韵尾发音时舌位上的差异,前鼻音发音时,舌尖抵到上齿背,感受到气流从鼻腔中流出,同时能感觉到鼻子有微微的振颤感。后鼻音[ŋ]的气流更大一些,鼻子的震颤感较强烈。另外发[n]时,相对来讲,比较容易看见牙齿,而发[ŋ]时,不易看见牙齿,且口型相对大开。汉语鼻韵母的差异除了在鼻音韵尾上有表现以外,在韵腹中也有差异。例如字母an和ang中的a有舌位前后的区别。an中的a舌位靠前,ang中的a舌位靠后。en和eng的发音中,韵腹同样也有区别。en的韵腹靠前,而eng的韵腹靠后。因此在学习鼻韵母时,为了帮助学生正确掌握汉语发音,不仅要指导学生学习鼻音韵尾的差异,更要指导学生体会韵腹的差异,不能直接按字母拼读。

汉语的四个声调及俄罗斯学生的偏误

汉语是一种有声调的语言,现代汉语共有四个声调。声调贯穿音节、具有区别意义的作用,是汉语音节中不可或缺的重要部分。世界上大部分语言都是非声调语言,对于母语为非声调语言的俄罗斯学生来说,准确掌握汉语声调是学习的难点。

一. 汉语四声的偏误

(一) 阴平的偏误

阴平的调型是一个高平调,调值是55。对俄罗斯学生来说其实并不难,不过学生发音大都调值不够高,趋近于33或者44左右。

（二）阳平的偏误

阳平的调型是一个升调，而且是从中间到上部的升调，调值35。学生容易犯的偏误一是起点过低，达不到3度。二是只有升的低调，升的趋势不明显，达不到5度。

（三）上声的偏误

上声的调值是214，即由2度降到1度再升到4度，是先降后升的曲折调并且下降的部分念的长、上升的部分念的短，在语流情况下调值通常为211。俄罗斯学生读上声调时存在两个主要的问题，一是起点高，但是降不到位；二是下降的部分读得很短、上升的部分读得很长。有时分不清他们发的是阳平还是上声。

（四）去声的偏误

去声用的调值为51，与俄语中的重音比较相似，所以很多学生都把去声当成重音来读，发音过于用力。另外就是去声的起始调值不够高，达不到5度。

二. 汉语四声的教学策略

对母语为俄语的汉语初学者，声调教学可采用五度标记教学，延长发音，手势辅助教学等方法。

结语

由于俄语中只有元音和辅音，而汉语的声母和韵母其实是由元音和辅音单独或组合构成的，所以本文还是以元音和辅音为基础，对汉俄两种语音进行了对比分析。根据在实际的语音教学过程中，俄罗斯学生遇到的学习难点及产生的特有语音偏误，进行了一些总结和整理，希望能给针对俄罗斯学生的语音教学提供一点参考。另外，汉语的四个声调是判断本族人和外国人汉语语音情况、发音是否正确的重要标准之一，也是汉语语音教学中非常重要的一部分。希望以后有机会，可以对此做更深入的研究，共同讨论，相互借鉴。

参考文献

1. 赵元任.语言问题.商务印书馆, 1980, 156页.
2. 黄伯荣, 廖序东.现代汉语.高等教育出版社, 2017,6页.
3. 叶菱, 克雷洛娃.东方大学俄语.外语教学与研究出版社, 1999.
4. 宋海燕.国际汉语教师语音教学手册.高等教育出版社, 2015.
5. 赵金铭.对外汉语语音及语音教学研究.商务印书馆,2014.
6. 赵金铭.对外汉语教学概论.商务印书馆, 2005.
7. 丁崇明,荣晶.现代汉语语音教程.北京大学出版社,2012.
8. 王宗琥, 邢淑.俄语语音学教程.北京大学出版社, 2017.
9. 刘培凤.汉、俄语音对比及对俄汉语语音教学对策.黑龙江大学, 2011.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Guo Ruiqi, Chinese teacher

School of International Regional Studies

HSE University

119017, Moscow, Malaya Ordynka str., 17

Russia

guoruiqi@hotmail.com

Принята к публикации: 10.04.2020

Submission Date: 2020.04.10

К ПРОБЛЕМЕ ПРЕПОДАВАНИЯ 状态(情态) 补语
СТУДЕНТАМ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

SOME ASPECTS OF TEACHING 状态(情态) 补语
TO STUDENTS OF HIGH EDUCATION

Маркина Ольга Александровна,

асс. кафедры лингвистики

Новокузнецкий (институт) филиал Кемеровского Государственного Университета

akemita@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные сложности, с которыми сталкиваются преподаватели при обучении теме 状态(情态) 补语, поднимается вопрос вариативности перевода данной темы на русский язык, проблема неполноты предоставляемых в учебной литературе сведений для полноценного овладения студентами данного грамматического материала. Кроме этого, акцентируется внимание на важности разграничения грамматических категорий обстоятельства (状语) и компонента (дополнения) (状态(情态) 补语) в процессе обучения.

Ключевые слова и фразы: методика преподавания китайского языка, обучение китайскому языку, грамматика китайского языка, 状态(情态) 补语

Для цитирования: Маркина О.А. К проблеме преподавания 状态(情态) 补语 студентам высших учебных заведений. Современные востоковедческие исследования. 2020; 2(2): 57-63

Китайский и русский язык принадлежат к разным языковым системам, в грамматическом строе языков наблюдаются довольно большие различия, особенно в такой сфере как 补语 и, в частности, 状态(情态) 补语. В грамматике русского языка данное понятие отсутствует, при этом

ABSTRACT

The article examines the main difficulties of teaching 状态(情态) 补语 to students of high education, raises the question of the variability in translation this topic into Russian, the problem of incompleteness of information provided in the educational literature for the full mastery of this grammatical material by students. In addition, attention is focused on the importance of distinguishing the grammatical categories of 状语 and 状态(情态) 补语 in the learning process.

Key words and phrases: chinese teaching methodology, teaching Chinese, Chinese grammar, complement of state

For citation: Markina O.A. Some aspects of teaching 状态(情态) 补语 to students of high education. Modern oriental studies. 2020; 2(2): 57-63

термин 补语 переводится как «постпозитивное обстоятельство» [1], «комплимент, постпозиционное определение сказуемого» [2] или же «(примыкающее) дополнение» [3]. У 状态(情态) 补语 также наблюдается вариативность при переводе на русский язык. В основной учебной

литературе, используемой при обучении студентов китайоведческих направлений, встречаются следующие варианты:

(1) В учебном пособии «Практический курс китайского языка» данная грамматическая тема вводится как «Дополнение результата» [4, с.482]

*при этом тема 结果补语 обозначается в учебнике как «результативные глаголы» со сноской «для обозначения результативной морфемы китайские лингвисты часто используют термин «дополнительный элемент результата» [5, с.238]

(2) В учебном пособии «Новый практический курс китайского языка» данная грамматическая тема вводится как «модальный дополнительный член (情态补语)» [6, с.15]

*при этом 结果补语 вводится как «дополнительный член результата»

(3) В учебном пособии «Курс китайского языка» данная тема вводится как «дополнение результата (状态补语)» [7, с. 133]

*при этом 结果补语 вводится как «дополнительный член результата»

(4) В учебном пособии «Начальный курс китайского языка» данная грамматическая тема вводится как «обстоятельство образа действия» (地), говорится о том, что «в китайском предложении обстоятельство образа действия обычно входит в группу сказуемого и поэтому ставится перед сказуемым <...> часто оформляется служебной частицей 地 <...> однако обстоятельство образа действия может занимать позицию и после сказуемого» и оформляется в данном случае служебной частицей 得. Таким образом 状态 (情

态) 补语 уже является не дополнением, а обстоятельством. [8, с. 207- 208].

(5) Однако в учебном пособии «Комплемент в китайском языке» [9] данная тема фигурирует как «комплемент состояния», а 结果补语 как «комплемент результата».

Таким образом подобная вариативность вызывает у учащихся путаницу, при этом зачастую обучение ведётся по одному основному учебному пособию, однако при необходимости обращения к другой справочной литературе, ученику будет трудно идентифицировать данную тему и в данном случае преподавателю следует при объяснении этого грамматического аспекта учитывать данный момент и отмечать многовариантность перевода. Далее по тексту 状态(情态) 补语 будет переводиться как «комплемент состояния» так как учебное пособие [9] использующее данное понятие, является наиболее актуальным по дате издания среди перечисленных выше.

Также наблюдаются сложности в процессе овладения темой «комплемента состояния» студентами. Если проанализировать упомянутые выше четыре основных учебных пособия по китайскому языку и дополнительное пособие [9], используемые в ВУЗах, мы можем увидеть, что в целом основной акцент при подаче материала отдаётся грамматической структуре и её значению.

К примеру, в учебном пособии «Новый практический курс китайского языка» [6] даётся следующее определение: «дополнительный член, описывающий и комментирующий состояние действия, называется модальным дополнительным членом <...> модальный дополнительный член — это член, который восполняет и объясняет глагол и прилагательное».

«Структурная частица 得 ставится между глаголом и дополнительным членом». В учебном пособии «Практический курс китайского языка» [4] к этому дополняется «...чаще всего используется для характеристики и оценки действия или состояния, уже имевшего место, а также для характеристики регулярно повторяющегося действия или состояния». Затем даётся образец грамматической конструкции и примеры:

Таблица 1. Структура предложения комплемента состояния без прямого дополнения

подлежащее	сказуемое	得	дополнение (комплемента)		вопросительная частица
			наречие	прилаг. / вопр. мест.	
他	来	得	很	晚	
她	唱	得	不	好	
你	休息	得		好	吗?

Таблица 2. Структура предложения комплемента состояния с прямым дополнением

подл.	сказуемое	дополнение	сказ.	得	дополнение (комплемента)		вопросительная частица
					нареч.	прилаг. / вопр. м.	
你	写	汉字	写	得	不太	快	
你	回答	问题	回答	得		对	吗?

Таблица 3. Структура предложения комплемента состояния с прямым дополнением (вариант 2)

подл.	дополнение	сказ.	得	дополнение (комплемента)		вопросительная частица
				Нареч.	прилаг. / вопр. мест.	
你	汉字	写	得	不太	快	
你	问题	回答	得		对	吗?

Однако на практике данной информации для полноценного овладения и использования темы оказывается мало. В частности, не упоминается тот факт, что в русском языке комплемент состояния при переводе с грамматической точки зрения идентифицируется как обстоятельство, не делается акцент на разнице между обстоятельством (状语) и комплементом состояния (状态(情态) 补语) и контексте, позволяющем увидеть эту разницу. Чтобы проиллюстрировать сказанное, посмотрим на приведённые ниже предложения:

Он быстро бежит.

Он торопливо забежал в комнату.

Она бегло говорит по-французски.

Во всех этих трёх предложениях в русском языке слова «быстро», «торопливо», и «бегло» являются одним и тем же членом предложения, обстоятельством. Однако при переводе на китайский язык только второе предложение будет переведено через обстоятельство «他急急忙忙地跑进教室了», а остальные предложения будут переведены через комплемент состояния: «他跑得快» и «他汉语说得很流利». Соответственно вопрос о разнице данных грамматических тем должен обязательно фигурировать при обучении теме комплемента состояния.

Тему различий между 状语 и 状态补语 поднимал 尹绍华 [12], говоря о том, что части речи, образующие в китайском языке 状语 могут в равной степени использоваться и для образования 状态(情态) 补语, причём иногда предложение можно построить и через 状语, и через 状态(情态) 补语 с идентичным значением:

(1) 他笔直地坐着。—他坐得笔直。

(2) 书乱七八糟地堆在桌子上。—桌子上的书堆得乱七八糟。

Или же значения будут различаться:

(3) 他很快走了。—他走得很快。

(4) 老人心满意足地吃着。—老人吃得心满意足。

Однако чаще всего встречается ситуация, когда одно и то же слово не может с одним и тем же глаголом либо образовывать 状语, либо образовывать 状态 (情态) 补语

孩子们愉快地翻着杂志。—*孩子们翻杂志翻得很愉快。

*事情很糟糕地办。—事情办得很糟糕。

Более подробно этот момент описывается в пособии «使用现代汉语语法» [14], где говорится о том, что прилагательные, состоящие из одного иероглифа, такие как 早, 晚, 多, 少 могут выступать и в роли обстоятельства, и в роли комплемента состояния, имея схожее значение:

(1)他晚来了几天。

(2) 他今天来得很晚。

(3) 这个孩子今天多说了几句话。

(4) 这个孩子今天话说得多了一点儿。

Однако в таких предложениях, как (1) и (3), после глагола зачастую употребляется дополнение или количественный комплемент (дополнение), а в предложениях (2) и (4) или перед комплементарной частью употребляется атрибутивная, или же после используется —点儿, показывающее степень.

При этом такие прилагательные, как 大,

小, 高, 低, 深, 瘦, 厚, 长, 短, 咸, 淡 и прочие, могут использоваться для образования комплемента состояния, но не могут использоваться в тех же предложениях для образования обстоятельства.

这双鞋做得太大。

(x)大做了一双鞋。

Прилагательные же, состоящие из двух иероглифов, словосочетания, состоящие из прилагательного, удвоенные прилагательные и устойчивые выражения выступая в роли обстоятельства и в роли комплемента состояния, акцентируют внимание на разных моментах. Когда они выступают в роли комплемента состояния, смысловой центр всего предложения смещается на комплементарную часть, когда они выступают в роли обстоятельства, акцент делается на глаголе, а обстоятельство выполняет лишь описательную функцию.

(1) 那几个字写得歪歪扭扭的, 很不好看。

(2) 本子上歪歪扭扭地写着几个字, 显然是孩子给他留的话。

Таким образом здесь мы видим, что в первом предложении смысловым центром всего предложения является фраза «歪歪扭扭的», смысловым центром второго предложения является «写着几个字», а «歪歪扭扭地» лишь оформляет действие.

Также следует отметить, что прилагательные, словосочетания, состоящие из прилагательного, удвоенные прилагательные и устойчивые выражения, показывая состояние, в котором деятель выполняет то или иное действие, обычно могут образовывать лишь обстоятельство и не могут образовывать комплемент состояния.

他醉醺醺地走着。

他急急忙忙地跑进教室。

А если они и могут образовывать комплемент состояния, то смысл предложения, построенного с обстоятельством и предложения, построенного с комплементом состояния, отличается.

他高兴地唱着。(高兴 показывает состояние, настроение для 唱)

他唱得很高兴。(из-за того, что 唱, поэтому 高兴)

他激动地说。(激动 показывает состояние, настроение для 说)

他说得很激动。(из-за того, что 说, поэтому 激动)

Таким образом мы видим, что в предложениях с комплементом состояния часто присутствует причинно-следственная связь.

Из всех вышеупомянутых моментов мы можем сделать вывод, что необходимо продемонстрировать учащимся контекст, предпосылки употребления данных двух тем, проанализировав которые учащийся в дальнейшем сможет безошибочно разграничивать и использовать в своей речи данные темы. О чём, собственно, также упоминали и китайские учёные в своих работах, посвящённых особенностям преподавания данной темы иностранным студентам.

В частности, 田爽婷[10] указывал на то, что из смысла, структуры и контекста использования комплемента состояния, контекст у учащихся вызывает самые большие затруднения.

曹春梅[11] тоже упоминал о том, что для того, чтобы ученики использовали в речи ком-

племент состояния, знаний лишь одной формы и значения недостаточно. Необходимо сделать так, чтобы они могли видеть и понимать предпосылки для использования данной грамматической конструкции, ясно понимать контекст использования, так как чем более конкретен, ясен и очевиден контекст использования, тем легче учащемуся овладеть грамматической темой.

Стоит подчеркнуть, что самым важным моментом здесь является то, что предложения с обстоятельством обладают признаком нарративности, основной смысловой акцент в таком предложении делается на глагол, а обстоятельство лишь оформляет, «украшает» глагол и имеет второстепенное значение. Предложения с комплементом состояния напротив, имеют описательный характер и основной акцент смещается с глагола на комплементарную часть (补语), кроме того описываемое явление зачастую уже имеет место быть. О чём также говорится и в пособии «国际汉语语法与语法教学» [13], где указывается, что основным показателем, позволяющим определить использовать обстоятельство или комплемент состояния, является совершённость действия. Сначала происходит действие, затем уже мы видим состояние, и тогда используем комплемент состояния. Если же мы хотим кого-то предостеречь, убедить, если предложение побудительное или мы хотим показать действие, которое только будет происходить, тогда мы используем обстоятельство. Не знание этих моментов ведёт к представленному ниже ошибочному построению предложения:

(x) 老师开始点名了, 你要来得快。

(x) 她要学习得很刻苦。

(x) 老师很慢地说, 我听懂了。

(x) 她漂亮地打扮了。

Обобщая вышесказанное, при обучении грамматической теме 状态 (情态) 补语 необходимо учитывать следующие аспекты:

- (1) При объяснении темы необходимо подчеркнуть вариативность русского эквивалента перевода, встречаемого в различных учебных пособиях. Для понимания частеречной принадлежности необходимо акцентировать внимание на том, что 补语 отсутствует в русском языке, соответственно необходимо пояснить значение, назвать общую классификацию их видов в китайском языке для систематизации информации, особенно если тема 补语 появляется впервые.
- (2) Наряду с введением данной темы необходимо упомянуть о схожести компонента состояния с обстоятельством в русском языке. Провести сравнение, пояснить

контекст, позволяющий различить данные грамматические моменты при переводе с китайского на русский язык.

- (3) При объяснении необходимо избегать излишней грамматикализации объясняемого материала, объяснение должно сопровождаться многочисленными примерами и упражнениями. Финальным упражнением должно быть упражнение на перевод с русского на китайский диалога, содержащего в себе и предложения с обстоятельством, и предложения с компонентом состояния, так как данное упражнение позволить показать усвоен ли материал, способны ли ученики в дальнейшем видеть разницу и использовать их в своей речи.

Также в качестве подведения итогов в конце урока рекомендуется использовать следующую таблицу:

<p>状态 (情态) 补语</p> <p>-комplement состояния, описывает и комментирует действие; то, как совершено действие</p> <p>-зачастую в предложении присутствует причинно-следственная связь</p> <p>Не используется:</p> <p>в побудительных предложениях</p> <p>в предложениях, где мы хотим кого-то предостеречь или убедить</p> <p>+ обычно не используется в предложениях, где описывается состояние, в котором деятель выполняет то или иное действие (бывают исключения)</p>	
<p>структура</p>	<p>(1) 他来得很晚。</p> <p>你休息得好吗?</p> <p>Подлеж. + сказ. +得+ (наречие) прил./вопр.мест+(吗)</p> <p>(2) 你写汉字写得不太快。</p> <p>你回答问题回答得对吗?</p> <p>Подлеж.+сказ.+дополн.+сказ.+得+ (наречие) прил./вопр.мест+(吗)</p> <p>(3) 他汉字写得不太快。</p> <p>你问题回答得对吗?</p> <p>Подлеж. + дополнение+ сказ.+得+ (наречие) прил./вопр.мест+(吗)</p>

на что следует об- ратить внимание	Разница между обстоятельством и комплементом состояния	
	обстоятельство	комплемент состояния
	他晚来了几天。 (2) (x)大做了一双鞋。 (3)本子上歪歪扭扭地写着几个字。 (4)他醉醺醺地走着。 (5)他高兴地唱着。	他今天来得很晚。 这双鞋做得太大。 那几个字写得歪歪扭扭的，很不好看。 (x)他走得醉醺醺。 他唱得很高兴。

ЛИТЕРАТУРА/BIBLOGRAPHIC REFERENCES

1. Китайско - русский, Русско - китайский словарь Trainchinese. - [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trainchinese.com/v2/index.php> (дата обращения 25.01.2020 10:37)
2. БКРС. - [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения 25.01.2020 10:38)
3. Китайский словарь и переводчик онлайн Чжунга [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zhonga.ru/>(Дата обращения 25.01.2020 10:38)
4. Кондрашевский А.Ф. Практический курс китайского языка: в 2 т. Т.1/отв. ред. А.Ф. Кондрашевский.-11-е изд., испр. - М.: Восточная книга, 2010. С.482
5. Кондрашевский А.Ф. Практический курс китайского языка: в 2 т. Т.2/отв. ред. А.Ф. Кондрашевский.-11-е изд., испр. - М.: Восточная книга, 2010. С.238
6. 新实用汉语课本.第二册:俄文注释本/刘洵主编; 张凯等编著. - 北京:北京语言大学出版社, 2006. - 15 页
7. 汉语教程:俄文版. 第2册. 上杨寄洲编著:何学颖译.-北京:北京语言大学出版社, 2009.12.- 133 页
8. Задоевко Т.П., Хуан Шуин Начальный курс китайского языка. Часть II. - 5-е изд., испр. и доп. - М.: Восточная книга, 2010. С.207-208
9. Тихонова Е.В., Привороцкая Т.В., Тагина Е.К., Терешкова Н.С., Ветрова Е.В. Комплемент в китайском языке: учеб.пособие / под общ. ред. С.К. Гураль. - Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2015. - 92 с.
10. 田爽婷 高级阶段留学生“得”字情态补语句的习得考察 [D]2011
11. 曹春梅 从情态补语的语境讲起 《喀什师范学院学报》 [J] 2005年1期:57-59 页
12. 尹绍华 试论状语与状态补语的区别 «西南民族学院学报·哲学社会科学版» [J] 总23卷第2期 2002年2月213-216 页
13. 国际汉语语法与语法教学/杨玉玲, 吴中伟著. -北京:高等教育出版社, 2013.9. - 110-111 页
14. 使用现代汉语语法/刘月华等著. - 增订本.- 北京:商务印书馆, 2001(2015.12重印) 1005 页

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Markina Olga Alexandrovna, Teaching Assistant
Linguistics department
Novokuznetsk Affiliated Branch of Kemerovo State University
akemita@mail.ru

Принята к публикации: 10.04.2020

Submission date: 2020.04.10

**ВЛИЯНИЕ ОСМАНСКО-ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА НА ФОРМИРОВАНИЕ
ТАТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: НА ПРИМЕРЕ
АЛЬМАНАХА «МИРЪАТ» (1900-1909).**

**XX. YY. BAŞLARINDA TATAR YAZI DİLİNİN OLUŞMASINDA OSMANLİCANIN
ROLÜ: “MİR’ÂT” (1900-1909) MECMUASI DİLİNDEN ÖRNEKLER.**

Галяутдинова Луиза Михайловна

Казанский федеральный университет

gluiza@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье проводится анализ языковых особенностей альманаха «Миръат» и рассматривается влияния османско-турецкого языка на татарский язык начала XX века. В ходе анализа выявлено, что сильное влияние на татарский язык оказывал османско-турецкий язык, в результате которого в татарском языке наряду с огузскими элементами, увеличилось и количество арабо-персидских слов. В литературном татарском языке начала XX века, параллельно с татарско-тюркскими вариантами использовались как османско-турецкие слова, так и грамматические формы, имеющие тюрко-огузское происхождение.

Ключевые слова и фразы: *Татарская периодическая печать, «Миръат», Абдуррашид Ибрагимов, Татарский язык, Грамматические особенности.*

Для цитирования: *Галяутдинова Л.М. Влияние османско-турецкого языка на формирование татарского литературного языка в начале XX века: на примере альманаха «Миръат» (1900-1909). Современные востоковедческие исследования. 2020; 2(2): 64-67*

ABSTRACT

Makalede, «Mir’at» mecmuasının dil özelliklerinin analizi yapılmakta ve Osmanlı Türk dilinin XX. yy. başında Tatar dili üzerindeki tesiri incelenmektedir. Analiz sırasında, Osmanlı Türkçesinin Tatar dili üzerinde güçlü etkisi olduğu ortaya çıkmış, netice olarak Tatar yazı dilinde Oğuz unsurları ile birlikte, Arapça ve Farsça kelimelerin sayısı da artmıştır. XX. yy. başlarındaki Tatar yazı dilinde, Tatar-Türk varyantlarına paralel olarak, hem Osmanlıca kelimeleri hem de Türk-Oğuz kökenli gramer şekillerinin kullandığı söylenebilir.

Keywords and phrases: *Tatar Matbuatı, “Mir’at”, Abdürreşid İbrahim, Tatarca, Gramer Özellikleri.*

For citation: *Galyautdinova L. M. XX. yy. Başlarında Tatar Yazı Dilinin Oluşmasında Osmanlıcanın Rolü: “Mir’ât” (1900-1909) Mecmuası Dilinden Örnekler. Modern oriental studies. 2020; 2(2): 64-67*

Yazı dilinin anlatım türlerinin oluşmasında, süreli yayınlar büyük bir rol oynamaktadır. XIX. yy.sonu-XX. yy. başlarında eski Tatar dilinde birçok gazete ve dergi yayınlanmıştır. O zamanki “Nur”, “Vakit”, “Ülfet”, “Şura” v.s. gibi mecmuât dışında şüphesiz, içeriği bakımından en zengin ve ilgi çekici olanlarından biri de – “Mir’at” mecmuasıydı. Bu mecmuanın baş editörü – gazeteci-yazar, seyyah, sosyal-bilimci ve kadı – Abdürreşid İbrahim idi.

Abdürreşid İbrahim XIX. yy. sonlarından XX. yy. ilk yarısına kadar Rusya Türkleri ve Dünya Müslümanları arasında birlik kurmak, İslamiyetin Uzakdoğu’da özellikle Japonya’da yayılmasını sağlamak için uzun yıllar seyahatler yapmıştır.

1900 yılında Petersburg’a gelen A. İbrahim, bir matbaa kurarak “Mir’ât” (‘Ayna’) adlı ilk mecmuasını yayınlamaya başlamıştır. Toplam olarak 22 sayısı yayınlanan mecmuanın son 6 sayısı Kazan’da basılmıştır. Hemen her sayısında “Âlem-î İslamiyet-e Bir Nazar”, “Hatıra”, “Etraftan Gelen Mektuplar” gibi bölümler bulunmaktadır.

Bazı araştırmacılara göre, XVII – XVIII yy.dan başlayarak Osmanlı Türkçesinin Tatar diline etkisi artmıştır. Bu etki sosyo-tarihi geçmişe, İdil boyu ile Türkiye arasındaki kültürel, iktisadî ve diplomasî alanlarında ilişkilerin canlanmasına bağlıdır. Genellikle Hac ziyareti, ticaret, öğrenim, seyahat gibi amaçlarla Osmanlı ülkesine gelen Tatar aydınlarının birçoğu, memleketlerine boş dönmemişler, Osmanlı Türkçesiyle yazılan yazma veya basma birçok eseri beraberlerinde getirmişlerdir [Osmanlı,1999, S.354].

Bu nedenle, Osmanlıların İdil boyu Tatarları üzerindeki kültürel etkisi, Tatar yazar ve şairlerin eserlerinin diline de yansımıştır.

Arap dilinin, 922 yılında, İdil boyu Tatarlarının İslamiyeti kabul etmelerinden sonra Tatarca’yı etkilemeye başladığı söylenilebilir. İlmî ve dinî çalışmalar çoğunlukla Arapça olarak kaleme alındı. İran’la İdil Bulgarları arasındaki ticari ilişkilerin gelişmesi ve İran’dan edebi eserlerin getirilmesi sayesinde Tatar dilinde Farsça kelimeler kullanılmaya başlamıştır. Bu türden etkileşimler Tatarcada Arapça, Farsça ve Türkçenin karışımı olan Osmanlıcadan giren kelimelerin artmasına neden oldu [Rakhimova A.R., 2005, S. 124].

“Mir’at” mecmuasında basılan makalelerde aşağıdaki Arapça-Farsça kelimelere sıkça rastlanmaktadır:

قابلييت[kabiliyet], ترقى[terakki] , جلد[cild], دفعه[defa], زيرا[zira], نافله[nafile], دانه[tane], استقبال[istikbal], احباب[ahbab], رقابت[rekabet], [هيئت[hiyet], اصلاحات[islahat], احتلال[ihtilal] , هيت[heyet], غلبه[galiba]. Bu ve buna benzer alıntı kelimeler çağdaş Türkiye Türkçesinde hâlâ sıkça kullanılmaktadır.

Osmanlıca Tatarca’yı fonetik ve morfolojik açıdan da etkilemiştir. Örneğin, Tatarcada “bu” gösterme zamiri hâl çekiminde kökünü değiştirmekteyken, Türkçe’de kök değişmemektedir.

Yalın hal – bu (tat.) – bu (tür.); İlgi hâli – moniñ (tat.) – bunun (tür.); Yönelme hâli – moña (tat.) – buna (tür.); Yükleme hâli – monı (tat.) – bunu (tür.); Bulunma hâli – monda(tat.) – burada (tür.); Ayrılma hâli – monnan (tat.) – bundan buradan (tür.).

Söz konusu makalelerde gösterme ve iyelik zamirlerinin Osmanlıca şekilleri geçmektedir:

Bunun بونك(tat. moniñ) [Mir’at 6,S.21], benim بنم(tat. minem) [Mir’at 21, S.2].

Bilindiği gibi çokluk eki, getirildiği ismin birden fazla sayıda olduğunu belirtir. Tatarcada çokluk anlamı -lar/-ler, -nar/ -ner ekleri eklenecek yapılmaktadır. Türkçede ise ancak -lar/-ler eki kullanılmaktadır. Mecmuada çokluk eklerinin Osmanlıca şekilleri kullanılmaktadır: لر möselmanlar - (tat. möselmannar) - tür.müslümanlar; زمانلر zamanlar - (tat. zamanlar) - tür.zamanlar; يازغانلر yazganlar - (tat. yazgannar) - tür. yazmışlar; ياپونلر yapunlar - (yaponnar) - tür. japonlar; آداملر adamlar - (ädämnär) - tür.adamlar.

“Mir’at” mecmuasını inceleme sürecinde Tatarcaya özgü ‘üz’ (Türkçe ‘kendi’) dönüşlü zamiri yanısıra Türkçe varyantının, yani ‘kendi’ zamirinin kullanıldığını belirlemektediriz. Örneğin:

كوزكيدا كورنكان علما و ايشان كند لرنى اصلاح
- [Közge’da kürengän ulema vä işan kendilärini islah etmäli] [Mir’at 10, S.3].

حاله اولديغى خريستيان مذهبي و روس
- [Sair Puškin kendisi Rus vä mäzhäbi hristiyan olduđu haldä] [Mir’at 5, S.17].

Hâl ekleri, isimleri genel olarak kendilerinden sonra gelen fiillere, bazen de yine kendilerinden sonra gelen isimlere veya son çekim edatlarına bağlarlar. Tatarca ve Türkçedeki hâl eklerinin kökleri aynıdır, ama, bazı farklılıklar da vardır. Meselâ incelediğimiz makalelerde daha çok Ayrılma hâli kullanılmaktadır. Türkçede ayrılma hâli ekleri: -dan/-den, -tan/-ten ekleridir, Tatarcada: -dan/-den, -tan/-ten, -nan/-nen. Tatar dilindeki bazı kelimelerde kökün son sessizi, ekin ilk sessizini asimile ediyor. Fakat “Mir’at” dergisinde Türkçe şekli kullanılmaktadır:

Astından (tür.altından) (tat.- astınnan) -
, لؤزندن (tür. Kendisinden)
(tat.üzennän) - , اولاندان (tür.ondan) (tat.-
annan) - , لئببندن (tat.-säbäbennän) -
, طرفندن (tat.-tarafınnan) -

Sıfatlar. Niteleme sıfatları. Varlık veya kavramları, durum, biçim, renk, yapı vb bakımlardan niteleyen sıfatlardır. İncelediğimiz makalelerde Türkçeye özgü aşağıdaki niteleme sıfatlarıyla karşılaşmaktayız:

- چيركىن (tat.yämsez) [Mir’at 6, S.21],
كوجك (tat. tigez) [Mir’at 6, S.9], -
كؤچك (tat. keçkenä) [Mir’at 6, S.21] v.s.

Belirsizlik sıfatları. İsimleri belirsiz olarak belirten sıfatlardır (birkaç, bazı, çoğu, her, fazla, hiç v.s.)

يوق آقچه كه اداره لكن , قيليندى بنا لر خانه
- [Bazı şähärlärdä yetimhaneler bina qılındı, lâkin idarege akça yuk] (bazı - tat. kayber) [Mir’at 1, S.14].

بیرچوک وار فکرمز ایتمک نشر آتارلر چوق بر
- [Birçok eserler neşir etmek fikrimiz var. (birçok - tat. şakıtıy) [Mir’at 1, S.20].

Zamirler. Araştırdığımız mecmuada farklı yollarla yapılmış zamirlere rastlanmaktadır. Örneğin Tatarcaya ve aynı zamanda Türkçeye özgü tekrarlama usulü görülmektedir.

- كتاب نكنى تكرار تكرار اوقدم
- [Kitabınızı tekrar tekrar okudum (tekrar tekrar - tat. kabat kabat) [Mir’at 5, S.3].

ایدرز ملاحظه برر برر آبروجه برنى هر بونلارنك
- [Bunların her birini ayrıca birer birer mulahaza ederiz. (birer birer - tat. beräm beräm) [Mir’at 21, S.4].

İsim-fiiller. Türkçede isim-fiiller -mak/-

mek ekleri eklenerek yapılmaktadır. Bu şekil Tatarcadaki -rga/-ırga/-ärgä ya da -u -ü eklerine denk gelimektedir. Makalelerde aşağıdaki isim-fiillerle karşılaşmaktayız:

- کتاب يازماق kitap yazmak (tat. kitap yazarga, kitap yazu) [Mir'at 1, S.6]; - ايتماق نشر neşr itmek (tat. nâşer itärgä) [Mir'at 1, S.7]; - تارتماق - tümäke (sigara içmek) tartmak (tat. tümäke tartırğa) [Mir'at 1, S.10]; - ايتماق تربيه terbiye itmek (tat. tärbiyä itärgä).

Belirsiz geçmiş zaman. Belirsiz geçmiş zaman Türkçede fiil köküne -mış/-miş ekleri eklenerek yapılmaktadır, Tatarcada ise belirsiz geçmiş zaman ekleri: -gan/-gen, -kan/-ken şekilleridir.

- قورولماش kurulmuş (tat. korılğan) [Mir'at 1, S.3], - يازماش yazmış (tat. yazğan) [Mir'at 1, S.2], - الماش lalmış (tat. alğan) [Mir'at 1, S.2], - قورقتماش - korkutmuş (tat. kurkıtkan) [Mir'at 1, S.3], - اولنماش تaksim olunmuş (tat. bülengän) [Mir'at 1, S.4].

Sonuç olarak tarihi-kültürel ilişkilerin gelişmesi sebebiyle Tatar dili, akraba ve akraba olmayan dillerin etkisi altında bulunması söylenilebilir. Özellikle, Tatarca yazı diline Osmanlıcanın etkisi çok olup, ayrıca XX.yy. başlarında yayınlanan eserlerin dilinde Osmanlıca kelime ve gramer şekillerinin kullanılması görülmektedir.

КАУНАКÇA

1. Osmanlı, C. 9, Yeni Türkiye Yayınları, Ankara 1999. – 868 s.
2. Rakhimova A. R. Semanticheskiye osobennosti arabskikh i persidskikh zaimstvovaniy v turetskom i tatarskom yazykakh// Vos-

tokovedeniye. Sbornik statey i dokladov. Vypusk II, III. Kazan', 2005. – S. 124-136.

3. «Mir"at».- S. – Peterburg": Tipo-litografiya I. Boraganskogo, 1900. - №6. - 20 s.
4. «Mir"at».- S. – Peterburg": Tipo-litografiya I. Boraganskogo, 1902. - №10. - 18 s.
5. «Mir"at».- S. – Peterburg": Tipo-litografiya I. Boraganskogo, 1900. - №5. - 20 s.
6. «Mir"at».- S. – Peterburg": Tipo-litografiya I. Boraganskogo, 1900. - №1. - 32 s.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Assistant, **Galyautdinova Luiza Mikhailovna**

Department of Altaic Studies and Sinology

Kazan Federal University

420008, Kazan, Kremlyovskaya str, 18

Russia

gluiza@mail.ru

Принята к публикации: 10.04.2020

Submission Date: 2020.04.10

О ВЛИЯНИИ ФИЛОСОФСКОГО ИСЛАМОВЕДЕНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ РАЦИОНАЛЬНОГО ОБЛИКА МУСУЛЬМАНСКОГО ВЕРОУЧЕНИЯ

ON THE INFLUENCE OF PHILOSOPHICAL ISLAMIC STUDIES ON THE FORMATION OF A RATIONAL IMAGE OF THE MUSLIM FAITH

Мавляутдинов Ильдар Сафиуллович

Кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры алтаистики и китаеведения
Казанского (Приволжского) федерального университета
e-mail: ildarmav@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье подлежит рассмотрению философское исламоведение как процесс, в котором философии отводится роль авторитетного помощника в искоренении искажённого, не отвечающего современным социокультурным потребностям, образа ислама, доминирующего сегодня в сознании, как мусульман, так и немусульман. Обозначаются важные исторические вехи становления философии религии, а также главная задача религиозного философствования - понимание (или разъяснение) основы религиозного вероучения в соответствии с истиной, когерентностью и рациональностью. Понятийный аппарат статьи формируется автором с учётом одной из современных задач, стоящих перед эпистемологией религиозной веры, герменевтической по своей сути, - необходимость наполнения новым концептуальным, понятийным содержанием. В этой связи предлагается авторское интерпретирование понятий «философское исламоведение», «мусульманское вероучение», «рациональность мусульманского вероучения», «рациональный транзит». Подчёркивается, что активизация процессов философского исламоведения неминуемо приведёт к эволюции качества исламской философии, находящейся с ним в корреляционной взаимосвязи: философское исламоведение как процесс отвечает за «количество» социокультурных, рациональных

ABSTRACT

The article deals with philosophical Islamic studies as a process in which philosophy is assigned the role of an authoritative assistant in the eradication of a distorted image of Islam that does not meet modern socio-cultural needs, which dominates the consciousness of both Muslims and non-Muslims today. Important historical milestones in the formation of the philosophy of religion are indicated, as well as the main task of religious philosophizing - understanding (or explaining) the basis of religious doctrine in accordance with truth, coherence and rationality. The conceptual apparatus of the article is formed by the author taking into account one of the modern tasks facing the epistemology of religious faith, which is hermeneutical in its essence - filling it with new conceptual and conceptual content. In this regard, the author's interpretation of the concepts of "philosophical Islamic studies", "Muslim doctrine", "rationality of the Muslim doctrine", and "rational transit" is proposed. It is emphasized that the activation of the processes of philosophical Islamic studies will inevitably lead to the evolution of the quality of Islamic philosophy, which is correlated with it: philosophical Islamic studies as a process is responsible for the "number" of socio-cultural, rational "portraits" of Islam, while the philosophy of Islam can and should be a "quality" (views and concepts) formed through the transition from "quantity". It is postulated that

«портретов» ислама, философия же ислама может и должна явить собой «качество» (взглядов и концепций), формирующихся посредством перехода из «количества». Постулируется, что философско-исламоведческая деятельность немислима без рефлексивной работы сознания, обеспечиваемой рациональностью, присущей религиозной вере вообще, и мусульманскому вероучению, в частности. Итжидихад предлагается рассматривать в качестве рационального усилия, необходимого для понимания полноты истины, изложенной в Коране и формирования обновлённого, рационального облика ислама. Приводятся возможные примеры итжидихада – жизнедеятельность мусульманских интеллектуалов Мухаммада Икбала и Аль-Алвани Таха Джабира.

Ключевые слова и фразы: философское исламоведение, рациональность веры, мусульманское вероучение, эпистемология религиозной веры, рациональное усилие (итжидихад), Мухаммад Икбал, Аль-Алвани Таха Джабир.

Для цитирования: Мавляутдинов И.С. О влиянии философского исламоведения на формирование рационального облика мусульманского вероучения. Современные востоковедческие исследования. 2020; 2(2): 68-79

ВВЕДЕНИЕ

Современное обсуждение вопроса о рациональности акцентирует внимание на мировоззренческой неправомерности отождествления науки и рациональности, рациональность и научность не есть одно и то же, ибо и миф, и религия имеют свою рациональность (К. Хьюбнер, Г. Ленк). Философия же, имеющая авторитетную компетенцию во всех областях человеческого знания, не может избежать разновеликого влияния на религию - процесс философии религии может также рассматриваться и с позиции теологизации философии (в англо-американской традиции термин «философская теология» применяется в качестве эквивалента

philosophical and Islamic studies are unthinkable without the reflective work of consciousness, provided by the rationality inherent in religious faith in General, and the Muslim creed in particular. Ijtihad is proposed to be considered as a rational effort necessary for understanding the fullness of the truth set forth in the Qur'an and forming a renewed, rational image of Islam. Possible examples of itjihad are given – the life of Muslim intellectuals Muhammad Iqbal and al-Alwani Taha Jabir.

Key words: philosophical Islamic studies, rationality of faith, Muslim doctrine, epistemology of religious belief, rational force (ijtihad), Muhammad Iqbal, Al-Alwani Taha Jabir.

For citation: Mavlyautdinov I.S. On the influence of philosophical islamic studies on the formation of a rational image of the muslim faith. Modern oriental studies. 2020; 2(2): 68-79

понятию «философия религии»). Эпистемология религиозной веры, будучи структурной составляющей философии религии, является примером эпистемологии эволюционной, существование которой поддерживается лавинообразным приростом новых качеств современного социокультурного бытия. Эта научная дисциплина, развивая неклассическое представление о знании, способах его получения и передачи, вносит тем самым существенный вклад в философское осмысление религии. Проблематичность «отношений» религии и рациональности (науки) обозначена в современной религиозной эпистемологии концепциями конфликта, независимости, диалога и интеграции

(И. Барбур). Взаимовытеснение, таким образом, сегодня уже не является единственной формой взаимоотношений религии и рациональности.

Рациональность современной религиозной эпистемологии не свободна от герменевтических обязательств, равно как и вся сфера социогуманитарного знания с присущим ему герменевтическим типом рациональности [Антонов, 2015]. Данное научное обстоятельство предполагает авторское толкование понятий, что нами и предпринимается далее при оперировании понятиями «рациональная культура личности», «мусульманское вероучение», «рациональный транзит», «философское исламоведение». Причём особую важность для автора, занимающегося религиозной проблематикой, имеет осознание того, что рациональность богословская/религиозная есть мышление особого рода, связывающее воедино Божественное откровение и человеческую веру, и предполагающее предельность своих доводов/выводов.

Как справедливо отмечает Гайденко П.П., «вопрос о природе рациональности — не чисто теоретический, но, прежде всего, жизненно-практический вопрос» [Гайденко, 2003, с. 10]. Всесторонний анализ проблемы рациональности представляет в наше время одну из наиболее активно обсуждаемых тем, как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях, объём научной литературы на эту тему впечатляет (не будет лишним вспомнить Ж. Бодрийяра с его резким по смыслу высказыванием: постмодернизм есть вербальный блуд). Нам же представляется, что этот впечатляющий объём научной литературы является свидетель-

ством: а) неистребимого желания мыслителя/учёного стать влиятельным инициатором рационалистических философских дебатов с неминуемым получением интеллектуального удовольствия от этого процесса; б) наличия рациональной культуры у личности, т.е. таких принципов человеческого самосовершенствования, которые побуждают человека к определённому типу долженствования, а именно, к деятельному включению в формирование позитивного/иного сценария жизни, особенно необходимому в условиях невероятной социокультурной сложности.

РЕЛИГИЯ – РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ – ФИЛОСОФСКОЕ ИСЛАМОВЕДЕНИЕ

Феномен религии существовал задолго до появления собственно науки о религии. Обозначим важные, на наш взгляд, хронологические вехи самоидентификации религии/религиоведения.

Античность: Цицероном в трактате «О природе богов» поставлен сакраментальный вопрос — «что такое религия?», который и сегодня остаётся одним из самых дискутируемых в философии религии.

Средние века: Богопознание, осуществляемое посредством философского инструментария, становится прерогативой рациональности, присущей религиозной вере. Одним из положительных следствий этого является *повышение эпистемического статуса религиозных вер, началом чего послужила формула Фомы Аквинского: «Священное учение есть наука»* (St. Thomas Aquinas. Summa theologiae, Prima Parte, 2; 2).

Новое время: Г. Гегель в работе «Философия истории. Лекции по философии истории» обозначает начало религии: «Религия начинается с *сознания* того, что существует нечто более высокое, чем человек» [Гегель, 1993, с.138]. Пьер Даниэль Шантепи де ля Соссе в своём «Учебнике по религиозной истории» (Chantepie de la Saussaye P.D. Lehrbuch der Religionsgeschichte. Freiburg, 1887) впервые применяет словосочетание феноменология религии [Самарина, 2019, с.52]. Сегодня под феноменологией религии понимается методологический подход в религиоведении, при котором особым значением наделяются воззрения приверженцев религий, главным предметом изучения для феноменологии религии является религиозный опыт. Виднейшими представителями феноменологии религии в XX веке являлись (и остаются по сию пору, благодаря своим трудам) М. Элиаде, Фр. Хайлер и А.М. Шиммель, сторонница *lived religion* (религии проживания). Приведём точку зрения А.-М. Шиммель, отражающую серьёзность её отношения к изучению ислама: «ислам по своей сути религия, содержащая мало мифологического материала, но толкователи Корана и традиция не могли удержаться от размножения ростков мифологии, найденных в откровении, в то же время, мистики и поэты часто глубоко ныряли в океан древних мифологических традиций, чтобы перетолковывать их для себя» [Schimmel, 1994, p.125].

Новейшее время: Запад: двумя крупнейшими современными аналитическими философами религии, Алвином Плантингой и Уильямом Олстоном предложены эпистемические оправдания веры У. Олстон предложил свою

модель оправдания религиозных убеждений, логика которой развивается во многом параллельно плантинговской. В наиболее подробном виде она представлена в его монографии «Восприятие Бога. Эпистемология религиозного опыта» [Alston], вышедшей в 1993 г., т. е. приблизительно за 7 лет до публикации Плантингой его главного труда по эпистемологии религии «Подтвержденная христианская вера», увидевшего свет в 2000-ом году.

Восток: также два мыслителя, но теперь уже восточных – индо-пакистанский Мухаммад Икбал и иракский Аль-Алвани Таха Джабир, предложили своё, рефлексивное, толкование сути исламской веры, актуальное с их точки зрения для конкретного периода времени. Мухаммад Икбал (1877-1938 гг.) по мнению У.К. Смита, «осуществил интеллектуальную модернизацию своего учения.... Он велик, потому что с высочайшей точностью выразил то, что его единоверцы *начинали чувствовать, но не были в состоянии сформулировать*. Всякий современный мусульманин, который заговорит о религии, должен начать с того, что оставил Икбал, иначе его не стоит слушать» [Икбал, 2002, с.24]. Самое известное сочинение М. Икбала «Реконструкция религиозной мысли в исламе» представляет собой лекции, прочитанные им в период с 1928 г. по 1932 гг. и характеризуются как самая значительная философская переинтерпретация мусульманского учения, осуществлённая в XX в. О философской интенции лекций свидетельствуют их названия:

- 1) «Знание и религиозный опыт»;
- 2) «Философское тестирование откровения религиозного опыта»;

- 3) «Концепция Бога и значение молитвы»;
- 4) «Человеческое эго – его свобода и бессмертие»;
- 5) «Дух мусульманской культуры»;
- 6) «Принцип развития в структуре ислама»;
- 7) «Возможна ли религия?»

Иракский мыслитель Аль-Алвани Таха Джабир (1935-2016 гг.) предложил проект «исламизации знания» (*исламийат аль-ма'рифат*), заключающийся в разработке исламской эпистемологии социальных наук. Важнейшим посылом Аль-Алвани стала идея о перво-степенной значимости обучения в деле борьбы мусульман за своё будущее, исламская реформа, по его мнению, должна осуществляться не политически (через парламенты и политические партии), а в университетах и аудиториях - «Нам надлежит собрать эго и прочесть. Когда же Мы прочтем эго, то читай эго следом. Нам надлежит разъяснить эго» (*Коран, 75:17-19*).

Итак, чем же является философское исламоведение сегодня? На наш взгляд, философское исламоведение – это процесс, в качестве своего объекта/предмета (объект/предметная конкретизация вообще сильно затруднительна в социогуманитарных областях знания) обозначающий исследование ислама как религии, эго (ислама) общекультурное обозначение с философской точки зрения, особая роль при котором отводится формированию «рационального портрета» ислама. Несмотря на то, что Коран является незыблемым, каноническим началом ислама, развитие мусульманского вероучения только им не ограничивается, ибо в контексте социокультурного развития

ислам, сохраняя свою сущность, постоянно отражает в себе основные изменения, происходящие в обществе. Потому важным источником ислама после Корана считается Сунна (свод обычаев и традиций), включающая в себя хадисы (предания и рассказы о Пророке). Цивилизационное единство ислама увязано с его культурным и историческим многообразием, безусловно, отражающимся в процессах философского исламоведения.

Исламская же философия (бытует оценка её как оксюморона, с чем мы категорически не согласны), представляет собой *результат этого процесса*, заключающийся в формировании отдельной ветви знаний об исламе. Вообще же арабо-мусульманская философия характеризует собой философско-религиозную систему взглядов и концепций, образовавшуюся в период господства исламских мировоззренческих идей, главным образом, в рамках арабоязычного мира [Лимэн, 2007, с.32]. Можно предположить, что соотношение философского исламоведения и исламской философии становится очевидным с позиций второго закона диалектики: *философское исламоведение отвечает за «количество» социокультурных, рациональных «портретов» ислама, философия же ислама может и должна явить собой «качество» (взглядов и концепций), формирующихся посредством перехода из «количества».*

Западный и восточный подходы к изучению ислама (исламоведение западное и восточное, мусульманское), безусловно, разнятся, однако подлинный облик ислама зачастую скрыт завесой как для немусульман, так и для представителей исламской цивилизации.

Видный представитель отечественной арабистики, разделяющий цивилизационный подход к исследованию западного и восточного (арабо-мусульманского) типа культур, А.А. Игнатенко посредством анализа динамики категории «зеркало» («родной» для Корана и хадисов и системообразующей для ислама), выявил отличительную черту особенности исламского образа мышления - ретроспективность, т.е. обращённость к прошлому (назад). Ментальность же культуры западного типа определяется им как проспективная – обращённая в будущее [Игнатенко, 2004, с.216]. *Западная и арабо-мусульманская культуры представлены А.А.Игнатенко как содержательно-выстроенные целостности.* Европейская культура (западная культура), по мнению учёного, это *культура дискурсивно-имагинативного типа:* она идет от дискурса, от речи, от теории – к воображению, продвигаясь от теоретического осмысления к воображению, то есть к созданию образов. Эта культура проспективна – она обращена в будущее, связана с созданием образов, исходящих из теории, а затем строит его, воплощает проективный образ в действительность. Арабо-мусульманская культура характеризуется А.А. Игнатенко противоположным образом, как *имагинативно-дискурсивный тип.* Она продвигается от воображения к его теоретическому осмыслению в дискурсе, превращая действительность в образ, в литературный сюжет, чтобы дальше жить в этой сфере образности, а не в реальной действительности. *Получается таким образом, что образ изучаемой культуры предстаёт как зеркальное отображение собственной культуры – арабо-мусульманская культура предстаёт как зер-*

кальная противоположность западной. Этим и объясняется разность западных и восточных подходов к изучению ислама.

По мнению иранского мыслителя Мухсена ал-Вири, западное «Исламоведение, подобно хиджабу, вместо того, чтобы открывать истинную сущность ислама, закрывает его настоящий облик от постороннего взгляда» [Ал-Вири, 2016, с. 275]. Сущностно исламоведение как религиоведческая дисциплина должна быть освобождена от предвзятого отношения к исламу, сосредотачивая свои усилия на консолидации полноты знаний о нём.

Примером отрицательного влияния западного исламоведения следует считать «недоверчивое отношение к наличию тесной связи между религией и созиданием общества. Все эти сомнения и ложные представления, глубоко проникшие в душу интеллектуальной элиты, составляют одну из главных проблем современного исламского мира». [Ал-Вири, 2016, с.275]. Необходимость философско-исламоведческого, рационального обоснования наличия тесной связи между религией и созиданием общества, таким образом, носит остроактуальный характер.

ИММАНЕНТНОСТЬ РАЦИОНАЛЬНОСТИ МУСУЛЬМАНСКОМУ ВЕРОУЧЕНИЮ

В эру знаний, формирующихся «понаслышке» («знания понаслышке» термин Касавина И.Т.), когда люди рискуют полностью утратить привычку к рефлексивному приобретению знаний (усилий к пониманию), особую роль способна сыграть рациональность, присущая религиозной вере вообще, и *мусульманскому*

вероучению, в частности. Мусульманское вероучение есть основанная на Кораническом (теологическом/креационистском) толковании сущности человека сердцевина *миропонимания*, предлагаемая исламом своим приверженцам, базис его - Коран и Сунна, постулирующие принципы вероубеждения (*акыйда*), нравственности (*ахляк*), законодательства (*шариат*). Шариат основывается на принципе поклонения Всевышнему, и регламентирует отношения политического, социального и экономического характера между людьми. «Священный Коран – это обращение Аллаха, направленное ко всему человечеству, ко всем народам, включая людей предыдущих Писаний, для подтверждения того, что ниспослал Аллах предыдущим пророкам, то есть для восстановления истины и преодоления всего, что противоречит ей. С учетом упомянутых в прошлых Писаниях основ, Коран устранил фальсификации, смешивание, противоречия, которые были в них привнесены людьми. Поскольку люди не могут выполнять эту миссию с необходимой ответственностью и требуемой внимательностью, то Всевышний Аллах взял на Себя оберегание этого Корана» [Аль-Алвани Таха Джабир, 2019, с.113].

Рациональность мусульманского вероучения есть основанное на фикхе как кодексе глубокого понимания знания в исламе, и обусловленное конкретной ситуацией, в которой находится человек/общество, разумное стремление к адекватным решениям практических проблем с использованием убедительных принципов рассуждения, заложенных в Коране – «Мы непременно ниспошлем тебе весомые

слова» (Коран, 73:5). Поистине, Всевышний Аллах Сам сохранил Достохвальный Коран и Сам разъяснил его смыслы, чтобы он стал Напоминанием после смерти Пророка [Аль-Алвани Таха Джабир, 2019, с.116]. Рациональность мусульманского вероучения вариативна благодаря диалектичности Корана, «подлинное чудо пророка Мухаммада – только Коран» [Ибн-Рушд, 2019, с. 487]. Мекканские суры и Мединские суры, составляющие текст Корана, когерентны и могут трактоваться как рационально разнонаправленные, что обосновал Мухаммед Таха в работе «Второе послание ислама» [Abdullahi Ahmed An-Na'im, 1996]. Толкование сур Корана, лежащее в основании понимающей (рефлексивной) познавательной деятельности, возможно посредством компаративного анализа Мекканских и Мединских сур Корана, критического синтеза их диалектического комплекса. Однако, при этом «Никто не изменит Его Слов» (Коран, 6:115).

Обеспечение *рационального транзита* (транзита рациональности), т.е. процесса перехода иррациональной стадии в понимании ислама на рациональную ступень, может осуществляться сегодня посредством ревизии знаний об исламе как фундаментальной рациональной социорелигиозной доктрине, представляющей незыблемую основу социокультурного бытия мусульман, где Коран и Сунна – основные формообразующие источники регламентирования индивидуального и коллективного существования в пределах уммы.

РАЦИОНАЛЬНЫЕ УСИЛИЯ КАК ИТЖДИ- ХАД (МУХАММАД ИКБАЛ И АЛЬ-АЛВАНИ ТАХА ДЖАБИР)

Раздел первый главы четвёртой книги Аль-Алвани Таха Джабир «От этики разногласий к оставлению распрей» [Таха Джабир, 2019, с.113] носит символичное для иллюстрации всего корпуса философского исламоведения название - «Методологическое введение для установления полного осознания». Методология и осознание – достаточно даже двух этих слов для передачи сущности философского знания, отображения двух главных функций, присутствующих философии – мировоззренческой и методологической.

Философско-дедуктивные методы анализа и синтеза, благодаря рациональной сути Корана способны обеспечить мусульманам рефлексивное миропонимание, достижению которого уделяли колоссальное внимание М. Икбал и Аль-Алвани Таха Джабир.

Большое значение Аль-Алвани придавал итждихаду, утверждая, что одной из целей шариата является свобода убеждений. Нами разделяется трактовка Баффиони К. *итждихада в качестве рационального усилия* [Баффи-они, 2012, с.7], заключающегося, на наш взгляд, в формировании познающим субъектом гибкости своего сознания, т.е. в рефлексивной переделке способа познания, перестающего быть эффективным, на более оптимальный, усмотрение в объекте познания скрытых свойств и поэтапное (эволюционное) их понимание. Аль-Алвани Таха Джабир являлся сторонником идеи широкого итждихада, им выстроена методология исламского права, учитывающая теорию целей шариата

(см. «Цели шариата»). Его интеллектуальная деятельность, его рациональные усилия, были направлены в помощь мусульманам, проживающим в Европе и в северной Америке, а целью этой помощи было достижение мусульманами гармоничного сосуществования в структурах западного социокультурного пространства [Гасимов, 2017]. Важно привести здесь следующее его мнение: «Кораном не является то, что не входит в его текст и структуру, заключающееся между обложками этой книги, и по этой причине отвергаются предания, указывающие на то, что собирание Корана было итджихадом со стороны сподвижников, каким бы ни было их положение. Собирание Корана является установлением от Всевышнего Аллаха, как Он сам и оповестил нас. Так же, и чтение Корана не оставлено для итджихада переписчиков, а записано под диктовку Пророка на том же языке, на котором и было ниспослано. Все это является полным донесением со стороны Пророка Писания его Господа, и он не мог покинуть этот мир оставив что-либо из этого какому-то другому человеку кем-бы тот ни был». [Аль-Алвани Таха Джабир, 2019, с.120].

Именно гибкость сознания побудила М. Икбала к реконструированию исламского вероучения, необходимость «новой ориентации веры» для молодого поколения была им остро почувствована. Он предложил философское осмысление культурных универсалий ислама в контексте достижений современной ему науки. С этой целью М. Икбал проводит компаративистский анализ положений Корана с выводами науки, актуальными для его времени. М. Икбал, считал, что из сущностной задачи религии – трансфор-

мировать и руководить внешней и внутренней жизнью человека, то есть именно из функций религии, проистекает «нужда» религии в рациональном обосновании своих принципов, ибо людям не свойственно рисковать из-за неопределённых, сомнительных принципов поведения [Икбал, 2002, с.26], свойственных религии, не озабоченной рефлексией (И.М.). Стоит особо отметить, что большую полемику вызвало в своё время, (что продолжается и по сей день), толкование М. Икбалом «конечности пророчества», – с его точки зрения «в истории человечества наступил конец любому личному авторитету, претендующему на сверхъестественное происхождение» [Икбал, 2002, с.101]. Здесь, на наш взгляд, М. Икбал, берётся за достраивание доктрины своей конфессии, что не должно быть сущностно присуще деятельности учёного, занимающегося философией религии. Сущностно философия религии предметом своим имеет различное философское обсуждение вопросов, исходящих из религии в целом, что может конкретизироваться вопросами разъяснения и критической оценки фундаментальных верований, а также понятий той или иной религиозной доктрины. У. Олстон указывает на то, что спецификой философского подхода к религиозным верованиям, *главной задачей религиозного философствования, является понимание (или разъяснение) основы религиозного вероучения в соответствии с истиной, когерентностью и рациональностью* [Alston, 1993]. Согласимся, что учёный, занимающийся философией религии, должен: отказаться от идеи достраивать доктрину своей конфессии; опираться на свой личный дискурс; не занимать внерелигиозную позицию, то есть быть внутренне мотивированным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Практическое содержание философии религии раскрывается посредством сопряжения понятий религии и рациональности.

В XXI веке понятие рациональности религиозной веры, будучи философски прояснено, может стать основой нового, постнеклассического видения мира. Философия способна обеспечить исламоведению обретение его ясного лица, именно философией исламоведению задаётся необходимый сегодня вектор развития, а именно: ислам должно рассматривать как феномен, «как умопостигаемую сущность, самодостаточную в своём вечном существовании» [Курбанов, 2019, с.59]. При этом не менее важно то, что благодаря философскому контексту исламоведению открывается методологический потенциал и арсенал мировоззренческих достижений человечества, столь необходимые для эволюции рационального понимания мусульманского вероучения. Отметим и факт того, что философско-исламоведческая деятельность, сопряжённая со взаимодействием науки и религии, чтит правило, диктуемое постнеклассической научной парадигмой – не должен авторитет науки понижаться за счёт увеличения роли религии, ровно также не должен повышаться авторитет религии за счёт уменьшения роли науки. Координация, а не субординация лежит в основе современных взаимоотношений науки (философии) и религии. Потому закономерно, что рефлексивная, рациональная вера, формируясь в исламоведческих структурах благодаря философии, остаётся всё-же верой – она не имеет окончательных, универсальных решений, так как герме-

невтика религиозной сферы характеризуется бесконечностью толкований, а экзистенциальный путь каждого человека индивидуален [Касавина, 2017, с. 317].

Пьеру Адо принадлежит одно из множества возможных определений философии - «преобразование восприятия мира» [Адо, 2005]. Происходящими же на стыке веков трансформациями универсальных культурных систем (религия из их числа), провоцируются и «глубинные изменения в способах восприятия мира», тем самым прояснению подлежит ответ на вопрос «в какой философии мы сегодня особо нуждаемся»? На практике это означает, что необходима перманентная работа по наполнению философии новым концептуальным, понятийным содержанием, что послужит ясному объектно-предметному идентифицированию актуальных сегодня и впоследствии исследовательских новаций. Как верно отмечает прагматик У. Джеймс, вложить себя в дело, которое переживёт нас – это величайшая польза, которую можно извлечь из жизни. Достоверно можно сказать, что нужна философия, которую не стыдно предъявлять как себе, так и другим. Активизация философско-исламоведческой деятельности, направленная на представление общественности рационального облика ислама, послужит формированию исламской философии именно в таком, «не стыдном», виде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адо П. Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И. Дэвидсоном. М.; СПб.: «Степной Ветер»; «Коло», 2005. 288 с.
2. Ал-Вири М. Изучение ислама на Западе. М.: «Сандра», 2016. 324 с. URL: - <https://www.labyrinth.ru/books/532092/> (дата обращения 10.11.2019).
3. Аль-Альвани Таха Джабир От этики разногласий к оставлению распрей. Киев «Ансар Фаундейшн», ПП «Формат», 2019. 360 с.
4. Антонов К.М. Этосы религии и формы рациональности //Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1 (33). С. 95-135. - URL: <http://www.religion.ranepa.ru/?q=ru/node/841>. (дата обращения: 25.11.19).
5. Баффиони К. Исламская философия и философское исламоведение: история и перспективы с точки зрения западного ученого//Исламская философия и философское исламоведение: Перспективы развития. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 7-21.
6. Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум. М.: «Прогресс-Традиция», 2003. 528 с.
7. Гасимов К. Между Kulturkampf и Politikampf: вспоминая двух покойных мусульманских интеллектуалов//Islamology. 2017. 7(1). С. 221-227. DOI: <http://dx.doi.org/10.24848/islm1g.07.1.13>
8. Гегель Г. Философия истории. Лекции по философии истории. СПб.: «Наука», 1993. 480 с.
9. Ибн-Рушд (Аверроэс). О методах обоснования принципов вероучения. Часть четвертая. (Перевод с арабского, предисловие и комментарии Т. Ибрагима и Н. В. Ефремовой.) Minbar. Islamic Studies. 2019.
10. 12(2). С.463-498. DOI:10.31162/2618-9569

- 2019-12-2-463-498.
11. Игнатенко А.А. Зеркало ислама. М.: «Русский институт», 2004. 216 с.
 12. Икбал М. Реконструкция религиозной мысли в исламе. Пер. с англ., предисл. и коммент. М.Т. Степанянц. М.: «Восточная литература». 2002. 200 с.
 13. Касавина Н.А. Экзистенциальный опыт как проблема философии и социально-гуманитарных наук//Дисс...докт... филос..наук. М.: ИФ РАН. 2017. – 350 с.
 14. Курбанов М.Г. Перспективы конституирования современного исламоведения// Исламоведение. 2019. Т. 10. № 3. С.53-60.
 15. Лимэн О. Введение в классическую исламскую философию. М.: «Весь Мир», 2007. 280 с.
 16. Самарина Т.С. Феноменология, ноуменология, постфеноменология религии. М.: ИФ РАН, 2019. 296 с.
 17. Abdullahi Ahmed An-Na'im Mahmud Muhammad Taha. Second Message of Islam. Syracuse University Press, 1996. 190 p.
 18. Alston W. Perceiving God: The Epistemology of Religious Experience. Ithaca, NY: 1993. 320 p.
 19. Schimmel A.-M. Deciphering the signs of God: a phenomenological approach to Islam. Albany: SUNY Press, 1994. 302 p.
 - Devidsonom [Philosophy as a way to live: Conversations with Jeannie Carlier and Arnold I. Davidson]. М.; SPb.: «Stepnoj Veter»; «Kolo». 288 p.
 3. Alston, W. (1993) Perceiving God: The Epistemology of Religious Experience. Ithaca, NY: 320 p.
 4. Al'-Al'vani Taha Dzhahir (2019) Ot etiki raznoglasij k ostavleniyu rasporej. [From the ethics of discord to the abandonment of strife]. Kiev «Ansar Faundejshn», PP. «Format». 360 p.
 5. Al-Viri, M. (2016) Izuchenie islama na Zapade. [The study of Islam in the West]. М.: «Sandra». 324 p. URL: - <https://www.labirint.ru/books/532092/> (data obrashcheniya 10.11.2019).
 6. Antonov, K.M. (2015) Etosy religii i formy racional'nosti [These are forms of religion and forms of rationality]//Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom. № 1 (33). PP. 95-135. - URL: <http://www.religion.ranepa.ru/?q=ru/node/841>. (data obrashcheniya: 25.11.19).
 7. Baffioni, K. (2012) Islamskaya filosofiya i filosofskoe islamovedenie: istoriya i perspektivy s točki zreniya zapadnogo uchenogo [Islamic philosophy and philosophical Islamic studies: history and perspectives from the point of view of a Western scholar]// Islamskaya filosofiya i filosofskoe islamovedenie: Perspektivy razvitiya. - М.: «YAzyki slavyanskih kul'tur». PP. 7-21.
 8. Gajdenko, P.P. (2003) Nauchnaya racional'nost' i filosofskij razum [Scientific rationality and philosophical reason]. М.:

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Abdullahi Ahmed An-Na'im (1996) Mahmud Muhammad Taha. Second Message of Islam. Syracuse University Press. 190 p.
2. Ado, P. (2005) Filosofiya kak sposob zhit': Besedy s ZHanni Karlie i Arnol'dom I.

- «Progress-Tradiciya». 528 p.
9. Gasimov, K. (2017) Mezhdru Kulturkampf i Politikampf: vspominaya dvuh pokojnyh musul'manskih intellektualov [Between Kulturkampf and Politikampf: remembering two of the deceased Muslim intellectuals]// Islamology. 7(1). PP. 221-227. DOI: <http://dx.doi.org/10.24848/ismlg.07.1.13>
 10. Gegel', G. (1993) Filosofiya istorii. Lekcii po filosofii istorii. [Philosophy of history. Lectures on the philosophy of history]. SPb.: «Nauka». 480 p.
 11. Ibn-Rushd (Averroes) (2019). O metodah obosnovaniya principov veroucheniya. CHast' chetvertaya. [On methods of substantiating the principles of the creed. Part four]. (Perevod s arabskogo, predislovie i komentariit T. Ibragima i N. V. Efremovoj.) Minbar. Islamic Studies. 12(2). PP.463-498. DOI:10.31162/2618-9569-2019-12-2-463-498.
 12. Ignatenko, A.A. (2004) Zerkalo islama. [The mirror of Islam]. M.: «Russkij institut». 216 p.
 13. Ikbal, M. (2002) Rekonstrukciya religioznoj mysli v islame. [Reconstruction of religious thought in Islam]. Per. s angl., predisl. i koment. M.T. Stepanyanc. M.: «Vostochnaya literatura». 200 p.
 14. Kasavina, N.A. (2017) Ekzistencial'nyj opyt kak problema filosofii i social'no-gumanitarnyh nauk. [Existential experience as a problem of philosophy and social and humanitarian Sciences].//Diss...dokt... filos..nauk. M.: IF RAN. 350 p.
 15. Kurbanov, M.G. (2019) Perspektivy konstituirovaniya sovremennogo islamovedeniya. [Prospects for the Constitution of modern Islamic studies]//Islamovedenie. T. 10. № 3. PP.53-60.
 16. Limen, O. (2007) Vvedenie v klassicheskuyu islamskuyu filosofiyu. [Introduction to classical Islamic philosophy]. M.: «Ves' Mir». 280 p.
 17. Samarina, T.S. (2019) Fenomenologiya, noumenologiya, postfenomenologiya religii. [Phenomenology, nomenology, postphenomenology religion]. M.: IF RAN. 296 p.
 18. Schimmel, A.-M. (1994) Deciphering the signs of God: a phenomenological approach to Islam. Albany: SUNY Press. 302 p.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Mavlyautdinov Ildar Safiullovič

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor, Department of Altai Studies
and Sinology

Kazan Federal University

e-mail: ildarmav@yandex.ru

Принята к публикации: 10.04.2020

Submission Date: 2020.04.10

**НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АДАПТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИДЕЙ
КОНТИНЕНТАЛЬНОГО КИТАЯ КАК ОТВЕТ НА ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ
ВЫЗОВЫ В ПЕРИОД БОРЬБЫ С ЭПИДЕМИЕЙ COVID-19**

**SOME RESULTS OF THE ADAPTATION OF THE NATIONAL IDEAS OF MAINLAND
CHINA AS A RESPONSE TO GLOBALIZATION CHALLENGES DURING THE FIGHT
AGAINST THE COVID-19 EPIDEMIC**

Ишутина Юлия Александровна,
кандидат культурологии, доцент, доцент
кафедры китаеведения ВИ-ШРМИ ДВФУ
ishutina.yua@dvfu.ru

АННОТАЦИЯ

Реализация политики открытости миру, последовательно и эффективно проводимая властями континентального Китая способствует включению КНР в процессы мировой интеграции и репрезентации страны как участницы открытого диалога с миром. Глобализационные вызовы, получаемые традиционными культурами, порождают ответные реакции и способствуют активизации процессов конструирования нации. Китай успешно продвигается по пути создания феномена китайской континентальной идентичности, всесторонне популяризируя идею «Китайской мечты» и внедряет национальные идеи, которые укладываются в ее парадигму. Одной из таких идей является «Великое возрождение китайской нации». Она удачно прошла этап внедрения в широкие массы и получила эффективный ответ в китайской повседневности в период возникновения реальной угрозы существованию китайской нации в период борьбы с эпидемией коронавируса COVID-19. Точка роста национальной идеи оказалась в той части населения, которая обычно пассивно реагирует на строительство национального дома, подчиняясь воле старших или более убедительных лидеров. Китайские школьники, точно так же, как и каждый житель КНР в феврале-марте 2020 года находящиеся в изоляции ввиду карантина, неожиданно вышли в информационное поле и репрезентовали миру качественно иной

ABSTRACT

The implementation of the policy of openness to the world, consistently and effectively pursued by the authorities of mainland China, contributes to the inclusion of the PRC in the processes of world integration and representation of the country as a participant in an open dialogue with the world. The globalization challenges received by traditional cultures give rise to responses and contribute to the activation of nation-building processes. China is successfully advancing towards the creation of the phenomenon of Chinese continental identity, comprehensively popularizing the idea of the "Chinese dream" and introducing national ideas that fit into its paradigm. One such idea is the "Great Revival of the Chinese nation." It successfully passed the stage of introduction to the masses and received an effective response in Chinese everyday life during the period of the emergence of a real threat to the existence of the Chinese nation during the fight against the epidemic of coronavirus COVID-19. The point of growth of the national idea turned out to be in that part of the population that usually reacts passively to building a national house, obeying the will of older or more convincing leaders. Chinese schoolchildren, just like every resident of China in February-March 2020 who were isolated due to quarantine, unexpectedly entered the information field and represented the world with a qualitatively different degree of feeling of belonging to a great nation and its fate.

степени ощущения сопричастности великой нации и ее судьбе. *Ключевые слова и фразы:* стипендия, Республика Корея, правительство Республики Кореи, Корейский фонд помощи студентам, Национальный институт международного образования, Корейская государственная стипендиальная программа, Академия корееведения в Кореи.

Ключевые слова: Китай, национальная идентичность, глобализационные вызовы, система народного образования

Для цитирования: Ишутина Ю.А. Некоторые результаты адаптации национальных идей континентального Китая как ответ на глобализационные вызовы в период борьбы с эпидемией COVID-19. *Современные востоковедческие исследования.* 2020; 2(2): 80-87

В конце 2019 г мир оказался свидетелем возникновения и стремительного развития тревожной ситуации, последствия которой в полной мере в недалеком будущем станут ощутимы во всех уголках мира, связанных друг с другом глобализационными процессами. Эти последствия представлены в виде показателей, отражающих сокращение темпов роста национальных и мировой экономик, ожидании мирового финансового кризиса образца третьего десятилетия XXI века, пессимистических отчетах ВОЗ о стремительном распространении коронавируса COVID-19; снижается транспортная, туристическая и академическая мобильность, увеличивается количество стран, которые закрывают свои границы для иностранцев, тем самым ставя на паузу активную фазу включения самых широких слоев населения в процесс культурной конвергенции.

Парадоксально, но ключевым моментом для информационного повода, позволившего говорить о «китайском» происхождении вируса, стал открытый отчет китайского отделения ВОЗ о факте регистрации «нового вида атипичной пневмонии» в столице провинции Хубэй г.Ухань в декабре 2019г, когда многие находились в предвкушении рождественских и ново-

Key words: China, national identity, globalization challenges, public education system.

For citation: Ishutina Y.A. Some results of the adaptation of the national ideas of mainland China as a response to globalization challenges during the fight against the COVID-19 epidemic. *Modern oriental studies.* 2020, 2(2): 80-87

годних праздников, готовясь приятно провести время с родственниками, территориально отдаленными, но вполне доступными благодаря известной мобильности современного человека и техническому прогрессу. Беспрецедентный по информационной достоверности характер упомянутого официального сообщения с одной стороны, свидетельствует о том, что власти континентального Китая последовательно и эффективно реализуют политику открытости. Подробная информация о предыдущих пандемиях SARS, H5N1, A (H1N1), последовательно разражавшихся в КНР с начала XX века, не предавалась настолько широкой огласке и, вследствие этого, не носила глобальный характер. С другой стороны, включение Китая в процессы глобализации хорошо заметно во все более широком его участии в деятельности социально-ориентированных международных организаций, например, во Всемирной организации здравоохранения.

На пресс-конференции пекинского отделения ВОЗ от 22 февраля 2020г был представлен отчет о росте заболевания в Пекине, провинциях Хубэй, Гуандун, Сычуань. Доклад был презентован миру ответственными лицами китайского отделения ВОЗ Брюсом Эйлардом

и Лян Ваньянем, представляющими глобализированный мир и открытый Китай соответственно [1].

Такой откровенный диалог с мировым сообществом в сфере здравоохранения, нанес известный урон как экономике КНР в целом, так и повлиял на планы китайских студентов, бизнесменов и туристов на ближайшие полгода. Существенно пострадал имидж китайской нации в целом, так как вирус сразу же окрестили «китайским», недвусмысленно намекая на всеядность китайцев, в этот раз предположительно, пострадавших от любви к экзотическим блюдам национальной кухни.

Приостановку транспортного сообщения и запрет на въезд туристов в самый разгар новогодних каникул одна за другой стали объявлять соседние страны континентального Китая; чуть позже на неопределенный срок были продлены отпуска и каникулы ранее уехавшим на родину китайским преподавателям и студентам, работающим и обучающимся в РФ. Тем не менее, власти КНР, максимально подробно сообщая о процессе борьбы с новым типом атипичной пневмонии, проявили политическую зрелость и уверенность в стабильности выбранного курса, принимая новый вызов современности, который является не только «вызовом общественному строю и действующим политическим механизмам, но и лежащей в основе идеологии» [2].

Одной из главных национальных идей, культивируемых в КНР в парадигме осуществления «Китайской мечты» на современном этапе, является «Великое возрождение китайской нации». Этот феномен широко освещен в публицистической литературе [2,3,4,5]. В нашем исследовании мы делаем фокус на промежуточных результатах адаптации этой национальной

идеи, а именно реакции индивидуума, осознавшим себя частью «воображаемого сообщества» в период борьбы с пандемией COVID-19 [6]. Актуальность исследования заключается в том, что популяризируемая идея «Великого возрождения нации» получает качественное практическое применение и начинает ощущаться на уровне повседневности граждан в кризисный момент угрозы жизни и здоровью целого народа.

Гипотеза заключается в том, что ответная реакция адепта национальной идеи может быть пассивной, если эта идея насаждается в привычных условиях общественного функционирования, но в период социальных потрясений, коллективной борьбы за сохранение существования национальной группы он включается в активную фазу осознания своей национальной идентичности и начинает активно участвовать в процессах конструирования нации. Особый интерес представляют обратные реакции той части населения, которая вовлечена в сферу народного образования, так как механизмы воображения нации действуют посредством информации, получаемой в учебно-воспитательном процессе, из учебников, наглядных агитационных материалов и тп.

На настоящем этапе принципиальное значение имеет факт официального перехода общения учителя и ученика в китайское интранет-пространство, заполненное отфильтрованной информацией, направленной на формирование национальной идентичности. В момент общенациональных потрясений уровень критической оценки значительно снижается, и индивидуум активно приобщается к процессам воображения национальной континентальной группы. Пики реакции в социальных сетях и мессенджерах особенно заметны после вброса информации о том, что Гонконг из-за вспышки коронавируса

одним из первых закрывает сообщение с материковым Китаем, а Тайвань акцентирует внимание мирового сообщества на том, что он – островное государство, пользуясь моментом подчеркнуть не только факт своей географической отстраненности от КНР, но и подспудно сообщить об автономности существования.

На продление новогодних каникул до 1 марта 2020г оперативно отреагировали языковые центры, предлагающие образовательные услуги обучения китайскому языку как иностранному и иностранным языкам для внутреннего потребителя. Очевидный факт упущенной выгоды заставил их прибегнуть к переходу в образовательное он-лайн пространство. В качестве бонуса предлагались индивидуальные уроки, обоюдная польза виделась в том, что ни учителю, ни ученику, не надо было совершать рискованные поездки в общественном транспорте (забота о сохранении здоровья), в познавательных целях проводилась коррекция в ранее утвержденных планах тематических занятий в пользу овладения нужной на период эпидемии лексикой (актуализация информации). Одновременно переход на он-лайн обучение был санкционирован для всей системы национального образования; самое широкое распространение получил лозунг «听课不停学», *tīngkè bù tíngxué*, букв. «продолжаем обучаться, не останавливаясь» [7].

Актуальность своевременного начала нового учебного семестра не вызывала сомнений ни у кого из участников процесса, а государство получило новую возможность влиять на подрастающее поколение посредством гаджетов учащихся, которые до настоящего момента не использовались открыто в целях приобщения их к воображаемой «национальной континентальной группе». Переход на канал интранет-

коммуникации имеет ряд проблем, которые китайское правительство уверенно решило принятием программной поддержки электронного обучения. Ведущие вузы страны уже во второй декаде февраля предложили свои образовательные каналы для подготовки школьных учителей для работы в новых условиях. Были разработаны конкретные шаги и подробно описаны варианты работы с разными образовательными платформами. Наиболее рекомендуемыми оказались системы Zoom и Classin, так как они позволяют подключить к трансляции не менее 300 участников одновременно, предназначены для таких форм обучения как вебинары и практические работы с группой [8]. Для решения проблемы доступа к электронному обучению правительство распорядилось выделить отдельный телевизионный канал в телевещательной системе провинций, автономных районов и городов центрального подчинения для того, чтобы любой школьник мог учиться, включив телевизор. Каждая школа получила свое время для выхода в эфир.

Адаптация образовательной деятельности в новых условиях имеет свои особенности, одной из которых является человеческий фактор. Преподаватель столкнулся с двумя извечными проблемами - необходимостью повышения компьютерной грамотности и профессионального мастерства. Современный ученик ожидает технически насыщенного образовательного процесса, а учителю приходится удерживать внимание обучающегося, в то время как тот находится в привычной зоне домашнего комфорта.

Специфика национального менталитета наиболее проявилась в возрастной категории школьников среднего звена, которые не только легко адаптировались к новому методу обучения,

но и в силу возрастных особенностей более чувствительны к происходящему. Эта часть населения оказалась социально активной: в условиях жесткой изоляции, когда властями разрешалось выходить из дома на два часа за покупками одному взрослому члену семьи, они массово перешли на виртуальное общение не только между собой, родственниками, учителями, но и обратились со словами благодарности и поддержки к тем, кто находится на передовой линии борьбы – к врачам и медперсоналу, задействованному по 12 часов в сутки.

Надеждой нации на излечение стал академик Чжун Наньшань, ведущий пульмонолог КНР, человек образованный, деловой и активный. Господин Чжун Наньшань имеет китайское и западное медицинское образование, именно ему принадлежит первенство в определении SARS (2003г.) как формы атипичной пневмонии. Потомственный врач, он скромен в быту, а его самоотверженность и неравнодушные поражает: академик прибыл в г.Ухань для рекогносцировки эпидемиологической ситуации на поезде, так как билеты на самолет ввиду наступления новогодних каникул были раскуплены. Несмотря на преклонный возраст и занятость, он лично прочитал огромное количество писем китайских школьников, приславших ему слова поддержки и восхищения, по-семейному обращаясь к нему как «дедушка Чжун» (рис.1). Ответное письмо к детям написано изящным каллиграфическим почерком в теплом дружеском тоне; оно увещевает «не бояться», «не переставать учиться» и «понимать свое место в борьбе в настоящий момент». Чжун Наньшань, являясь авторитетным доктором, спасителем нации и в то же время добрым дедушкой, призывает детей к «национальному единению и непрерывному обучению, в то время как «взрослые находятся на фронте борьбы

Рис. 1

с эпидемией» [9]. Его имя, не так широко известное совсем недавно, становится мифологемой, а образ господина Чжун Наньшаня приобретает черты мифологического спасителя, борющегося с силами огня и снега, как представлено на иллюстрации (рис.2).

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Движущей силой национального единения в настоящий момент является нерушимый союз рабочих, врачей и учителей, так как именно на их долю выпало испытание на стойкость; основой национального единения традиционно служит КПК (рис.3).

Реализация задач, возложенных на них правительством, невероятно сложна и жизненно необходима. Строительство больниц в рекордные сроки в целях осуществления программы

«Концентрации четырех», подразумевающей размещение в одном стационаре профессиональных врачей, больных с подтвержденным диагнозом COVID-19, высококлассного оборудования и средств тех-

Рис. 6

Рис. 7

朝鲜确诊1例 枪毙1例
抗疫取得100%全面胜利
Six six six

Рис. 8

нического обеспечения, контакт и многочасовая работа с инфекционными больными, организация образовательного процесса в новых условиях, все это свидетельствует о самоотверженной борьбе сплоченной нации за каждого.

В иллюстративной подборке, размещенной в сети, наглядно продемонстрировано качественное отличие различных национальных государств, которые в сложившихся условиях реагируют на ситуацию по-разному, и вместе с тем, предсказуемо: англичане выступают в роли этаких диссидентов, отрицающих опасность коронавируса (рис.4), итальянцы, демонстративно избегают применения средств личной гигиены (рис.5),

российский президент, настоятельно советует вернуться туда, откуда приехали (рис.6). Как всегда, наиболее решительные профилактические меры приняты в Северной Корее: один случай заболевания, и один случай смертной казни соответственно (рис.7, 8).

Анализ материала, представленного в сети, свидетельствует о многократно возросшей социальной активности пользователей в период пандемии COVID-19. По тематике размещаемого ими материала можно судить о том, что запущенные ранее процессы формирования национальной идентичности в континентальном Китае успешно адаптированы не только применительно к части населения среднего и старшего возраста, но и к школьникам среднего и старшего звена, студентам. В предыдущий период эта часть населения занимала пассивную позицию в процессах формирования национальной идентичности, выполняя обязательную функцию в исполнении ритуала, связанного с еженедельным подъемом государственного флага КНР по понедельникам в школе, ношением пионерского галстука в этот же день и т.д.

Политика государства, направленная на формирование национальной воображаемой группы, широко использует образы единения (на настоящем этапе это – рабочий, врач и учитель) для обозначения символа движущей силы строительства и сохранения нации, образ мифического спасителя, харизматичного лидера, появляющегося в момент угрозы существованию нации – профессиональный, опытный, умудренный Чжун Наньшань, помогающий движущим силам сохранить правильный вектор и берущий на себя роль мудрого утешителя и врачевателя детских сердец, испуганных происходящим и оскорбленным фактом признания вируса нового типа атипичной пневмонии

«китайским». Степень единения всех значимых субъектов процесса конструирования национальной идентичности иллюстрируется на понятном и простом материале, наглядно указывающим на важность сплочения китайцев во время глобальной опасности COVID-19 в противовес безалаберности или желанию отстраниться, которую, с точки зрения автора мемов и гиф-картинок, проявляют представители других государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Железные доказательства // Информационный портал «Лун Тэн Да Чжунго» [Электронный ресурс]. URL://<https://www.youtube.com/watch?v=VP1dUsRPbj8> (Дата обращения 03 марта 2020).
2. Виноградов А.В. Китайская модель организации: поиски новой идентичности / А.В.Виноградов. – М.НОМФО, 2008. 368с.
3. Дай Муцай. В чем секрет успеха Китая на пути социализма. Пекин: Межконтинентальное изд-во Китая, 2016.261с.
4. Си Цзиньпин. О государственном управлении. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2014. 630с.
5. Ишутина Ю.А. К вопросу о формировании национальной идеи «Великого возрождения китайской нации» в парадигме осуществления «Китайской мечты» // Ученые записки КнАГТУ, 2019 № 1-2 (37).
6. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: рождение нации в эпоху книгопечатания и капитализма/Б.Андерсон. – М.Канон-пресс. 224 с.
7. Об использовании образовательных платформ в период борьбы с пандемией коронавируса // Образовательный портал Южно-Китайского педагогического уни-

- верситета URL:// https://mp.weixin.qq.com/s/Ie0Co_KosfbN8NqZYK-uzQ (Дата обращения 23 февраля 2020).
8. Руководство для пользователей образовательных он-лайн ресурсов // Профессиональная мастерская преподавателей высшей школы [Электронный ресурс]. URL://https://www.cctalk.com/m/group/87781296?xh_preshareid=75ba5e31-81a2-440f-99e5-0012ad175ee8&xh_fshareuid=72248481&xh_preshareid=f5761ea6-8b4a-bf12-4d18-c1a2124332db&from=singlemessage&isappinstalled (Дата обращения 20 февраля 2020).
 9. Ответное письмо академика Чжун Наньшаня китайским школьникам // Образовательный портал Министерства народного образования провинции Хэйлунцзян. [Электронный ресурс]. URL: // <https://mp.weixin.qq.com/s/iLNRbFvA9Mo97ee00Govc> (Дата обращения 12 марта 2020).
 5. Ishutina YU.A. K voprosu o formirovanii natsional'noy idei «Velikogo vozrozhdeniya kitayskoy natsii» v paradigme osushchestvleniya «Kitayskoy mechty» // Uchenyye zapiski KnAGTU, 2019 № 1-2 (37).
 6. Anderson B. Voobrazhayemyye soobshchestva: rozhdeniye natsii v epokhu knigopchataniya i kapitalizma/B.Anderson. – M.Kanon-press. 224 s.
 7. Ob ispol'zovanii obrazovatel'nykh platform v period bor'by s pandemiyey koronavirusa // Obrazovatel'nyy portal Yuzhno-Kitayskogo pedagogicheskogo universiteta URL:// https://mp.weixin.qq.com/s/Ie0Co_KosfbN8NqZYK-uzQ (Data obrashcheniya 23 fevralya
 8. Rukovodstvo dlya pol'zovateley obrazovatel'nykh on-layn resursov // Professional'naya masterskaya prepodavateley vysshey shkoly [Elektronnyy resurs]. URL://https://www.cctalk.com/m/group/87781296?xh_preshareid=75ba5e31-81a2-440f-
 9. Otvetnoye pis'mo akademika Chzhun Nan'shanyu kitayskim shkol'nikam // Obrazovatel'nyy portal Ministerstva narodnogo obrazovaniya provintsii Kheyluntszyan. [Elektronnyy resurs]. URL: // <https://mp.weixin.qq.com/s/iLNRbFvA9Mo97ee00Govc>

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Zheleznyye dokazatel'stva // Informatsionnyy portal «Lun Ten Da Chzhungo» [Elektronnyy resurs]. URL://<https://www.youtube.com/watch?v=VP1dUsRPbj8> (Data obrashcheniya 03 marta 2020).
2. Vinogradov A.V. Kitayskaya model' organizatsii: poiski novoy identichnosti / A.V.Vinogradov. – M.NOMFO, 2008. 368s.
3. Day Mutsay. V chem sekret uspekha Kitaya na puti sotsializma. Pekin: Mezhekontinental'noye izd-vo Kitaya, 2016.261s.
4. Si TSzin'pin. O gosudarstvennom upravlenii. Pekin: Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh, 2014. 630s.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Associate professor, Candidate of Science in Cultural Studies **Ishutina Yuliya**

Department of Chinese studies

School of International and Regional studies

Far Eastern Federal University

690091, г. Vladivostok, Sukhanova st, 8

Russian Federation, ishutina.yua@dvfu.ru

Принята к публикации: 10.04.2020

Submission date: 2020.04.10

ЗЕРКАЛА ЭПОХИ ШАН КАК МАРКЁР КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАВНИНЫ И ХАМИЙСКОЙ ВПАДИНЫ

SHAN MIRRORS AS A MARKER OF CULTURAL RELATIONS BETWEEN POPULATION OF THE CENTRAL PLAIN AND THE KUMUL DEPRESSION

Шульга Даниил Петрович, канд. ист. наук

*Кафедра Международных отношений и гуманитарного сотрудничества
Сибирский институт управления Российской академии народного хозяйства
и госслужбы при Президенте РФ
alkaddafa@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

В 1976 году при раскопках гробницы Фу Хао в Иньсюе (г. Аньян, пров. Хэнань) было найдено четыре зеркала с орнаментом, одно из которых практически полностью идентично найденному на могильнике Тяньшаньбэйлу в районе г. Хами (Синьцзян-Уйгурский автономный район). С другой стороны, есть находки из Северного Китая, восходящие еще к изысканиям Андерсена. Они легли в основу теории о «степном» происхождении зеркал. Видный исследователь Линь Юнь (林云) при описании культурных связей Шан с северными степными районами отмечал родство зеркал из погребения Фу Хао с северными экземплярами. Тем не менее, на данный момент господствует точка зрения, согласно которой бронзовые зеркала, обнаруживаемые на Центральной равнине, происходят от обнаруженных в Тяньшаньбэйлу в Синьцзяне, а также от артефактов культуры Цицзя (хронологические рамки: 2400–1900 гг. до н. э.). К данной точке зрения склоняется и автор настоящей работы. Мы также публикуем малоизвестные материалы – фото и прорисовку зеркал, план погребения Фу Хао.

Ключевые слова: Шан, бронзовые зеркала, Центральная равнина, Западный Китай.

Для цитирования: Шульга Д.П. Зеркала эпохи шан как маркёр культурных связей населения центральной равнины и хамийской впадины. *Современные востоковедческие исследования.* 2020; 2(2): 88-93

ABSTRACT

Four mirrors with ornaments were found during the excavation of the Fu Hao tomb in YinXu (Anyang, Henan Prov.) in 1976. One of them is almost identical to the mirror found in the Hami-Tianshan-Beilu cemetery (Xinjiang Uygur Autonomous Region). On the other hand, there are archaeological finds from Northern China dating back to Andersen's research. His studies formed the basis of the theory of the "steppe" mirrors origin. A prominent researcher Lin Yun (林云) describing the cultural connections of Shang with the northern steppe regions noted the kinship between mirrors from the Fu Hao tomb and the northern specimens. However, the prevailing view is that bronze mirrors found in the Central Plain originate from the mirrors of the Hami-Tianshan-Beilu cemetery in Xinjiang, as well as from Qijia culture artefacts (chronological framework: 2400–1900 B.C.). The author of this article is inclined to agree with this point of view. The paper presents little-known materials, e.g. mirrors photos and detailed drawings, the plan of the Fu Hao tomb.

Key words: Shang, bronze mirrors, Central Plain, Western China.

For citation: Shulga D.P. Shan mirrors as a marker of cultural relations between population of the central plain and the kumul depression. *Modern oriental studies.* 2020; 2(2): 88-93

ВВЕДЕНИЕ

В 1976 г., в ходе исследования археологического памятника Иньсюй в г. Аньян (пров. Хэнань), была обнаружена гробница Фу Хао [Институт..., 1980, С. 7–11] (рис. 1), где, в свою очередь, учёные нашли четыре зеркала. Все зеркала округлой формы, плоские или слегка выпуклые. В середине петелька в форме «арочного моста» (拱桥钮) на круглом основании. Зеркала орнаментированы, между центром и ободом расположена область с декором (например, специфическим листовидным орнаментом или штриховкой, таких три). Три из четырёх зеркал располагались на глубине 5,6 м (не на дне), в южной части гробницы. При этом одно расположено к югу от яшмового блюда, а два – под яшмовым блюдом и иными артефактами из поделочных камней и бронзы. Место находки четвёртого зеркала не вполне ясно, хотя найдено оно было в погребальной камере [Ван Ганхуай, 2015, С. 3–4].

Поверхность первого зеркала практически плоская, центральная петелька имеет подпрямоугольную форму. У края зеркала чётко выделен обод, декорированный сосцевидными выступами. Основное пространство, между ободом и центром, содержит четыре листовидных фигуры с «прожилками». Сохранность зеркала далека от идеальной, существенно пострадали края. Диаметр 12,5 см, толщина 0,4 см, высота центрального выступа 1 см, а вес 250 г. Еще одно зеркало (рис. 1–2) в основном подобно описанному выше, с той лишь разницей, что контуры «листьев» просматриваются в меньшей степени. Диаметр 11,7 см, толщина 0,2 см, высота выступа 0,7 см, вес 200 г (рис. 2–2) [У Сяюнь, 2017, С. 24]. Самое малое зеркало с листовидным орнаментом явно отличалось от двух вышеупомянутых. Впрочем, судить о его облике

довольно сложно, так как край был деформирован и сильно заржавел. Реконструируемые размеры – диаметр 7,1 см, толщина 0,2 см, высоту центрального выступа 0,4 см и вес 50 грамм.

Внимания заслуживает и зеркало с орнаментом-штриховкой (рис. 2–1). Оно довольно правильной округлой формы, корпус тонкий, а поверхность зеркала слегка выпуклая. Между каймой и круглым основанием центрального выступа расположено шесть «поясов» штриховки (ширина разнится), направленной к центру. Диаметр 11,8 см, толщина 0,2 см, высота выступа 0,8 см, вес 200 г [Ван Ганхуай, 2015, С. 3–4].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Возраст погребения Фу Хао на данный момент определяется как поздний этап периода Шан. Все вышеописанные зеркала являются классическими для периода первой исторической китайской династии. Впрочем, специфика узоров на зеркалах Фу Хао делает их отличными как от многих других шанских, так и от западночжоуских. Господин Линь Тан полагал, что эти бронзовые зеркала были переданы из области «северных бронз» Китая. Схожей точки зрения придерживался и Лю Сюэтан, считавший, что, скорее всего, в шанские области артефакт попал посредством обмена [Лю Сюэтан, 1999]. Впрочем, в построениях этого учёного акцент делался скорее на западное, а не северное происхождение. Сун Синьчао в своих оценках был более осторожен. Он не отрицал возможность северного происхождения зеркал, однако обращал внимание, что источником происхождения зеркал в Китае вообще является скорее не север в узком смысле, а район верховьев Хуанхэ, т.е. современные провинции Ганьсу и Цинхай [Ван Ганхуай, 2015, С. 4].

В настоящее время по отчётам мы знаем о шести бронзовых зеркалах из Иньсюя. Помимо описанного выше погребения Фу Хао (M5) с четырьмя экземплярами, одна находка была сделана в захоронении №1005 в царском некрополе Хоуцзячжуан (рис. 1–3), вторая – в погребении M25 к югу от деревни Дасыкун (рис. 1–4). Обо всех иньсюйских артефактах достаточно много информации в литературе, и у них есть общие свойства. Все они округлые, поверхность ровная или слегка выпуклая, посередине – выступ в виде мостика. У всех зеркал есть геометрический орнамент, расположенный вокруг центрального выступа. Вышеупомянутые особенности формы и декора заставляют многих ученых думать, что бронзовые зеркала не отливались на Центральной равнине, а импортировались. Впрочем, единого мнения об источнике этого импорта нет. Среди возможных вариантов называют Бактрийско-Маргианский археологический комплекс, культуру Цицзя, Внутреннюю Монголию, Западных край [У Сяюнь, 2017, С. 9].

В свою очередь, самые ранние бронзовые зеркала в Синьцзяне обнаружены на могильнике Тяньшаньбэйлу в Хами. С 1988 по 1997 год здесь было раскопано более 700 погребений. Согласно опубликованным данным и проведенным исследованиям, хронологически захоронения могут быть разделены на четыре периода. Во время третьего периода появляются простые бронзовые зеркала, а с четвертого появляются уже экземпляры с орнаментом в виде косых линий. Исследователи определили время функционирования некрополя между 19 и 13 веками до н. э. Лю Сюэтан отмечает, что на могильнике обнаружены сотни бронзовых округлых блях различного размера, от 5 до 10 см. Некоторые имеют выступ-петельку в середине, а другие – отверстие у края. К такого рода артефактам в китайской науке применяется как

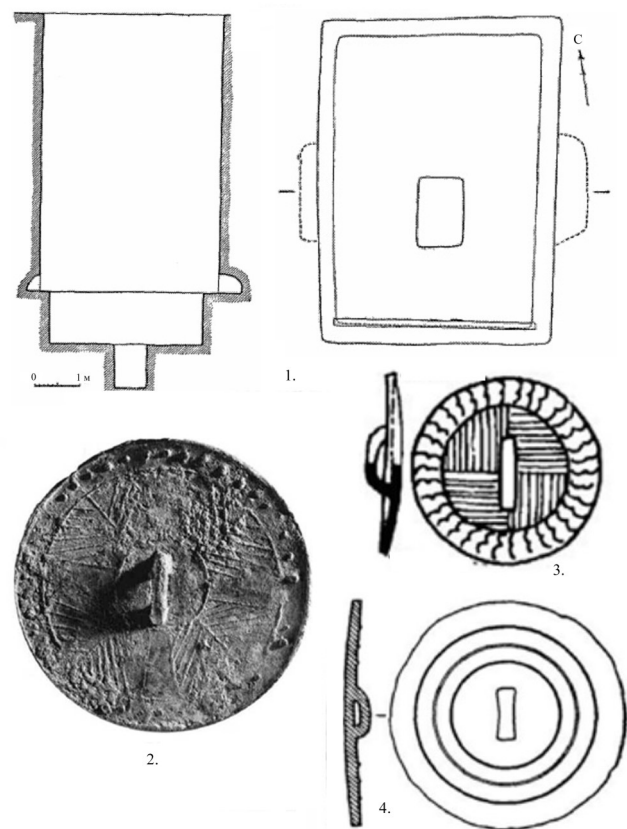

Рисунок 1: 1. Погребение Фу Хао (M5): вид сверху и поперечный разрез (даётся по: Институт..., 1980, С. 8). 2. Бронзовое зеркало из погребения Фу Хао (даётся по: Ван Ганхуай, 2015, С. 3–5). 3. Бронзовое зеркало из захоронения №1005 в царском некрополе Хоуцзячжуан, г. Аньян. 4. Бронзовое зеркало из погребения M25 (к югу от деревни Дасыкун, пров. Хэбэй) (даётся по: У Сяюнь, 2017, С. 23–30).

название собственно «бронзовые зеркала», так и «зеркалообразные украшения» (鏡形飾). Бронзы с могильника Тяньшаньбэйлу в основном представлены именно такими изделиями (округлой и подпрямоугольной формы), хотя имеются и орудия труда, например, ножи, шилья и серпы. Некоторые ученые считают, что могильник Тяньшаньбэйлу является самым ранним некрополем с массовым материалом для изучения бронзовых зеркал в Китае. Найденные здесь зеркала, очевидно, были созданы не позднее экземпляров, относящихся к культуре цицзя [Ван Ганхуай, 2015, С. 12].

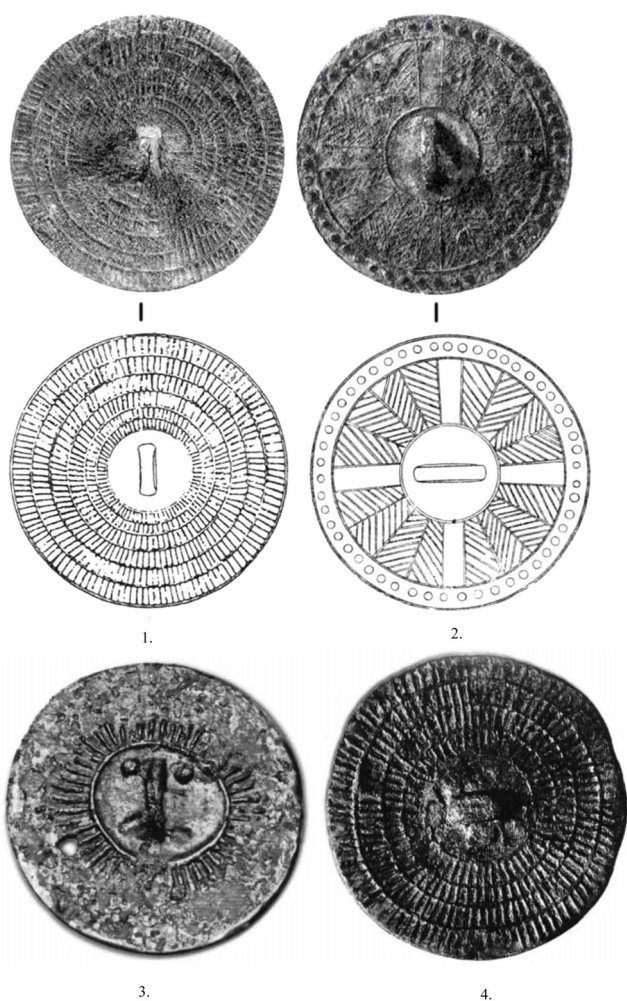

Рисунок 2: 1. Прорисовка и фотография зеркала со штриховкой из погребения Фу Хао. 2. Прорисовка и фотография зеркала с листовидным орнаментом из погребения Фу Хао. 3. Зеркало с «солярной личиной» из могильника Тяньшаньбэйлу. 4. Зеркала со штриховкой из могильника Тяньшаньбэйлу (даётся по: Ван Ганхуай, 2015, С. 12–15).

При поиске аналогий обращает на себя одно зеркало (диаметром 8,8 см) с центральным выступом в виде «арочного моста» (выступ подквадратной формы), которое имеет ровную поверхность. На задней части зеркала вокруг центра расположены четыре пояса, заштрихованных короткими линиями (рис. 1–4).

Хронология могильника Тяньшаньбэйлу дискуссионна. Лю Сюэтан считает, что самые ранние материалы Тяньшаньбэйлу старше позднего периода культуры циззя [Лю Сюэтан, 1999]. В свою очередь Ли Шуйчэн не соглашался с датировками Лю Сюэтана, относящимися к бронзовому веку Ганьсу. Он считал, что около 3800 лет назад часть представителей культуры Сыба (датируется пер. пол. II тыс. до н.э.) из Ганьсу переселилась в район Хами, тем самым серьёзно повлияв на культурный облик восточного Синьцзяна. Таким образом, по мнению господина Ли Тяньшаньбэйлу синхронен культуре Сыба [Ван Ганхуай, 2015, С. 13–14].

ВЫВОДЫ

Немало исследователей писало о «степных» чертах зеркал из погребения Фу Хао [Ван Ганхуай, 2015, С. 3–6]. По декору зеркала можно разделить на две группы: во-первых, с вписанными друг в друга окружностями, между которыми масса коротких черт (рис. 2–1), во-вторых – с листовидным орнаментом. Зеркало с шестью вписанными окружностями и штриховкой из погребения Фу Хао очень напоминает находки из Тяньшаньбэйлу в Синьцзяне (рис. 2–4). Существует точка зрения, что данная традиция развивалась в районе современных провинций Ганьсу и Цинхай, потом распространившись и на север нынешней КНР [У Сяюнь, 2017, С. 14].

Чжан Ли предполагал, что подобные украшенные зеркала выступали для жителей Иньской столицы как культурные маркёры («идентификационные знаки»). Впрочем, при исследовании форм захоронений с бронзовыми зеркалами выяснилось, что за исключением аристократки Фу Хао [Ван Юй, 2014], они невелики (как, например M25 возле села Дасыкун). Погребение №1005 могильника Сибэйган

с зеркалом является и вовсе коллективным. Мы можем сделать вывод, что держатели зеркал могли принадлежать к разным социальными слоям, так что возникает вопрос, так ли сильно были связаны между собой шанские традиции с зеркалами. Вполне возможно, что зеркала как раз были неким «интернациональным» товаром, который отражает не внутренние, а внешние связи эпохи Шан-Инь [У Сяюнь, 2017, С. 16].

Повторные исследования гробницы Фу Хао могут дать указания на то, что зеркало там было скорее как внешний артефакт. Погребальный инвентарь Фу Хао весьма разнообразен [Институт..., 1980]. Катрин Линдафф (Katheryn M. Linduff) предположила, что зеркала, как и другие «бронзы в северном стиле» показывают степное происхождение Фу Хао (например, в ходе династических браков правителей Шан с сопредельными землями) или, как минимум, её связи с этим регионом [Linduff, 2006]. Хотя определённые основания для позиционирования Фу Хао как «невесты из северных степей» есть, обширная коллекция нефритов с разных концов Китая может указывать на Фу Хао как просто коллекционера редкостей (сюда же вполне укладываются и «северные» зеркала). Таким образом, довольно обоснованной выглядит точка зрения, что в шанской культуре бронзовые зеркала не являлись религиозным артефактом или статусной вещью, они чаще всего отражают шанское любопытство по отношению к иностранным культурам или окружающему их иноплеменному населению, в том числе, и из Хамийской котловины [У Сяюнь, 2017, С. 17–20].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Ганхуай. Чжунго цзаоци тунцзин [王纲怀。中国早期铜镜。上海:上海古籍出版社, 2015] Ранние китайские бронзовые зеркала. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2015. 181 с.
2. Ван Юй. Иньсюй фухао му чуту тун цзин юй и шитань [王煜。殷墟妇好墓出土铜镜寓意试探 //中原文物 2014 年第 2 期] Анализ бронзовых зеркал из гробницы Фухао в Иньсюе // Чжунюань вэнью («Культурное наследие центральной равнины»), 2014, №2. С. 57–59.
3. Институт археологии Академии общественных наук Китая. Иньсюй Фу Хао му [中国社会科学院考古研究所。殷墟妇好墓。北京:文物出版社, 1980]. Могила Фу Хао в Иньских руинах. Пекин: Вэнью чубаньшэ, 1980. 470 с.
4. Лю Сюэтан. Лунь чжунго цзаоци тунцзин юаньюй сиюй [刘学堂。论中国早期铜镜源于西域 // Journal of Xianjiang Normal University (Social Science), 1999, Vol. 20, №3] О происхождении ранних китайских бронзовых зеркал в Западном крае // Journal of Xianjiang Normal University (Social Science), 1999, Vol. 20, №3. С. 112–119.
5. У Сяюнь. Шанчжоу шици тунцзин дэ чусянь юй шиюн [吴晓筠。商周时期铜镜的出現與使用 // 故宮學術季刊2017 35卷第2期] Появление и использование бронзовых зеркал в эпохи Шан и Чжоу // Гугун сюэшу цзикань (Ежеквартальный научный журнал Гугуна), 2017, вып. 35, №2. С. 1–66.
6. Хань Цзиньцю. Шилунь иньсюй эр ци чжунсин му чжун дэ бэйфан вэньхуа иньсю [韩金秋。试论殷墟二期中型墓中的北方文化

因素 //中原文物 2008 年第 6 期] Северное культурное влияние на погребения второго этапа памятника Иньсюй // Чжунюань вэнью («Культурное наследие центральной равнины»), 2008, №6. С. 34–41.

7. Linduff K. M. Why have Siberian Artifacts been excavated within Ancient Chinese Dynastic Borders? // Beyond the Steppe and the Sown. Leiden, Boston: Brill, 2006. Pp. 364–366.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Wang Ganghuai. (2015) Zhongguo zaoqi tongjing [王纲怀。中国早期铜镜。Early Chinese Bronze Mirrors]. Shanghai: Shanghai guji chubanshe.
2. Wang Yu. (2014) Yinxi fuhao mu chutu tongjing yu yi shitan [王煜。殷墟妇好墓出土铜镜寓意试探。Analysis of bronze mirrors from the tomb of Fu Hao in Yinxi]. Zhongyuan wenwu. 2. Pp. 57–59.
3. Institute of Archaeology of Chinese Academy of Social Sciences. (1980) Yinxi Fu Hao mu [中国社会科学院考古研究所。殷墟妇好墓。Tomb of Fu Hao in Yinxi]. Beijing: Wenwu chubanshe.
4. Liu Xuetang. (1999) Lun Zhongguo zaoqi tongjing yuanyu xiyu [刘学堂。论中国早期铜镜源于西域。On the Origin of Early Chinese Bronze Mirrors in the Western Region]. Journal of Xianjiang Normal University (Social Science). Vol. 20. 3. Pp. 112–119.
5. Wu Xiaoyun. (2017) Shangzhou shiqi tongjing de chuxian yu shiyong [吴晓筠。商周时期铜镜的出现与使用。The emergence and use of Shang and Zhou era bronze mirrors]. Gugong xueshu jikan, Vol. 35. 2. Pp. 1–66.

6. Han Jinqiu. (2008) Shilun Yinxi er qi zhongxing mu zhong de bei fang wenhua yinsu [韩金秋。试论殷墟二期中型墓中的北方文化因素。Northern cultural influence on the burial grounds of the Yinxi second stage]. Zhongyuan wenwu. 6. Pp. 34–41.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Shulga Daniil Petrovich, Ph.D. East. of sciences

Department of International Relations and Humanitarian Cooperation

Siberian Institute of Management — the branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration

630102, Novosibirsk, Nizhegorodskaya str., 6, Russia.

alkaddafa@gmail.com

Принята к публикации: 10.04.2020

Submission Date: 2020.04.10

ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ ЯПОНИЕЙ И РОССИЕЙ

HUMANITARIAN COOPERATION BETWEEN JAPAN AND RUSSIA

Магдеев Рафик Рашитович, ассистент

Кафедра алтаистики и китаеведения Института международных отношений

Казанский (Приволжский) федеральный университет

magdeef@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются гуманитарное сотрудничество России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, роль России для Японии и Японии для России. Определяются факторы формирования двусторонних международных отношений в сфере гуманитарного сотрудничества. Дается определение существующим ограничениям и возможностям России в области гуманитарного сотрудничества с Японией. Отслеживаются особенности деятельности Японии и России в сфере образования, анализируются количество респондентов, сдающих экзамен по японскому языку в России и русского языка в Японии. Анализируются изменения туристского потока между Россией и Японией. Рассматриваются крупнейшие совместные проекты и организации в гуманитарной сфере, посещаемость данных мероприятий, а также планы совместной деятельности в дальнейшем. Определяются основные направления, уровни и формы сотрудничества в сфере гуманитарного сотрудничества России и Японии на современном этапе. Перспективы развития гуманитарных отношений между Россией и Японией в более долгосрочном плане.

Ключевые слова и фразы: *Россия, Япония, российско-японские отношения, трансформация международных отношений, страны АТР.*

Для цитирования: *Магдеев Р.Р. Гуманитарное сотрудничество между Японией и Россией. Современные востоковедческие исследования. 2020; 2(2): 94-99*

ABSTRACT

The article examines the policy of Russia in the Asia-Pacific region, the role of Russia for Japan and Japan for Russia. Are determined by factors of bilateral international relations in the sphere of humanitarian cooperation. The definition of the existing constraints and opportunities of Russia in the field of humanitarian cooperation with Japan. The features of the activities of Japan and Russia in the field of education are tracked, analyzed the number of respondents passing the exam in the Japanese language in Russia and the Russian language in Japan. The changes in the tourist flow between Russia and Japan are analyzed. Considered the largest joint projects and organizations in the humanitarian field, attendance at these events, as well as plans for joint activities in the future. The main directions, levels and forms of cooperation in the field of humanitarian cooperation between Russia and Japan at the present stage are determined. Prospects for the development of humanitarian relations between Russia and Japan in the longer term.

Keywords and phases: *Russia, Japan, Russia – Japan relations, transformation of international politics, Asia Pacific countries.*

For citation: *Magdeev R.R., Humanitarian cooperation between japan and russia. Modern oriental studies. 2020; 2(2): 94-99*

Гуманитарное сотрудничество является важным элементом отношений Японии и России еще с советских времен. В постсоветский период отношения между нашими странами развивались не столь динамично, осложнялось всё это территориальными претензиями Японии или так называемой проблемой «северных территорий» [13]. Но вместе с тем огромный вклад в нормализацию отношений между нашими странами вносил культурный обмен. В настоящее время развитию и укреплению отношения способствует реализация совместных проектов, так в декабре 2016 года было достигнуто соглашение на высшем уровне о совместном проведении в 2018 году одну из самых крупных мероприятий «Фестиваль японской культуры в России – 2018» в России и «Фестиваль российской культуры в Японии – 2018» которое соответственно будет проводится в Японии. В рамках данных проектов были запланированы различные мероприятия в областях культурно-гуманитарного сотрудничества, научно-технического, межрегионального экономического, информационно-коммуникационного, а также в сфере политики. В общей сложности в рамках данного проекта в России было запланировано более 130 мероприятий, а если учитывать также мероприятия, запланированные в Японии, то планируется реализация более 400 мероприятий. Следует отметить наиболее крупные мероприятия в рамках данного проекта, как летний фестиваль J-FEST 2018 (место проведения Москва), в сентябре 2018 года полномасштабные гастроли театра кабуки в Санкт-Петербурге и в Москве, в сентябре–октябре 2018 запланирована выставка искусства эпохи Эдо в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, а также в августе 2018 года демонстрация «Ябусамэ» это традиционное японское искусство конной стрельбы из лука [7].

Открытие состоялось 12 июня 2018 года, учитывая насколько тепло и радушно было воспринято данное мероприятие, не удивительно что Россия продолжает реализовывать мероприятия такого формата, так уже в 2019 году было объявлено что будет проведено XIV «Фестиваль российской культуры» в Японии. Данное мероприятие будет своеобразной формой продолжения перекрестного года России и Японии. А гостем фестиваля российской культуры станет Камерный хор Московской консерватории.

Также было объявлено что, «Лидеры наших стран приняли решение объявить 2020-2021 гг. годом японо-российских межрегиональных и побратимских обменов» [4]. Россия многонациональная страна и обладает огромными территориями, каждая из которых по своему уникальна. Япония также обладает уникальными регионами, которые имеют свои культурные особенности и сильные стороны. Поэтому этот проект является великолепным, так как для развития и укрепления связей между Россией и Японией активизируются регионы, региональные обмены становятся одним из важнейших приоритетов. Развитие культурный отношений происходит планомерно, несмотря на наличие существующих проблем между Россией и Японией. Наличие данных проблем не сказывается на развитии культурных отношений и Япония, а восприятие японцев о России и японской культуре меняется в лучшую сторону [12]. Культурные отношения способствует поддержанию добрососедских отношения между странами.

Рассматривая динамика развития гуманитарного сотрудничества между Японией и Россией в последнее десятилетие, можно заметить качественный рост, так уверенными темпами развиваются туристические обмены между

Японией и Россией [1]. Количество поездок российских туристов в Японию выросла с 47000 человек до 65000 человек с 2016 по 2017 года (рост 37%), аналогично выросла количество поездок и японских туристов с 85000 человек до 102000 человек (рост более 20%) [2]. Данное изменение стало возможным в большей степени благодаря достигнутым договоренностям в области облегчения визового режима с 1 января 2017 года на взаимной основе [8]. Тем не менее данный рост лишь отражает потенциал роста туристского обмена, который скрывается и который можно достигнуть, как на примере отношении с Республикой Кореей. Так в результате отмены визы с Россией на взаимной основе для краткосрочных поездок с 1 января 2014 года, туристический поток из России в Республику Корею составил 232000 человек, а это в 3,6 раз больше, чем из России в Японию на 2017 год, а из Республики Кореи в Россию составил 254000 человек (в 2,5 раза больше, чем из Японии в Россию). Таким образом наличие данного потенциала является очевидным, но реализация которого зависит только от того смогут ли страны договориться об отмене виз для туристических поездок или нет, но учитывая готовность России обсуждать вопрос об отмене краткосрочных виз, прогресс на данном направлении будет зависеть от шагов японской стороны [2].

Рассматривая гуманитарное сотрудничество, многое предстоит сделать и в сфере образования, в частности в области преподавания русского языка в Японии и японского языка в России. Так по данным Японского фонда, (организация, занимающаяся продвижением японского языка и культуры в мире), в 2015 году людей, изучающих японский язык в России было лишь 8650 человек, причем данный показатель оказался даже ниже показателя за

2012 год, тогда в России японский язык изучали свыше 11400 человек [5]. Для сравнения людей, изучающих китайский язык в 2017 году, составляло около 56000 человек. Согласно тем же, данным Японского фонда, еще одним показателем популярности языка может послужить количество людей, сдающих соответствующие квалификационные экзамены. Так в июле 2018 года квалификационный экзамен по японскому языку, который называется «Japanese Language Proficiency Test» (экзамен по определению уровня владения японским языком) в России сдавало 1190 человек. Для сравнения в октябре того же года в Японии квалификационный экзамен по русскому языку сдавало лишь 685 человек [3].

Согласно результатам исследований общественного мнения, на данный момент говорить о полномасштабном росте популярности Японии и японской культуры в России пока не приходится. На это указывают результаты исследования проведенный в России в ноябре 2018 года. Так согласно опросу общественного мнения, тех, кто предпочел бы поездку в Японию путешествовать в одну из европейских стран, где они не были, оказалось 30%, против 47% которые оказались против поездки в Японию в ущерб поездки в одну из европейских стран, тех кто ответил, что интересуется японской культурой, оказалось всего 14%. Россияне в целом позитивно оценивают отношения России и Японии (согласно данным того же опроса): так 59% ответивших, считают, что в настоящее время между двумя странами сложились в целом хорошие отношения, данный показатель показывает уровень 2000 года (62%), но значительно больше показателя 2009 года (43%), позитивная динамика очевидна. Согласно опросу ВЦИОМ проведенного в ноябре 2018 года, большинство россиян (77% респондентов) по

ключевому вопросу выступили против передачи ряда островов Курильской гряды Японии, противоположной точки зрения придерживается порядка 14 % опрошенных. Схожие тенденции показывает результаты опроса, проведенные канцелярией Кабинета министров Японии в октябре 2018 года, так японцев «чувствующих близость к России» оказалось в районе 17 %, данный показатель не является большим, так для сравнения аналогичный показатель с Китаем оказался в районе 20 %, а по отношению к США и вовсе 75 %. Также важным является данные опроса проведенные газетой «Санкей» в январе 2019 года, так 32,9% респондентов считают, что Япония должна стремиться к передаче ей всех четырех островов Южных Курил, 43 % респондентов считают, что Япония должна стремиться к передаче ей Шикотана и Хабомаи и после этого продолжить вести переговоры о судьбе Итурупа и Кунашира. Лишь 10,1% респондентов оказались согласны на передачу Шикотана и Хабомаи, только 7,3 % японцев согласны полностью отказаться от претензий на острова Южных Курил [9].

России и Японии в конечном счете необходимо, решить проблему, которая существует несколько десятилетий. Решение такого рода проблем, как показывает история, сложная задача, так как она должна быть ратифицирована и утверждена как правительствами, так и народами Японии и России. При правильных выстраиваниях отношений конечная цель должна стать в дальнейшем генератором доверия между странами, и способствовать раскрытию потенциала в данном регионе, а в конечном счете подвести к заключению в виде подписания мирного договора.

Процесс согласования является сложнейшим упражнением по сопряжению реальных

интересов двух стран, а мирный договор, является результатом определения границ, договоренностей об экономическом и военном сотрудничестве [6].

Премьер-министр Синдзо Абэ вероятно будет оставаться на своем посту как минимум до 2021 года, а президент Владимир Путин до 2024 года, поэтому на данный момент в отношениях России и Японии складываются крайне благоприятная политическая конъюнктура. Обе страны возглавляют опытные политики-патриоты, пользующиеся поддержкой большинства населения и доверием элит [10]. Учитывая, что окно возможностей определена и довольна продолжительна. Учитывая все эти факторы, шанс на укрепление отношения отношений между странами не должен быть упущен, а конечным результатом должно стать подписание мирного договора.

Если обобщить всё вышесказанное, то говоря о гуманитарном сотрудничестве России и Японии можно дать следующую оценку, так как политический диалог между странами является доверительным и продолжает развиваться в данном направлении, то и культурные отношения будут планомерно развиваться, так завершение одного крупного проекта как «Год японской культуры в России» и «Год российской культуры в Японии» о знаменует начало следующего крупного проекта в области культуры так было объявлено что, «Лидеры наших стран приняли решение объявить 2020-2021 гг. Годом японо-российских межрегиональных и побратимских обменов» [4]. Стратегия наших стран кажется достаточно эффективной, так планомерное активное развитие двухсторонних отношений, взаимодействие стран по ключевым вопросам, осуществление контактов между широкими слоями населения нашей

необъятной родины будет способствовать решению столь сложных проблем.

Хоть гуманитарное сотрудничество между Россией и Японией и будет показывать положительную динамику, но преждевременно громко заявлять о решении геополитических проблем между странами. Можно с уверенностью заявить, что стратегия, выбранная между нашими странами наиболее верная. Отношения между нашими странами планомерно будут развиваться из года в год, количество контактов на различных уровнях становятся всё более прочными, уровень взаимопонимания между странами также будет расти, но нам важно не погубить данный уровень достижения, и не допустить уничтожение достигнутых договоренностей в состоянии зародыша. Строительство отношений между Японией и Россией сложная задача, но вполне реальная.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков С.В. Япония во взаимоотношениях России и США. – № 1., 2011. Ст. 152-172.
2. Выборочная статистическая информация, рассчитанная в соответствии с официальной статистической методологией оценки числа въездных и выездных туристических поездок [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-pokazateli-zaimnykh-poezdok-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-i-grazhdan-ostrannykh-gosudarstv/vyborochnaya-statisticheskaya-informatsiya-rasschitannaya-v-sootvetstvii-s-ofitsialnoy-statisticheskoy-metodologiyey-otsenki-chisla-vezdnykh-i-vyezdnykh-turistskikh-poezdok> (Дата обращения: 21.01.2020).
3. Дай 72 кай росиаго норёку кэнтэи сикэн кэка (Результаты 72-го квалификационного экзамена по русскому языку в Японии) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tokyorus.ac.jp/kentei/72.pdf> (Дата обращения: 13.01.2020).
4. Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-японских переговоров [Электронный ресурс]. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/18000> (Дата обращения: 10.01.2020).
5. Кайгай но нихонго кёйку но гэндзё. 2015 нэндо нихонго кёйку кикан тёса ёри (Действительность изучения японского языка за рубежом по исследованиям в образовательных учреждениях в 2015 году). [Электронный ресурс]. URL: https://www.jpff.go.jp/j/project/japanese/survey/result/dl/survey_2015/all.pdf (Дата обращения: 21.01.2020).
6. Панов А.Н. Современные российско-японские отношения и перспективы их развития., 2012. Ст. 14-29.
7. Приветственная речь Посла Кодзуки на приеме в честь проведения 21 Конференции представителей региональных общественных организаций, занимающихся развитием японо-российских связей. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/20191204.html (Дата обращения: 18.01.2020).
8. Российско-японские экономические отношения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tass.ru/info/3260618> (Дата обращения: 24.01.2020).
9. Россияне делятся своими представлениями о Японии и отношениях между нашими странами // Фонд общественного мнения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fom.ru/Mir/14158> (Дата обращения: 27.01.2020).
10. James C. Baxter Interpretations of Japanese culture: views from Russia and Japan. – 2007. p. 408.
11. Weaver O. Securitisation and Desecuritisa-

- tion // On Security. – New York, 1995. p. 47-71.
12. Yulia Mikhailova and M. William Steele Japan and Russia Three centuries of mutual images, 2008. 138 p.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Volkov S.V. Yaponiya vo vzaimootnosheniyakh Rossii i SSHA. – № 1., 2011. p. 152-172.
2. Vyborochnaya statisticheskaya informatsiya, rasschitannaya v sootvetstvii s ofitsial'noy statisticheskoy metodologiyey otsenki chisla v"yezdnykh i vyyezdnykh turisticheskikh poyezdok [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-pokazateli-zaimnykh-poezdok-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-i-grazhdan-ostrannykh-gosudarstv/vyborochnaya-statisticheskaya-informatsiya-rasschitannaya-v-sootvetstvii-s-ofitsialnoy-statisticheskoy-metodologiyey-otsenki-chisla-vezdnykh-i-vyezdnykh-turistskikh-poezdok> (Date of the application: 21.01.2020).
3. Day 72 kay rosiago noroku kentei siken kekka (Rezultaty 72-go kvalifikatsionnogo ekzamina po russkomu yazyku v Yaponii) [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.tokyorus.ac.jp/kentei/72.pdf> (Date of the application: 13.01.2020).
4. Zayavleniya dlya pressy i otvety na voprosy zhurnalistov po itogam rossiysko-yaponskikh peregovorov [Elektronnyy resurs]. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/18000> (Date of the application: 10.01.2020).
5. Kaygay no nikhongo koiku no gendzo. 2015 nendo nikhongo koiku kikan tosa yori (Deystvitel'nost' izucheniya yaponskogo yazyka za rubezhom po issledovaniyam v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh v 2015 godu). [Elektronnyy resurs]. URL: https://www.jpff.go.jp/j/project/japanese/survey/result/dl/survey_2015/all.pdf (Date of the application: 21.01.2020).
6. Panov A.N. Sovremennyye rossiysko-yaponskiye otnosheniya i perspektivy ikh razvitiya., 2012. p. 14-29.
7. Privetstvennaya rech' Posla Kodzuki na priyeme v chest' provedeniya 21 Konferentsii predstaviteley regional'nykh obshchestvennykh organizatsiy, zanimayushchikhsya razvitiyem yapono-rossiyskikh svyazey. [Elektronnyy resurs]. URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/20191204.html (Date of the application: 18.01.2020).
8. Rossiysko-yaponskiye ekonomicheskiye otnosheniya [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.tass.ru/info/3260618> (Date of the application: 24.01.2020).
9. Rossiiane delyatsya svoimi predstavleniyami o Yaponii i otnosheniyakh mezhdru nashimi stranami // Fond obshchestvennogo mneniya [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.fom.ru/Mir/14158> (Date of the application: 27.01.2020).
10. James C. Baxter Interpretations of Japanese culture: views from Russia and Japan. – 2007. p. 408.
11. Weaver O. Securitisation and Desecuritisation // On Security. – New York, 1995. p. 47-71.
12. Yulia Mikhailova and M. William Steele Japan and Russia Three centuries of mutual images, 2008. p. 138.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Magdeev Rafik Rashitovich, assistant
 Department of Altaic Studies and Sinology,
 The Institute of International Relations
 Kazan Federal University
 420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18
 Russia
magdeef@mail.ru

Принята к публикации: 10.04.2020

Submission Date: 2020.04.10

СТРАТЕГИЯ «ЖЕМЧУЖНОЙ НИТИ» КАК МЕРА ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВЫ КИТАЙСКОГО МОРСКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

“STRING OF PEARLS” STRATEGY AS A MEASURE FOR THE IMPLEMENTATION OF THE CHINESE MARITIME SILK ROAD INITIATIVE

*Арутюнян Агавни Александровна, канд. ист. наук,
ведущий науч. сотрудник Отдела Международных отношений
Института Востоковедения Национальной Академии Наук Армении.
aghavni.harutyunyan1@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

В статье предпринята попытка показать значение стратегии «Жемчужная нить» - аналогично «Логистическому комплексу двойного назначения» в качестве меры для реализации китайской инициативы Морской Шелковый путь, нацеленного на создание морских опорных пунктов или «точек удущья» с военным или геополитическим влиянием вдоль побережья Индийского океана, а также в Персидском заливе и Средиземном море. Стратегия «Жемчужной нити» предназначена для построения инфраструктурных проектов, охватывающих китайские морские линии связи и основана на потребности Китая в приобретении иностранных нефтяных и торговых маршрутов, имеющих решающее значение для его развития, а также в усилении влияния и расширении присутствия на морских путях за счет использования инвестиций, экономических, политических, дипломатических и военных средств. Китайская экспансия и его военное присутствие неуклонно растет с целью защиты своих интересов и обеспечения безопасности китайских многомиллиардных инвестиций в инфраструктурные проекты по всей ширине Морского Шелкового пути. Благодаря стратегическому контролю над ключевыми точками вдоль «Жемчужной нити» и новым возможностям для начала военных операций

ABSTRACT

The article attempts to show the significance of the “String of Pearls” strategy - similarly to the “Dual-Use Logistics Facilities” as a measure for the implementation of the Chinese initiative Maritime Silk Road, aimed at creating sea strongholds or “Choke Points” with military or geopolitical influence along the Indian coast ocean, as well as in the Persian Gulf and the Mediterranean Sea. The “String of Pearls” strategy is designed to build infrastructure projects covering the Chinese Sea Lines of Communication and based on the need of China to acquire foreign oil and trade routes, which are crucial for its development, as well as to strengthen its influence and expand its presence on the sea routes through the use of investments, economic, political, diplomatic and military means. Chinese expansion and its military presence grow steadily in order to protect its interests and ensure the safety of Chinese multi-billion-dollar investments in infrastructure projects across the entire width of the Maritime Silk Road. Thanks to strategic control over key points along the “String of Pearls” and new opportunities for launching military operations of the People’s Liberation Army Navy, China can not only change the balance of power at the regional level, but also have an impact that goes far beyond its traditional scope.

The author analyzes the reasons for advancing these strategies, characterizes the likely difficul-

Военно-морского флота Народно-освободительной армии, Китай может не только изменить баланс сил на региональном уровне, но и оказать влияние, выходящее далеко за рамки его традиционные возможности.

Автор анализирует причины выдвижения этих стратегий, характеризует вероятные трудности, с которыми Пекин может столкнуться в процессе их осуществления.

Ключевые слова: Китай, Один пояс, один путь, Морской Шелковый путь, «Жемчужная нить», «точки удущья», морские линии связи.

Для цитирования: Аратюнян А.А., Стратегия «жемчужной нити» как мера для реализации инициативы китайского морского шелкового пути. *Современные востоковедческие исследования.* 2020; 2(2): 100-120

CHINESE MARITIME SILK ROAD OF THE 21TH CENTURY

"All rivers flow into the sea; everything returns to its owner."

This old Chinese saying is the key to the Chinese strategy of the New Silk Road (NSR) or One Belt, One Road (OBOR), with the official goal of creating a public good for all of humanity, the main beneficiary of which is, above all, the creator [Алиханов, 2017]. The strategy was officially renamed the Belt and Road Initiative (BRI or Belt and Road (B&R)) in 2016 and was written into the constitution of the Chinese Communist Party, showing how dedicated Beijing is to developing the project as a way to ensure China's economic influence [EFSAS, 2019, P. 3].

BRI was launched by President of People's Republic of China (PRC) Xi Jinping in 2013, which aims to connect Asia and Europe via the Middle East (ME), Africa and Central Asia (CA) through a series of vast networks of transcontinental railways, pipelines, ports, airports and other infrastructure pro-

jects that Beijing may encounter in their implementation process.

Keywords and phases: China, One Belt, One Road, Maritime Silk Road, "String of Pearls", "Choke Points", Sea Lines of Communication.

For citation: Harutyunyan A.A., "String of pearls" strategy as a measure for the implementation of the chinese maritime silk road initiative. *Modern oriental studies.* 2020; 2(2): 100-120

jects [Molavi, 2018]. The idea of the NSR is to create both the Economic Belt of the Silk Road (EBSR) - rail and roads running through CA and onto Europe complemented by the Maritime Silk Road of the 21st Century (MSR) - ports and shipping lanes that will connect Southeast Asian States and countries which border the wider Indian Ocean. Together, both sections make up the BRI - an extensive global trade project that will potentially encompass a region of over 70 countries with a total population of 4.4 billion people [ISDP, 2016, P. 1]. The funding pledged for this ambitious project is an additional US \$124 billion including assistance, grants, and loans to countries within the BRI. Various estimates for the capital needs of the projects under the BRI range from US \$ 2 trillion to US \$ 8 trillion for an indefinite period [Sharma, A., 2019, P. 2].

At the Chinese B&R forum in 2019, it was announced that Chinese companies had invested US \$ 90 billion in B&R countries, which is a lot, but this is only a drop in the ocean. The Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) and BRICS (Brazil, Russia, India, China and South Africa) New

Development Bank have US \$ 150 billion at their disposal, and the Silk Road Fund (SRF) for infrastructure – US \$ 40 billion. Chinese companies can gain access just under US \$ 600 billion from the state-controlled financial sector [Sharma, M., 2019].

The idea of establishment the MSR was revealed during Chinese Premier Li Keqiang's attendance at the 16th ASEAN+China summit in Brunei (9-10 October, 2013) and Xi Jinping's speech in the Indonesian parliament (3 October, 2013) [Szcudlik-Tatar, 2013, P. 3]. At the Indonesian legislature, Chinese President particularly talked about the sea path of the Silk Road (SR) [Bai, 2013, P. 12] and called for establishing a MSR adapted to the needs of the 21st century. Premier Li said that since ancient times, Southeast Asia has been an important center of the ancient sea Silk Road, China will strengthen maritime cooperation with the countries of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), and use the China-ASEAN Maritime Cooperation Fund, founded by Government of China, for the active development of maritime partnerships under the MSR [Ruan, 2014]. This coincides with Chinese Premier Li Keqiang's pledge to upgrade the Gold Decade (2000-2010) of China-ASEAN cooperation into a Diamond Decade [Zhou, 2014].

Relying mainly on ASEAN countries, the MSR should contribute to the development of the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP), and further strengthen China's commitment to supporting the implementation of the Master Plan on ASEAN Connectivity [Rahardjo, 2015, P. 13].¹ As part of its comprehensive transport strategy, China intends to solve the problems of financing the ASEAN railways with the help of the SRF, creating transport corridors through Asia [Beauchamp-Mustafaga, 2015, P. 3].

MSR covers more than 20 countries, varying in size, development, history, religion, language and

culture, and passes through the regions that are sensitive to international strategy and has complex geopolitics [Li, C., 2014, P. 9]. The main attention in the planning of MSR was paid to close cooperation in the field of finance and economics, infrastructure projects (joint construction of roads and railways), expansion of cooperation in the field of security, technology and science [Szcudlik-Tatar, 2013, P. 3].

MSR AS A TOOL TO SUPPORT THE CHINESE “GREAT MARITIME WALL”

The MSR will complement the EBSR by linking Chinese ports with other countries via maritime links, focusing on the use of sea routes and Chinese coastal ports [BDO, 2015, P. 4]² to connect China with Europe via the South China Sea,³ the Straits of Malacca, Lombok, Sudan and along the north Indian Ocean to the Persian Gulf, Red Sea and Gulf of Aden, encompassing South and Southeast Asia, particularly Sri Lanka. Thus, the MSR will extend from Asia to the Near East, ME, East Africa, the Mediterranean and Europe, China's largest export market [Clemens, 2015, P. 6].

The two from six OBOR economic corridors are included to MSR:

- *China-Indo-China Peninsula Economic Corridor (CICPEC); or China-Southeast Asia Corridors - (three lines Kunming through Vietnam, Laos, Myanmar also connect through Nanning to Guangdong Province);*
- *Bangladesh-China-India-Myanmar Economic Corridor (BCIM-EC) - (rail construction, road construction, industrial parks) [Harutyunyan, 2017b, P. 76-86].⁴*

The Maritime Silk Road will begin:

- *From Quanzhou in Fujian province and also hit other southern Chinese ports - Guangzhou (Guangdong province), Beihai (Guangxi) and*

Haikou (Hainan) before heading south to the Malacca Strait;

- *From Kuala Lumpur (Malaysia) the MSR heads to Kolkata (India) then crosses the rest of the Indian Ocean to Nairobi (Kenya);*
- *From Nairobi goes north around the Horn of Africa and moves through the Red Sea into the Mediterranean, with a stop in Athens (Greece) before meeting the land-based EBSR in Venice (Italy) [Brugier, 2014, P. 1-2; Tiezzi, 2014].*

MSR targets key littoral states along major Indian Ocean trade arteries for the construction of two mega-projects - **the land-based CPEC⁵** and **the sea-based BCIM-EC**, which, with large investments from China, can fundamentally change the political and economic landscape of the Indian Ocean Region (IOR) [Zhou, 2014], one of the most strategically significant in a world which has become a friction point for tension between the United States (U.S.), China and India, and where China and India are fighting for superiority over sea lines. Such tension intensifies as each state takes measures to counter the others and project dominance within the region [Abeyagoonasekera, 2019, P. 48].

MSR will allow China to enter the Pacific Ocean, "control the South China Sea in the south" and enter the Indian Ocean from the South China Seas through the Strait of Malacca, breaking through the U.S. environment [Beauchamp-Mustafaga, 2015, P. 3]. Thus, putting the South China Sea in its sphere of influence may lead to China's transition from geopolitical vulnerability to a strong position, effectively supporting the **"Great Maritime Wall"**, and providing China with unhindered access to the Indian and Pacific Oceans [Bouvin, 2019].

THE "CHOKE POINTS" OF THE INDIAN OCEAN AS THE MOST STRATEGICALLY SIGNIFICANT IN THE WORLD

In 21st century the Indian Ocean will have more significance; its waters cover an approximated 73.5 million square km, combining half the world's latitudes and seven of its zones, along with 48 independent seashores and island countries including of 2.6 billion people which is world's 39% of population [Khan, Khalid, 2018, P. 247-248].

Unlike the Atlantic and Pacific oceans, the Indian Ocean is a closed one, bordering four continents, which makes its access very limited. Its many straits, called "Choke Points",⁶ some of the famous of them around the world are:

- *The **Malaccan Strait** in the Indian Ocean;*
- *The **Gulf of Hormuz** in the Middle East;*
- *The **Suez Canal** linking the Mediterranean and the Red Sea;*
- *The **Panama Canal** linking the Atlantic with the Pacific Ocean;*
- *The **Strait of Bosphorus** (Turkish Strait) linking the Mediterranean Sea to the Black Sea;*
- *The three **Danish Straits** linking the Baltic Sea with the North Sea;*
- *The **Strait of Bab al-Mandeb** forming a gateway for vessels to pass through the Suez Canal, through the east coast of Africa [Marine Insight, 2019].*

These narrow straits regulate incoming and outgoing traffic and have historically been used to restrict access to trade routes during the war. The Indian Ocean multiple straits are its main access points:

- *the **Strait of Bab al-Mandab**⁷ connecting the Red Sea to the Gulf of Aden:*

- *the **Strait of Hormuz**⁸ connecting the Persian Gulf to the Gulf of Oman:*
- *the **Strait of Malacca**⁹ between Malaysia and Indonesia:*
- *the **Sunda Strait and Lombok Strait** in Indonesia [EFSAS, 2019, P. 2].*

More than 80% of the world's maritime trade oil passes through Indian Ocean "Choke Points", in which:

- *40% oil passes through **Strait of Hormuz**;*
- *35% passes through **Strait of Malacca**;*
- *8% passes through the **Bab al-Mandab Strait**.*

A significant part of exported goods produced in the PRC goes to the world market through the Indian Ocean to the **Strait of Malacca** [Jash, 2018, P. 73]. Through the **Suez Canal** 14% of world merchandise trade and 60% of Chinese exports to Europe pass; and half of the imported Chinese oil source with expectations that it will double by 2035. Through the **Bab al-Mandab** Strait passes most of China's daily exports to Europe cost US \$ 1 billion [Matar, 2018]. Some 30% of China's sea trade worth more than US \$ 300 billion presently moves across Indian Ocean [Khurana, 2008, P. 2-3]. China imports 80% of its oil (through the Strait of Malacca) and India imports 65% of its oil through Indian Ocean from ME and North Africa (MENA) [Khan, Khalid, 2018, P. 248]. According to U.S. Energy Information Administration (EIA), more than 17 billion barrels of oil passed out through the Hormuz Strait per day. More than 85% of the crude oil passing through the **Strait of Hormuz** - the geographical "Choke Point" and the main artery for transporting oil from the MENA - goes to Asian markets, especially to two rapidly growing economies and largest oil importers - China and India, and also in South Korea and Japan, whose

fuel dependence is growing and highly dependent on MENA oil [Roudgar, 2017, P. 74].

By the end of 2013, China had become the largest trader and largest importer of oil in the world. And since China becomes more and more dependent on oceans for international trade, fuel supply and cargo shipment, the ME remains the most important source of energy, security in the Indian Ocean and, therefore, Sea Lines of Communication security from Bab el Mandeb, Hormuz to the Strait of Malacca are vital for China [Zhou, 2014].

The Indian Ocean also plays an important role for China in its space exploration program. The vessel for tracking and controlling spacecraft and satellites "Yuan Wang" is based west of Australia; and in the port of Karachi there is a Chinese ground station that performs this kind of function. Under the auspices of the PRC, the Asia-Pacific Space Organization has been created, which includes Iran, Bangladesh, Pakistan and other countries [Лебедева, 2011].

SEA LANE SAFE COMMUNICATIONS AS A KEY TO SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE MARITIME SILK ROAD

The Indian Ocean also has an impressive number of shipping lines, also known as Sea Lines of Communication (SLOCs) - sea passages between ports. Given that over 90% of world trade is shipping, these SLOCs have great geopolitical value, since the country that controls them can either open or restrict their access. As some of the fastest growing economies are located in Asia, the number of SLOCs in the Indian Ocean is expected to grow over the next few decades. The 13 busiest ports in the world are in Asia, and as production grows, the need for safe transit routes in the Indian Ocean is growing more than ever [EFSAS, 2019, P. 2].

The Indian Ocean as well is home to China's important SLOCs, thus raising the stakes for China to maintain security and stability in the IOR to avoid any instances of being choked [Jash, 2018, P. 73]. In this sense, China's strategic and defensive goals for the MSR project are the securing seaports as "outposts", naval support, route development, supply lines, political and economic ties [Kuo, 2017], as well as definition of the broader geopolitics, maritime order and balance of power in the Asia, ME, Africa and IOR [Chellaney, 2015a].¹⁰

The most critical interest is China's energy "life line", passing through the IOR and, to a large extent, constituting its "strategic vulnerability" from the ban on the part of the U.S. or India. This makes the defense of its SLOC one of the most important functions of the Chinese **People's Liberation Army (PLA)**'s **Navy (PLAN)** missions in the IOR and reinforces the need for China's continued presence on the naval forces in the IOR [Khurana, 2018a, P. 201]. The PLAN's modernization has been merged with the B&R, so that the goals of the two projects can mutually benefit one another [Payette, Sun, 2017, P. 4].

Modern Chinese maritime policy is based on the "Agenda of China on the Seas and Oceans for the 21st Century" (1996) and the "White Paper on the Development of the Marine Economy in China" (1998), which put forward a strategy for the continued development of the country's marine economy and set the following goals:

1. *effective protection of the marine rights and interests of the state;*
2. *rational development and use of marine resources;*
3. *effective protection of the marine environment;*
4. *the development of science, technology and*

education in the field of oceanology;

5. *integrated marine management;*
6. *ensuring the peaceful use, development and protection of the seas and oceans and the resolution of all maritime disputes on an equitable basis [Лу, 2011, С. 162-163].*

It is no coincidence, that President Xi Jinping's vision of the MSR reinforced the PLA's naval imperative, which adheres to the principle of "flag follows trade". The 2014 Chinese White Paper on Defense — the first official formulation of China's military doctrine or strategy, published May 26, 2015 — for the first time explicitly pointed to the PLAN's task of "open seas protection". This indicated a shift from the PLA Navy's doctrine of 'offshore defense' to that of 'offshore defense-cum-open seas protection' for securing China's distant interests [Khurana, 2018a, P. 201]. The White Paper says: "... (World) Ocean is the guarantor of China's peaceful existence and sustainable development. The traditional mentality proclaiming the dogma of land over the (World) Ocean should be discarded ... Great importance should be attached to the presence in the (World) Ocean in order to protect communications and the foreign presence of China" [Алиханов, 2017]. That means, developing the ocean fleet, and also solving the problem of the lack of logistics infrastructure, that is, creating a base for the Chinese fleet in the Indian Ocean. White Paper emphasizes that China's national interests change as China grows — these are now various global factors, such as the threat of international terrorism, global epidemics, or the problem of maritime piracy [Кувалдин, 2015].

Thus, the Chinese military doctrine of MSR illustrates the shift in China's emphasis from continental to maritime strategy, that is, a shift from long-standing attention to the Atlantic and Pacific Oceans to the Indian Ocean, which has become

the world's largest and strategically important maritime corridor for the global economy and security. China's ambitions towards the status of a great power can be achieved by strengthening the dominant role and gaining freedom of navigation in the most important waters of the Indian Ocean, which is catalyzed by the Chinese Dream [Jash, 2018, P. 73]. The goal of the Chinese Dream or Great Dream is the revival and rejuvenation of the Chinese nation [Qiu, 2014, P. 108; Harutyunyan, 2018, P. 28-43], which Beijing formulates as "universal harmony in the world" [Hu, 2013, P. 126]. To realize this dream, China needs a peaceful and stable international and peripheral environment, and will realize its dream through persistent endeavors for peaceful development [Yang, 2014, P. 9].

In this context, Beijing's MSR strategy is of great interest, which focuses on creating Chinese strongholds or "naval posts" with military or geopolitical influence along the Indian Ocean littoral, in the Persian Gulf and the Mediterranean Sea, called a "*String of Pearls*" - similar to the "*Dual Use Logistics Facility*" [Lin, 2011, P. 10].

CHINESE STRATEGY OF MARITIME "STRING OF PEARLS"

Beijing has begun work on projects for the "*Dual Use Logistics Facility*", which should make up the "*String of Pearls*", at the end of the 20th century and continues to this day. The "*Dual Use Logistics Facility*" is characterized by its light footprint, its emphasis on providing logistics support to overseas non-traditional security missions, and its dual commercial and military nature. The "*String of Pearls*" model is similar to the "*Dual Use Logistics Facility*" except that it would include secret access agreements and covert development of commercial facilities to support later military use, with the ultimate objective of being able to support major com-

bat operations against India and to dominate the IOR [Yung, 2015].

According to Christina Lin, several elements are needed to carry out "String of Pearls" strategy:

- *Gaining access to airfields and ports through the construction of new facilities (sometimes with significant subsidies for construction, given that they will be provided if necessary) or the establishment of cordial relations with countries that already have key facilities.*
- *Expanding diplomatic relations, so that airspace and shipping lanes remain free and are often accompanied by mutually beneficial trade and export agreements. Since securing a "String of Pearls" depends on linking a number of dissimilar places, it is important to ensure that each pearl is safe from any potential threats from neighboring states.*
- *Modernization of the armed forces for an effective movement to maintain individual pearls, if necessary, as well as in preparation for appropriate actions and exercises [Lin, 2011, P. 10].*

The theory for the Chinese "String of Pearls" is related to Beijing's need for geostrategic security of the "Choke Points" and maritime [oil and trade] routes critical to its development [Bozhev, 2019]. The "String of Pearls" strategy is designed to build infrastructure projects covering the Chinese SLOCs [Кувалдин, 2015], and based on China's need to establish an increased level of influence and advanced presence on the sea routes through the use of investment, port development, economic, political, diplomatic and military means [Devonshire-Ellis, 2009]. Dai Xu, a former PLA Air Force colonel, argued in 2009 that to effectively fulfill its international responsibilities and build a good image, China "needs sufficient power to protect world peace".

Fulfilling this obligation requires a special supply facility for the provision of support” [Yung, Rustici, Devary, Lin, 2014, P. 14].

Worth to note, that China has never officially used the term “String of Pearls” strategy in relation to the Chinese network of marine facilities in the Pacific and Indian Oceans [Кувалдин, 2015]. The term was coined in 2005, when the U.S. consultancy Booz Allen Hamilton (BAH) published the “Energy Futures in Asia: Final Report”, predicting that China would try to expand its naval presence throughout the IOR by building maritime civilian infrastructure in friendly states in the region, a strategy dubbed the “String of Pearls” [Baker, 2015]. The authors argued that if China needed to protect its flow of energy through the Indian Ocean, it could build on its existing commercial and security relationships to establish a string of military facilities in South Asia. The analysis in the BAH study has come to be accepted in some Indian and U.S. policy circles as a description of China’s actual strategy for its out of area activities. At the time, China had contributed to construction of naval bases in Burma, funded construction of a new port in Gwadar, Pakistan, and invested in commercial port facilities in Sri Lanka and Bangladesh [Yung, Rustici, Devary, Lin, 2014, P. 14].

Moreover, China’s economic assistance in the aforementioned countries (and Greece), together with investments in overland pipelines, roads and railways through the Caspian region (EBSR), is part of the “String of Pearls” military strategy to ensure a free flow of energy and naval-access outposts along the great trade arteries in the event of a Taiwan conflict and resultant U.S. naval blockade [Lin, 2011, P. 10].

In essence, the “String of Pearls” strategy is aimed at achieving the goal of obtaining direct access to China in the Indian Ocean through the

Bay of Bengal, bypassing the Strait of Malacca, which became doubly relevant in connection with the adoption in 2000 of the program for the accelerated development of the southwestern provinces of China - Yunnan, Sichuan etc. The construction of a network of roads and pipelines in these provinces and deep into China from ports in the Indian Ocean, for example, in Myanmar, accelerates and cheapens the delivery of goods and energy resources [Лебедева, 2011].

It is also worth remembering that the “String of Pearls” strategy was developed in part due to the lack of progress on the Kra-Canal project (across the Kra isthmus in Southern Thailand), which would allow Chinese vessels to enter the Indian Ocean from the South China Sea [Devonshire-Ellis, 2009], bypassing the Strait of Malacca and Singapore located on its shores. Then the Thai authorities were not ready to delegate national sovereignty to the Chinese, explaining their refusal by the quirks of local legislation that prohibits foreigners from registering land as property [Цатурян, 2016].¹¹

Currently China’s investment is spreading from Hainan Island in the South China Sea through the coastal areas of the Strait of Malacca, including port facilities at Malacca (Malaysia), a container port in Chittagong (Bangladesh); Coco, Hianggyi, Sittwe or Kyaukphyu (Myanmar), port of Chauphyu on Ramree Island in the Bay of Bengal (Myanmar), Mergui and Zadetkyi Kyun (Myanmar); Laem Chabang (Thailand) and Sihanoukville (Cambodia). They stretch across the Indian Ocean, Colombo and Hambantota (Sri Lanka), Male (Maldives), the port of Gwadar and Pasni (Pakistan), port of Djibouti (Djibouti), Victoria (Seychelles) and the islands within the Arabian Sea and the Persian Gulf [Храмчихин, 2017; Devonshire-Ellis, 2009]. China has invested as well in ports of Greece, the Netherlands, Singapore, Kenya, Togo [Takes, 2016, P. 7].

Beijing insists that all these investments were economically motivated and part of the MSR [Kleven, 2015]. By 2017, about US \$ 46.6 billion of investments were announced or completed in China, including 40 port projects, the largest of which are:

- *Tanzania (Bagamoyo – US \$10 billion);*
- *Sri Lanka (Colombo and Habamtota – US \$ 3 billion);*
- *Burma [Myanmar] (Sittwe port in Maday Island – US \$ 2.5 billion);*
- *Australia (Darwin, Newcastle, and Melbourne – US \$ 2.2 billion);*
- *Israel (Ashdod and Haifa – US \$ 2.9 billion) [Kuo, 2017].*

Level of ownership and volume of investments in the port vary. Taken together, Chinese port operators China Merchants Port Holdings, China Ocean Shipping (Group) Company (COSCO Group) and China Shipping Terminal Development, all mainland companies, easily compete with the two largest container flow companies in the world – PSA International of Singapore and Hutchison Ports Holdings from Hong Kong [Kuo, 2017].

THE “STRING OF PEARLS” STRATEGY AS A MILITARY INITIATIVE

In fact, the “String of Pearls” concept is often viewed a military initiative, with the aim of providing China’s navy access to a series of ports stretching from the South China Sea to the Arabian Sea and oil-rich ME [Harutyunyan, 2017a, P. 95-102]. It begins at the Yulin Naval Base on the territory of the PRC itself, on Hainan Island - the largest naval base in Asia, capable of receiving and servicing ships of all classes. In the underground shelter of the Naval Base there can be up to 20 submarines, including a nuclear submarine-launched ballistic

missiles (SLBMs) and a nuclear submarine. Although in the Pacific Ocean, outside the territorial waters of the China, there were no PLA naval bases, but there were two auxiliary facilities - a satellite weather station on the island of Karakira (Solomon Islands) and a post of equipment for monitoring the surface situation on the island of Tuamotu (French Polynesia). The latter is interesting because the PRC intelligence object is, in fact, located on the territory of the North Atlantic Treaty Organization (NATO) member country. In addition, the PLA Navy can be used to refuel Port Moresby (Papua New Guinea) [Храмчихин, 2017].

Actually, China was adopting a “**Dual-Use Logistics Facility**” approach, involving ports that would ostensibly serve *both commercial* and *logistics purposes* rather than full-scale military operations [Dorsey, 2019, P. 210].

Here are some of the dual-use Chinese logistics facilities:

- **Hong Kong (China):** *strong central base;*
- **Sanya (China):** *submarine base;*
- **Paracel Islands:** *base area for resupply; an upgraded airstrip on Woody Island, located in the Paracel archipelago about 300 nautical miles east of Vietnam;*
- **Spratly Islands:** *submarine locations and re-supply;*
- **Sihanoukville (Cambodia):** *naval access base;*
- **Isthmus of Kra (southern Thailand):** *strategic protected corridor for access from South China Sea to Gulf of Thailand to Arabian Sea and Indian Ocean;*
- **Smith Island (Myanmar):** *naval base with electronic intelligence;*
- **Sittwe (Myanmar):** *Strategic location as re-*

- supply point, a deep-water port under construction;*
- **Chittagong (Bangladesh):** *amphibious naval installation, a container shipping facility;*
- **Hambantota (Sri Lanka):** *military base utilized for protection;*
- **Marao (Maldives):** *military base utilized for protection and marine expeditions;*
- **Gwadar (Pakistan):** *strategic, protected location for China as a naval base and intelligence installation;*
- **Port Sudan (Sudan):** *strategic location for resupply and resources, upgraded facilities which provide vital access to the Suez Canal and the Horn of Africa;*
- **Al- Ahdab (Iraq):** *oil and petroleum location, troop support location;*
- **Lamu (Kenya):** *strategic port location for African resources [Sterioti, 2017, P. 3-4];*
- **Hainan Island (China):** *upgraded military facilities;*
- **The South China Sea:** *oil-drilling platforms and ocean survey ships;*
- **Great Coco Island (Myanmar) near the Strait of Malacca:** *intelligence-gathering facilities;*
- **Irrawaddy transportation corridor:** *it would link China's Yunnan province to the Bay of Bengal through Burma;*
- **The Iran-Pakistan-India (IPI) pipeline:** *a potential extension of the IPI through Islamabad and over the Karakoram Highway to Kashgar in Xinjiang province, intended to transport fuel into China [Lin, 2011, P. 11].*

In fact, the Indian Ocean is considered the main region for preparing the PLA navy and provides the conditions for navigation and operation in the deep-sea region, which gives the PLAN an excellent opportunity to practice the escort and defense of the Chinese commercial fleet [Payette, Sun, 2017, P. 5]. A recent announcement by the Chinese government about the reduction of the PLA with the calculation of an increase in the size of the Marine Corps from 20,000 to 1,000,000 indicates a tectonic shift in its focus from protecting the periphery of China to protecting the naval forces. Some of these buildings will be located at facilities operating in China, in Djibouti and Gwadar [Tsering, 2018, P. 70]. China's military exchanges between Thailand, Myanmar, Cambodia, Pakistan, the Maldives, Sudan, the Seychelles, Saudi Arabia, and others, have laid a foundation for further military cooperation in the western Indian Ocean and the Persian Gulf [Degang, 2015].

However, it would take the PLA Navy many years to bring into operation a full-fledged Carrier Task Force, and possibly decades to make it effective enough to achieve sea-control against advanced navies. Meanwhile, this process can deliver an indelible blow to China's goal of promoting a "soft" and "constructive" image in the Indo-Pacific region (IPR), including through its MSR [Khurana, 2018b, P. 177]. It is nothing more than an attempt to restructure the strategy of the "String of Pearls" in harmless soft terms [Chellaney, 2015b].

For comparison, on the MSR, special attention is paid to infrastructure programs that will stimulate economic growth and development along their path and link the component of the "road" with the component of the land-based "belt". To achieve this, the roadmap requires coordination of policies, expansion of ties in transport (both water- and land-based) and energy infrastructure, as well

as the removal of trade barriers. Commonalities between “String of Pearls” theory and the MSR include:

- *Deepening relationships with target countries;*
- *Focusing on strategic waterways in the Indo-Pacific;*
- *Developing infrastructure in target areas;*
- *Sustaining and encouraging economic growth;*
- *Safeguarding and enhancing China’s energy security [Drun, 2017].*

China’s defense guidance tasks the PLA with playing a more prominent role in Beijing’s new military diplomacy and national security strategy, a further shift away from “keeping a low profile.” The PLA Navy’s participation in international counterpiracy patrols in the Gulfs of Aden and Guinea, China’s first naval deployment outside Asia, is one example of the PLA’s recalibrated engagement [Nantulya, 2019]. In the eyes of foreign observers, the most striking illustration of China’s global ambitions was the sending of Chinese ships to the shores of Somalia to fight pirates in 2008 - the first in 500 years China’s participation in a naval campaign outside its territorial waters [Ли, 2011, С. 163]. Between December 2008 and August 2018, China sent 30 naval escort task forces to Somalia in the international anti-piracy effort in the Gulf of Aden. More recently, Beijing also conducted mass evacuations of Chinese and foreign nationals from Libya and Yemen [Gaoyuem, Charm, 2019, P. 5-6].

May assume that a naval presence in Africa will give China greater latitude to support its peacekeeping troops, humanitarian interests, and hard security operations. Together, these deployments form part of a diverse set of deployments that the PLA calls “new historical missions” [Nantulya, 2019].

DOES THE “STRING OF PEARLS” STRATEGY CONTRADICT THE CHINESE PRINCIPLE OF NON-INTERFERENCE POLICY?

There has been much discussion in the expert community about the possible links between “String of Pearls” theory and MSR, and their contradictory role to the Chinese principle of non-interference policy. Many experts are sure that having developed the “String of Pearls” policy and established bases in ports, it will be difficult for Beijing to adhere to the principle of protecting non-alignment and non-interference and refuse to pursue a policy of building military bases abroad.

Some analysts believe that “String of Pearls” is not a coordinated strategy on the part of China, and there is no substantial evidence in Chinese sources or elsewhere to support the allegations of commentators, scholars, and officials who use it as a basis for explaining Beijing’s intentions in the Indian Ocean [Naval War College Press, 2011, P. 61]. According to Zhou Bo, Honorary Fellow, PLA Academy of Military Science, the only thing that can be justified in the “String of Pearls” theory is that it emphasizes the growing importance of the Indian Ocean for China’s ever-expanding national interests [Drun, 2017].

China’s stated non-interference policy is an important element of its national security policy, and the absence of Chinese military bases abroad is often cited as an example of Beijing’s commitment to non-interference and non-alignment [Naval War College Press, 2011, P. 61], which in turn was seen as a pragmatic step towards securing and maintaining access to vital resources in most developing countries, and played an important role in enhancing “South-South” solidarity in these countries [Aidoo, Hess, 2015, P. 111]. “South-South cooperation,” “non-interference,” and “non-conditionality” were at the forefront and at the center of China’s

approach, presented as “one of humanitarian and development aid plus influence without interference, in contrast to the West’s coercive approach of sanctions plus military intervention” [Campbell, Wheeler, Attree, Butler, Mariani, 2012, P. 8-9].

However, China’s long-standing commitment to non-intervention does not mean that the foreign policy community in China has always reached consensus on its validity and relevance. If a few years ago, almost no Chinese scientist challenged the principle of non-interference, infringement on the sovereignty of other nations, in recent years more and more have been arguing about this issue. One important factor contributing to the current domestic criticism of China’s strict commitment to non-intervention is regulatory change in the international system [Duchâtel, Bräuner, Hang, 2014, P. 6]. The current debate in China is resolving around the establishment of what are commonly referred to in the U.S. military as “places”, as opposed to bases. This type of strategy involves securing with friendly governments diplomatic agreements allowing access to those nations’ facilities in order to obtain essential supplies, such as fuel, food, and freshwater, for deployed forces. Such agreements can also involve reciprocal guarantees of military support in such areas as training, equipment and education [Naval War College Press, 2011, P. 61].

However, it should be noted that China’s first overseas base in Djibouti, opened in mid-2017, like one pearl in a string, adds the first explicit military component to its MSR, despite the fact that official statements emphasize the purpose of the base: providing support for military operations other than war (MOOTW) [Drun, 2017]. The official goal was to open a logistics support base to become the center of peacekeeping and other strategic policies in Africa and the Indian Ocean region [Lanteigne, 2018, P. 4]. But actually, in addition to providing

a demanded supply point for the PLA Navy, the base will be crucial to expand China’s intelligence gathering capabilities in the area and provide the PLA Air Force with the long-awaited opportunity to reach world level [Ghiselli, 2016, P. 7].

From here it should be concluded that the Chinese principle of a policy of non-interference, the rejection of a foreign military presence and ensuring the development of mutually beneficial economic and trade relations as the main task no longer corresponds to the need to ensure China’s security and vital interests. Therefore, it is possible that in the foreseeable future, China will increasingly have to become a regional player in competitive cooperation with the U.S. and India [Dorsey, 2017, P. 1].

CHINESE NAVAL ACTIVITIES IN THE INDIAN OCEAN AS A SECURITY DILEMMA IN THE REGION

It follows from the foregoing that the establishment of places to support extended Chinese naval activities in the Indian Ocean creates a security dilemma in the region, particularly for U.S. and India. The emergence of tensions regarding the regional order was facilitated by the modernization of the armed forces and the increase in military spending in China, which led to naval expansionism and the construction of artificial islands - not prohibited by international law - and military bases on the islands; also, accelerating the regional arms race in Southeast Asia [Roudgar, 2017, P. 74]. As a result of the implementation of the first stage of the long-term modernization plan, the Chinese navy acquired the ability to “project power” over the entire Yellow Sea, East China and South China Seas within the Philippine Islands and the Ryukyu Islands archipelago [Титаренко, 2008, С. 441].

The U.S. and India are concerned that part of the construction of artificial islands includes

the modernization of runways, largely supported by military facilities such as the site on Woody Island, near Vietnam. This means shifting the balance of power in the Indian and Arabian Gulf from traditional Indian government, backed by U.S. military power, to China, backed by regional diplomatic ties. Now the U.S. and India are more concerned about whether this strategy is intended solely for supply of building materials and trade routes, or whether China will subsequently use them to ensure regional superiority [Devonshire-Ellis, 2009].

Since the IPR is a freedom of action for the U.S. Navy and Air Force in accordance with the principle of “freedom of navigation”, Beijing’s attempts to establish sovereignty over the South China Sea, as well as its territorial disputes in the region, are seen by U.S. as an encroachment on the principle “Freedom and openness”, and as “undermining the sovereignty of neighboring countries” for turning them into “satellites” of Beijing [Морозов, 2018, С. 111]. In this regard, it is not surprising that in 2017 the Trump administration introduced a new strategy in Afghanistan: withdrew the U.S. from the Trans-Pacific Partnership (TPP); put an end to the Trans-Atlantic Partnership (TAP) and pursue the Indo-Pacific Strategy (IPS) in the region [Морозов, 2018, С. 108].

The challenge from the PRC in the struggle for control of the sea spaces to many American experts seems to be perhaps the main threat to American leadership and the existence of the entire international order. They believe that in addition to turning the South China Sea into an inland sea, it will also deprive the U.S. Navy of the ability to act globally to maintain a secure environment and the supremacy at sea that is necessary to maintain the Bretton Woods system [Пономарев, 2016, P. 111].

However, many experts are sure that China did not pose a serious challenge to U.S. naval supe-

riority, and the U.S. Navy continues to maintain a dominant position in the Western Pacific and around the world [Li, F., 2014].¹² The growing anxiety surrounding China’s military spending must be properly contextualized, particularly given the continued dominance of the U.S. military. China’s potential nuclear threat, while growing, is still comparatively small and vulnerable when viewed alongside that of the U.S. China’s nuclear stockpile is currently between a tenth and a hundredth the size of the U.S. arsenal [Renic, 2012; Harutyunyan, 2017b, p. 14].

As for India, despite the fact that MSR covers ports in countries around India, such as Sri Lanka, the Maldives and Pakistan, but not in India itself, New Delhi believes that China is invading India's waterways. China's investment in CPEC, which cuts through the disputed areas of Kashmir, and also underlines China's strong connection with Pakistan, is another problem for India [Lain, Pantucci, 2015, P. 2]. Consequently, India views the MSR as a threat or form of competition and the “String of Pearls” - as a challenge to the existing balance of power in the Indian Ocean [Chellaney, 2015a], a threat to Indian security in the IOR, as well as a tool to strategically encircle India. The OBOR is described as “the double road of China to superpower status” to implement global hegemony that would threaten India’s dominant position in South Asia and the Indian Ocean and put China in dominant position in Asia-Africa-Europe [Gan, 2015, P. 68-69].

Some experts believe that since America’s influence in these regions is weakening, and the peaceful region no longer necessarily requires a U.S. military presence, China’s strategy may be conservatively supported by other countries in Southeast Asia, with the possible exception of India. Pro-American countries such as Japan, South Korea, Australia, and the Philippines can take advantage of improving and developing ties with

China, while countries such as Pakistan, North Korea, Myanmar, and Cambodia are already strong allies of Beijing [Devonshire-Ellis, 2009].

However, more likely that countries in the Indian Ocean may be reluctant to support the Chinese military presence and be interested in maintaining balanced relations with the U.S. and India while developing ties with China.

CONCLUSION

At the end of our study, we conclude that while the Chinese legacy denies the concept of creating a superpower based on naval power to maximize its global dominance, like the British and Americans, Chinese expansion and its naval presence will grow steadily, which according to R. Alikhanov [2017] puts the “String of Pearls” strategy in the forefront, combining key strongholds like Guo stones. Here it is appropriate to draw a parallel, drawn by Henry Kissinger in his book “On China”, between the Guo game and the strategy implemented in PRC practice: “While the Western tradition highly values the decisive battle and glorifies acts of heroism, the Chinese ideal [strategy] emphasizes the subtlety, sophistication and patient accumulation of benefits”. If other world or regional players, as is customary in chess, strive for absolute superiority or complete defeat of the enemy, then Beijing, as in the game of Guo, tends to achieve relative superiority by avoiding strategic emptiness and filling it, in this case, by implementing its “String of Pearls” strategy and MSR initiative.

However, despite the fact that the partial success of the “String of Pears” strategy can become the most important condition for the emergence of the Chinese fleet in the Indo-Pacific region on an ongoing basis, for its practical implementation there are a number of geopolitical, geostrategic and geo-economics problems that China has to solve.

And in order to reduce resistance to its rise as a sea power, Beijing needs not only to pay special attention to the realization of its maritime interests and, to this end, to increase its sea power, but also to strengthen political and economic cooperation in the Indian Ocean and the Asia-Pacific region with Japan, the U.S., India and countries of the ASEAN, the MENA. China should not follow the traditional naval force strategy to strengthen the fleet, because the globalization of the world economy has tied the interests of different states in such a tight knot that if any of them wants to ensure the safety of their vital marine communications, then this can only be achieved through cooperation, and not traditional force struggle at sea with rivals.

NOTES

1. The Master Plan on ASEAN Connectivity is envisaged to connect ASEAN through enhanced physical infrastructure development (physical connectivity), effective institutional arrangements (institutional connectivity) and empowered people (people-to-people connectivity).
2. The EBSR focuses on connecting China to Europe through Central Asia and Russia, the Persian Gulf through Central Asia and South East Asia, South Asia and the Indian Ocean.
3. Control over the South China Sea is one of the milestones in the Chinese strategy for dominance. The sea itself is one of the busiest commercial routes and the shortest possible way connecting the West Pacific/East Asia with the Indian Ocean, Africa, and Europe. It also provides direct access to nine of the ten largest commercial ports in the world. Seven of them are Chinese, including Hong Kong and the other two are Busan in South Korea and Taiwan.

4. Four of the NSR's six economic corridors are included in the EBSR: China-Mongolia-Russia Economic Corridor (CMREC), China-Pakistan Economic Corridor (CPEC), New Eurasian Land Bridge (NELB), China-Central and West Asia Economic Corridor (CCWAEC).
5. One of the six NSR economic corridors included in the EBSR is the China-Pakistan Economic Corridor (CPEC), that will extend the Karakoram Highway; it already crosses the mountains between China and Pakistan and build highway and rail links all the way through Pakistan to the port of Gwadar.
6. A "Choke Points" refers to a point of natural congestion along two wider and important navigable passages. Maritime "Choke Points" are naturally narrow channels of shipping having high traffic because of their strategic locations. Maritime "Choke Points", or oil "Choke Points", are congestive pathways in some of the world's famous shipping routes. There are many such "Choke Points" around the world, however, a few of them are extremely famous for ships and thus face high international security conflicts and cross-border terrorism threats.
7. The Strait of Bab-el-Mandeb is located between Yemen on the Arabian Peninsula, and Djibouti and Eritrea in the Horn of Africa. The Bab-el-Mandeb acts as a strategic link between the Indian Ocean and the Mediterranean Sea via the Red Sea and the Suez Canal.
8. The Strait of Hormuz is a strait between the Persian Gulf and the Gulf of Oman. It provides the only sea passage from the Persian Gulf to the open ocean and is one of the world's most strategically important "Choke Points". On the north coast lies Iran, and on the south coast the United Arab Emirates and Musandam, an exclave of Oman. A third of the world's liquefied natural gas and almost 20-25% of total global oil consumption passes through the strait, making it a highly important strategic location for international trade.
9. The Strait of Malacca is one of the most important shipping lanes in the world and is the main shipping channel between the Indian Ocean and the Pacific Ocean, linking major Asian economies such as India, Thailand, Indonesia, Malaysia, Philippines, Singapore, China, Japan, Taiwan, and South Korea. Over 94,000 vessels pass through the strait each year (2008) making it the busiest strait in the world, carrying about 25% of the world's traded goods, including oil, Chinese manufactured products, coal, palm oil and Indonesian coffee. About a quarter of all oil carried by sea passes through the Strait, mainly from Persian Gulf suppliers to Asian markets. In addition, it is also one of the world's most congested shipping "Choke Points" because it narrows to only 2.8 km wide at the Phillips Channel (close to the south of Singapore).
10. China's interest in the Indian Ocean has grown steadily since 2008, when it embarked on a naval mission as part of a multilateral effort to combat piracy off the Horn of Africa.
11. And this is not only a matter of regional competition, but of history itself: since 1897, an agreement has been in effect between Thailand and Britain, according to which the Thai side refuses to build a canal in order to preserve the significance of Singapore. Now Americans are concentrating military efforts in Asia to maintain control of the Chinese economy.
12. According to statistics for 2010, the total tonnage of the American fleet amounted to about 2.6 billion, which is more than the total

tonnage of all the remaining 17 fleets following it (out of 17 fleets, 14 belong to U.S. allies). The U.S. Navy is equipped with the most advanced weapons in the world, including centralized and networked weapons systems. In terms of overall missile capabilities, the missile capabilities of the U.S. Navy exceed the combined capabilities of all the other 20 fleets in the world ranking after it. As for the total number of battleships, the U.S. Navy at least corresponds to the sum of the Chinese and Russian Navy (203 versus 205), but the total U.S. Navy tonnage is 263 times the total tonnage of the Chinese and Russian Navy.

13. Here, the Chinese allude to the travel of Zheng He (15th century), which demonstrated its ability, but not ambition, to dominate the seas or build maritime empires, as they were stopped when it was proved that there were no enemies threatening China from the seas.

ЛИТЕРАТУРА/BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

In English

1. Abeyagoonasekera, Asanga (2019) China's Growing Influence in the Indian Ocean: Implications for Sri Lanka and its Regional Allies (ed. Satoru Nagao), Strategies for the Indo-Pacific: Perceptions of the U.S. and Like-Minded Countries, Hudson Institute, December, pp. 48-52.
2. Aidoo, Richard and Hess, Steve (2015) Non-Interference 2.0: China's Evolving Foreign Policy Towards a Changing Africa. Journal of Current Chinese Affairs, No. 44 (1), pp. 107-139.
3. Baker, Benjamin David (2015) Where is the 'String of Pearls' in 2015? // The Diplomat, 05 October. Available at: <<https://thediplomat.com/2015/10/where-is-the-string-of-pearls-in-2015/>> (Last accessed: 05.10.2015).
4. Bai, Gao (2013) From Maritime Asia to Continental Asia: China's Responses to the Challenge of the Trans-Pacific Partnership. Department of Sociology Duke University, October, pp. 1-22.
5. BDO (2015) One Belt One Road 一带一路. BDO, Singapore, November, pp. 1-16.
6. Beauchamp-Mustafaga, Nathan (2015) Rolling out the New Silk Road: Railroads Undergird Beijing's Strategy. China Brief, Vol.: 15, Issue 8, The Jamestown Foundation, 17 April, pp. 1-3.
7. ISDP (2016), Background, Institute for Security and Development Policy (ISDP), October, pp. 1-7.
8. Bouvin, Mattias (2019) The Hard Edge of China's Soft Power // Global Security Review, 23 January. Available at: <<https://globalsecurityreview.com/hard-edge-china-soft-power/>> (Last accessed: 23.01.2019).
9. Bozhev, Ventsislav (2019) The Chinese String of Pearls or How Beijing is Conquering the Sea // De Re Military, 26 August. Available at: <https://remilitari.wordpress.com/2019/08/26/the-chinese-string-of-pearls-or-how-beijing-is-conquering-the-sea/#_ftnref8> (Last accessed: 26.08.2019).
10. Brugier, Camille (2014) China's Way: The New Silk Road. Brief Issue, European Union Institute for Security Studies, May, pp. 1-4.
11. Campbell, I., Wheeler, T., Attree, L., Butler, D. M., Mariani, B. (2012) China and Conflict-Affected States: Between Principle and Pragmatism. Saferworld, January, 137 p.
12. Chellaney, Brahma (2015) China's Silky Indian Ocean Plans. China-US Focus // Hong Kong, 11 May. Available at: <<http://m.chinausfocus.com/article/3529.html>> (Last accessed: 05.10.2015).

13. Chellaney, Brahma (2015b) China Reinvents 'String of Pearls' as Maritime Silk Road // *Nikkei Asian Review*, 29 April. Available at: <<https://asia.nikkei.com/Politics/China-reinvents-string-of-pearls-as-Maritime-Silk-Road>> (Last accessed: 30.04.2015).
14. Clemens, Morgan (2015) The Maritime Silk Road and the PLA: Part One. *China Brief*, Vol.: 15, Issue 6, The Jamestown Foundation, 19 March, pp. 6-9.
15. Degang, Sun (2015) China's Soft Military Presence in the Middle East // *Middle East Institute*, 11 March. Available at: <<https://www.mei.edu/publications/chinas-soft-military-presence-middle-east>> (Last accessed: 09.12.2018).
16. Devonshire-Ellis, Chris (2009) China's String of Pearls Strategy // *China Briefing*, 18 March. Available at: <<https://www.china-briefing.com/news/china's-string-of-pearls-strategy/>> (Last accessed: 01.09.2019).
17. Dorsey, James M. (2017) China and the Middle East: Venturing into the Maelstrom. *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*, Vol.: 11, No. 1, pp. 1-14.
18. Dorsey, James M. (2019) China and the Middle East: Venturing into the Maelstrom. S. Rajaratnam School of International Studies, Nanyang Technological University, Palgrave Macmillan, Singapore, 271 p.
19. Drun, Jessica (2017) China's Maritime Ambitions: A Sinister String of Pearls or a Benevolent Silk Road (or Both)? // *Center for Advanced China Research*, Washington DC, 12 June. Available at: <<https://www.ccpwatch.org/single-post/2017/12/05/China's-Maritime-Ambitions-a-Sinister-String-of-Pearls-or-a-Benevolent-Silk-Road-or-Both>> (Last accessed: 12.06.2017).
20. Duchâtel, M., Bräuner, O., Hang, Z. (2014) Protecting China's Overseas Interests. The Slow Shift away from Non-interference. Policy Paper, No. 41, Stockholm International Peace Research Institutesipri (SIPRI), Solna, Sweden, June, 59 p.
21. EFSAS (2019) China's 'String of Pearls' Exhibits the Dragon's Great Game of Loans and Debts. *European Foundation for South Asian Studies (EFSAS)*, Amsterdam, May, pp. 1-9.
22. Gan, Junxian (2015) The "Belt and Road": Will Chinese Dragon and Indian Elephant Walk Separately or Tango Together? *China International Studies*, No. 53, China Institute of International Studies (CIIS), Beijing, July/August, pp. 68-69.
23. Gaoyue, Fan and Char, James (2019) Introduction to China's Military Operations Other Than War. Policy Report, S. Rajaratnam School of International Studies (RSIS), Nanyang Technological University, Singapore, February, pp. 1-13.
24. Ghiselli, Andrea (2016) China's First Overseas Base in Djibouti. An Enabler of its Middle East Policy. *China Brief*, Vol.: XVI, Issue 2, The Jamestown Foundation, 26 January, pp. 6-9.
25. Harutyunyan, Aghavni (2017a) Chinese One Belt, One Road Initiative: Challenges and Opportunities. *LAP Lambert Academic Publishing*, 288 p.
26. Harutyunyan, Aghavni (2017b) From China's Concept of Peaceful Rise to the Chinese Great Dream. *LAP Lambert Academic Publishing*, 84 p.
27. Harutyunyan, Aghavni (2018) "The Chinese Dream" as a Vision of PRC's New Phase of Modernization. *Eastern Asian Studies*, Vol.: 3,

- IOS NAS RA, Yerevan, pp. 28-43.
28. Hu, An'gang (2013) The "World Dream" of the Chinese People. *Qiushi*, Vol.: 5, No. 4, Organ of the Central Committee of the Communist Party of China, Beijing, 01 October.
29. Jash, Amrita (2018) Djibouti: A Roadway to China's "Indian Ocean Dream" (ed. Pradeep Chauhan, Gurpreet S Khurana), *Maritime Perspectives 2017*, National Maritime Foundation, pp. 72-74.
30. Khan, H. U., Khalid I. (2018) New Delhi Response to Beijing 'BRI' Project: A Lucid Connection with Chinese "String of Pearls". *Journal of Political Studies*, Vol.: 25, Issue 1, pp. 243-254.
31. Khurana, Gurpreet S. (2008) China's 'String of Pearls' in the Indian Ocean and Its Security Implications. *Strategic Analysis*, Vol.: 32, No. 1, Institute for Defence Studies and Analyses, January, pp. 1-39.
32. Khurana, Gurpreet S (2018a) 'Beyond Hardware and Technology': The Intangibles of China's Naval Power (Part 1) (ed. Pradeep Chauhan, Gurpreet S Khurana). *Maritime Perspectives 2017*, National Maritime Foundation, pp. 196-204.
33. Khurana, Gurpreet S (2018b) China's Aircraft Carrier: 'Dreadnought' or 'Doctrinal Dilemma'? (ed. Pradeep Chauhan, Gurpreet S Khurana). *Maritime Perspectives 2017*, National Maritime Foundation, pp. 176-178.
34. Kleven, Anthony (2015) Is China's Maritime Silk Road a Military Strategy? // *The Diplomat*, 08 December. Available at: <http://thediplomat.com/2015/12/is-chinas-maritime-silk-road-a-military-strategy/?utm_content=buffer8818b&utm_medium=social&utm_source=facebook.com&utm_campaign=buffer> (Last accessed: 09.12.2015).
35. Kuo, Mercy A. (2017) The Power of Ports: China's Maritime March // *The Diplomat*, 08 March. Available at: <<http://thediplomat.com/2017/03/the-power-of-ports-chinas-maritime-march/>> (Last accessed: 08.03.2017).
36. Lain, Sara and Pantucci, Raffaello (2015) *The Economics of the Silk Road Economic Belt. Workshop Report*, Royal United Services Institute for Defense and Security Studies, London, November, pp. 1-4.
37. Lanteigne, Marc (2018) The Role of UN Peacekeeping in China's Expanding Strategic Interests, Special Report 430, United States Institute of Peace, Washington, DC, September, pp.1-6.
38. Li, Cigui (2014) Reflections on Maritime Partnership: Building the 21st century Maritime Silk Road. *China International Studies (CIIS)*, Beijing, July/August, p. 9.
39. Li, Fanjie (2014) The Prospect of Sino-US Maritime Conflict and Cooperation // *China International Studies*, China Institute of International Studies (CIIS), Beijing, 20 January. Available at: <http://www.ciis.org.cn/english/2014-01/20/content_6623542.html> (Last accessed: 17.06.2019).
40. Lin, Christina (2011) The New Silk Road: China's Energy Strategy in the Greater Middle East. *Policy Focus*, No. 109, The Washington Institute for Near East Policy, April, pp. 1-48.
41. Marine Insight (2019) What are Maritime Chokepoints? // *Marine Insight*, 11 October. Available at: <<https://www.marineinsight.com/marine-navigation/what-are-maritime-chokepoints/>> (Last accessed: 11.10.2019).

42. Nantulya, Paul (2019) Chinese Hard Power Supports Its Growing Strategic Interests in Africa // Africa Center for Strategic Studies, 17 January. Available at: <<https://africacenter.org/spotlight/chinese-hard-power-supports-its-growing-strategic-interests-in-africa/>> (Last accessed: 17.01.2019).
43. Naval War College Press (2011) Naval War College Review. Vol.: 64, No. 1, U.S. Naval War College Press, Newport, RI, Winter, 170 p.
44. Matar, Jimmy (2018) China's Rising Role in the Middle East: An Overview // Meirss, 15 August. Available at: <<http://meirss.org/chinas-rising-role-middle-east-overview/>> (Last accessed: 15.08.2018).
45. Molavi, Afshi (2018) Enter the Dragon: China's Belt and Road Rising in the Middle East // The Caravan, Issue 1819, Hoover Institution or Stanford University, 02 October. Available at: <<https://www.hoover.org/research/enter-dragon-chinas-belt-and-road-rising-middle-east>> (Last accessed: 27.12.2018).
46. Payette, Alex and Sun, Guorui (Tom) (2017) China's Two Ocean Strategy: Controlling Waterways and the New Silk Road. Asia Focus, No. 31, Asia Programme, The French Institute for International and Strategic Affairs (IRIS), May, pp. 1-23.
47. Qiu, Yuanping (2014) Overseas Chinese and the Chinese Dream. Quishi, Vol.: 6, No. 4, Organ of the Central Committee of the Communist Party of China, Beijing, 01 October.
48. Rahardjo, Soegeng (2015) Reinvigorating Maritime Links between Indonesia, China and Asia-Pacific, Asia's New Future: Towards a Community of Common Destiny. Boao Forum for Asia, Hainan Province, PRC, 26-29 March, pp. 16-18.
49. Renic, Neil (2012) 'Rising China': A Threat to International Security? // E-International Relations (E-IR), 13 April. Available at: <<http://www.e-ir.info/2012/04/13/rising-china-a-threat-to-international-security/>> (Last accessed: 12.02.2019).
50. Roudgar, Iraj (2017) Strategic Competition in the Persian Gulf and Southeast Asia. Journal of Political Science and Leadership Research, Vol.: 3, No. 2, International Institute of Academic Research and Development (IIARD), pp. 74-79.
51. Ruan, Zongze (2014) What Kind of Neighborhood Will China Build? // China Institute of International Studies (CIIS), Beijing, 28 May. Available at: <http://www.ciis.org.cn/english/2014-05/28/content_6942279.htm> (Last accessed: 12.08.2017).
52. Sharma, Anu (2019) An Analysis of 'Belt and Road' Initiative and the Middle East. Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies, pp. 1-16.
53. Sharma, Mihir (2019) The World Shouldn't Save the Belt and Road // Bloomberg, 02 May. Available at: <<https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2019-05-01/western-capital-shouldn-t-help-build-china-s-belt-and-road>> (Last accessed: 02.05.2019).
54. Sterioti, Anthony (2017) The Significance of China's 'String of Pearls Strategy'. SSRN.com, April 09. pp. 1-29
55. Szczudlik-Tatar, Justyna (2013) China's New Silk Road Diplomacy. Policy Paper, No. 34 (82), The Polish Institute of International Affairs (PISM), December, pp. 1-8.
56. Takes (2016) One Belt One Road: Insights for

- Finland. Team Finland Future Watch Report, Takes, the Finnish Funding Agency for Innovation, Helsinki, January, pp. 1-22.
57. Tiezzi, Shannon (2014) China's 'New Silk Road' Vision Revealed // The Diplomat, 09 May. Available at: <<http://thediplomat.com/2014/05/chinas-new-silk-road-vision-revealed/>> (Last accessed: 09.05.2014).
58. Tsering, Dolma (2018) China's 12th National People's Congress (NPC) 2017: Matters 'Maritime' and 'One Belt One Road'. Maritime Perspectives 2017 (ed. Pradeep Chauhan, Gurpreet S Khurana), National Maritime Foundation, New Delhi, pp. 69-71.
59. Yang, Yiechi (2014) China's New Foreign Relations for a Complex World. China International Studies, China Institute of International Studies (CIIS), Beijing, January/February, pp. 5-18.
60. Yung, Christopher D. (2015) Burying China's 'String of Pearls' // The Diplomat, 22 January. Available at: <<https://thediplomat.com/2015/01/burying-chinas-string-of-pearls/>> (Last accessed: 03.06.2019).
61. Yung, C.D., Rustici, R., Devary, S.; Lin, J. (2014) "Not an Idea We Have to Shun": Chinese Overseas Basing Requirements in the 21st Century. China Strategic Perspectives, No. 7. Center for the Study of Chinese Military Affairs, Institute for National Strategic Studies, National Defense University Press Washington, D.C., October, 61 p.
62. Zhou, Bo (2014) The String of Pearls and the Maritime Silk Road // China and US Focus, 11 February. Available at: <<http://www.chinausfocus.com/foreign-policy/the-string-of-pearls-and-the-maritime-silk-road/>> (Last accessed: 11.02.2014).
- In Russian**
63. Алиханов, Руслан (2017) Го, порты и деньги. Зарисовки о фактической стратегии Китая // Forbes, 24 июля. Available at: <<https://www.forbes.ru/biznes/346307-go-porty-i-dengi-zarisovki-o-fakticheskoy-strategii-kitaya>> (Last accessed: 11.02.2014). (Alikhanov, Ruslan (2017) Go, porty i den'gi. Zarisovki o fakticheskoy strategii Kitaya [Guo, Ports and Money. Sketches about the Actual Strategy of China]. Forbes, 24 July).
64. Кувалдин, Стас (2015) Китайская подводная лодка зашла в Карачи // Газета.Ру, 01 июля. Available at: <https://www.gazeta.ru/politics/2015/07/01_a_6862685.shtml> (Last accessed: 01.07.2015). (Kuvaldin, Stas (2015) Kitayskaya podvodnaya lodka zashla v Karachi [Chinese Submarine Entered Karachi]. Gazeta.Ru, 01 July).
65. Лебедева, Нина (2011) Большой Индийский океан и китайская стратегия «Нить жемчуга» // Перспективы, Фонд исторической перспективы, 15 октября. Available at: <<http://www.perspektivy.info/print.php?ID=104809>> (Last accessed: 20.03.2020). (Lebedeva, Nina (2011) Bol'shoi Indiyский океан i kitayskaya strategiya «Nit' zhemchuga» [The Big Indian Ocean and the Chinese "String of Pearls" Strategy]. Perspektivy, Fond istoricheskoy perspektivy, 15 October).
66. Ли, Гуаньцзюнь (2011) Стратегия «нити жемчуга» в контексте морской политики КНР. Вестник Московского университета, Сер. 25. Международные отношения и мировая политика, № 4, - М.: - С.163-174. (Li, Guanjun (2011) Strategiya «nitki zhemchuga» v kontekste morskoy politiki KNR [Pearl String Strategy in the Context of China's Marine Policy]. Vestnik Moskovskogo universiteta,

- Ser. 25. Mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika [Bulletin of Moscow University, Ser. 25. International Relations and World Politics, № 4]. - Moscow: - С. 163-174).
67. Морозов, Ю.В. (2018) Индо-Тихоокеанская стратегия Д. Трамба как угроза интересам Китая и России в АТР. Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXIII: ежегодное издание / сост., отв. ред. Сафронова Е.И. —ИДВ РАН, -М.: — С. 107-120. (Morozov, YU.V. (2018) Indo-Tikhookeanskaya strategiya D. Trampa kak ugroza interesam Kitaya i Rossii v ATR [D. Trump's Indo-Pacific Strategy as a Threat to the Interests of China and Russia in the Asia-Pacific Region]. In: Safronova, Ye.I. (ed.), Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost', Vypusk XXIII: yezhegodnoye izdaniye [China in World and Regional Politics. History and Modernity, Issue XXIII: Annual Edition]. Moscow: IFES RAS. — С. 107-120).
68. Пономарев Н. В. (2016) Влияние военно-политических процессов в Индо-Тихоокеанском регионе на систему безопасности в Северо-Восточной Азии. Вестник СПбГУ, Сер. 6. Политология. Международные отношения, Вып. 4. - С. 108-118. (Ponomarev N.V. (2016) Vliyaniye voyenno-politicheskikh protsessov v Indo-Tikhookeanskom regione na sistemu bezopasnosti v Severo-Vostochnoy Azii [The Impact of Military-Political Processes in the Indo-Pacific Region on the Security System in Northeast Asia]. Vestnik SPbGU, Ser. 6. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya, Vyp. 4. [Bulletin of St. Petersburg State University, Ser. 6. Political Science. International Relations, Vol. 4.] - с. 108-118).
69. Титаренко М.Л. (2008) Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. Памятники исторической мысли /отв. ред. Шабалин В.И. - ИДВ РАН, М.: - 624 с. (Titarenko M.L. (2008) Geopoliticheskoye znacheniye Dal'nego Vostoka. Rossiya, Kitay i drugiye strany Azii [The Geopolitical Significance of the Far East. Russia, China and Other Asian Countries]. In: Shabalin V.I. (ed.), Pamyatniki istoricheskoy mysli [Monuments of Historical Thought]. Moscow: IFES RAS. — 624 с.).
70. Храмчихин, Александр (2017) Жемчужная удавка // Почта Полевая, 26 Май. Available at: <<https://pochta-polevaya.ru/militaryanalytics/geopolitics/eastazia/659/a316629.html>> (Last accessed: 26.05.2017). (Khranchikhin, Aleksandr (2017) Zhemchuzhnaya udavka [Pearl Choke]. Pochta Polevaya, 26 May).
71. Цатурян, Саркис (2016) Малаккский пролив, нефть и большая война: Как США убивают Китай? // ИА REGNUM, 25 Май. Available at: <<https://regnum.ru/news/polit/2136456.html>> (Last accessed: 25.05.2016). (Tsaturyan, Sarkis (2016) Malakkskiy proliv, neft' i bol'shaya voyna: Kak SSHA ubivayut Kitay? [Strait of Malacca, Oil and the Great War: How Does the US Kill China?]. IA REGNUM, 25 May).

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Harutyunyan Aghavni Alexander, Ph.D. in History, Leading Researcher at the Department of International Relations, the Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of Armenia. aghavni.harutyunyan1@gmail.com

Принята к публикации: 10.04.2020

Submission Date: 2020.04.10

ЭВОЛЮЦИЯ И ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ
ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ТАДЖИКИСТАНА

塔吉克斯坦语言政策的演变及发展趋势

陕西师范大学 杨云雅

Ян Юнья

Шэньсийский педагогический университет (КНР)

yunya626ya@163.com

АННОТАЦИЯ

Республика Таджикистан является единственной нетурецкой этнической группой среди пяти стран Центральной Азии, в то же время это страна, в которой смешиваются многоэтнические языки, культуры и обычаи. Будучи одним из государств-членов Советского Союза, после распада Советского Союза его национальная языковая политика претерпела большие изменения: эволюция языковой политики в Таджикистане отражает политический, культурный фон, текущую ситуацию и тенденции развития современного общества и современного Таджикистана. Понимание евразийской цивилизации, трансформация социальной и культурной политики Таджикистана, психологическое состояние людей и тенденции социального развития имеют позитивное значение.

Ключевые слова: Таджикистан, языковая политика, русский

Для цитирования: Ян Юнья, Эволюция и тенденция развития языковой политики Таджикистана. *Современные востоковедческие исследования*. 2020; 2(2): 121–125

摘 要: 塔吉克斯坦共和国是中亚五国中唯一一个主体民族为非突厥语族, 同时又是一个多民族语言、文化、习俗相互交融的国家。作为苏联加盟国之一, 苏联解体后, 其国家语言政策发生了极大变化, 语言政策在塔吉克斯坦的演变反映着现当代塔吉克斯坦政治、文化的背景、现状及发展趋势,

ABSTRACT

The Republic of Tajikistan is the only non-Turkish ethnic group among the five Central Asian nations. At the same time, it is a country where multi-ethnic languages, cultures and customs blend. As one of the member states of the Soviet Union, after the disintegration of the Soviet Union, its national language policy has undergone great changes. The evolution of language policy in Tajikistan reflects the political, cultural background, current situation and development trends of modern and contemporary Tajikistan. Understanding the Eurasian civilization, the transformation of Tajikistan's social and cultural policies, the psychological state of the people and the social development trend have positive significance.

Keywords and phrases: Tajikistan language policy Russian

For citation: Yang Yunya. 塔吉克斯坦语言政策的演变及发展趋势陕西师范大学 杨云雅. *Modern oriental studies*. 2020; 2(2): 121–125

研究其语言政策变化对于了解欧亚文明, 塔吉克斯坦社会文化政策变革, 社会民众的心理状态和社会发展走向有着积极的意义。

关键词: 塔吉克斯坦 语言政策 俄语

正文

引言

语言政策是一个具有时代意义的论题，语言政策通过语言这一载体反映的往往是时代的脉络与变迁。

语言政策通常反映人们在言语交际过程中，针对某种或者某些语言所采取的立场、观点而制定的相关条例、规定、措施、法律等等。语言政策一直以来都是学者们关注的一个重要问题，因为它的演变反映着一个国家政治、文化的背景、现状及发展趋势。

因此，关注塔吉克斯坦不同历史阶段的语言政策，对了解欧亚文明，该国国情时政变迁、社会文化政策变革，社会民众的心理状态和社会发展走向有着重要的现实意义。

二、塔吉克斯坦的语言政策与语言现状

塔吉克斯坦共和国地处中亚东南部内陆，位于阿富汗、乌兹别克斯坦、吉尔吉斯斯坦和中国之间，国土面积共有14.31万平方公里。其西部同乌兹别克斯坦接壤，北部同吉尔吉斯斯坦接壤，东邻中国新疆，南临阿富汗，连接欧亚大陆，地处欧亚文明交汇处。

（一）沙俄及苏联期间的语言政策

16世纪中叶，在俄国沙皇征服中亚前，中亚地区主要使用两种语言，分别为突厥语族的各个语支和东伊朗语的塔吉克语。19世纪，沙俄通过军事手段吞并中亚，此后随着俄国人口的迁移涌入，政府对中亚日益加强统治和管理，并推行了“俄罗斯化”政策，沙俄政府通过兴办学校，讲授俄语并推广俄国文化，使包括现今的塔吉克斯坦在内的当时的中亚出现了俄语与当地民族语言并存的局面。这些政策在很大程度上都为俄语在塔吉克斯

坦的推广奠定了基础。然而，所谓的俄罗斯化并没有取得预期的效果，此后中亚一系列民族解放运动的蓬勃兴起打断了这一进程。

苏联政府的确立，在客观上推动了人口在整个苏联版图上的流动，有很多俄罗斯人涌入塔吉克斯坦，根据史料记载，俄罗斯人的数量在塔吉克斯坦呈现出以下态势：1959年，塔吉克斯坦生活有263000名俄罗斯人；1979年，395089人；1989年，388481人；2000年，68171人。1989年，俄罗斯人在塔吉克斯坦占其人口总数的百分之七点六（同比，1979年，俄罗斯人在塔吉克斯坦占其人口总数的百分之十点四）¹。由此可见，在苏联时期，俄罗斯人以及其所使用的语言，即俄语在塔吉克斯坦有着较大的活跃成分。

苏联政权确立之初，由于国内外形势不稳定，苏维埃政府为了国内局势的稳定，采取了一系列尊重各民族文化的政策，在这一时期比较注重各民族语言的发展。这一举措的实施在很大程度上赢得了苏维埃加盟国的认可，其中就包括塔吉克斯坦。苏联的语言政策，总体上为新生政权的确立与稳固奠定了基础。在当时，俄语仍作为苏联与国际接轨的语言工具，因此，在苏联整个领土范围内，推行俄语，有着很大的现实必要性。同时，站在苏维埃整体立场上，不难理解，推广一个统一的国家共同语言对于巩固政权、便于管理的重要性。但值得注意的是，每一位苏联领导人在任期间所提出的语言政策又有所不同。

与此同时，政府也采取了一些举措，如20世纪30年代，塔吉克语中的阿拉伯字母转化为拉丁文字母；20世纪三四十年代，即斯大林时期，开始推行基里尔字母，这一举措标志着塔吉克文字的形

¹Нозимов А.А. Языковая ситуация в со-временном Таджикистане: состояние, особенности и перспективы: автореферат дис. ... доктора филол. наук. – Душанбе, 2010. – С. 22.

成。上述政策的推行，都在文字层面上体现了“俄罗斯化”，同时在小学生基础入门阶段的课程设置等方面都有所体现，而这些举措在很大程度上，都与沙俄时期所提出的“俄罗斯化”颇为相似。

赫鲁晓夫时期，1961年开始推行双语制度，即把俄语作为广大苏联人民的“第二外语”，同时也将学习俄语视为必要。1958年，塔吉克斯坦政府将民族语言列为选修课，将俄语作为必修课程，然而对于侨居各加盟共和国的俄罗斯族人而言，他们却能够选择是否学习当地语言。这种不均衡、不平等的双语政策导致在1979年时，只有3.5%的俄罗斯族人掌握其他民族的语言。²

勃罗日涅夫时期，其语言政策仍主要表现为民族语与俄语同时存在，即少数民族民众在掌握自己民族语言的同时，也要学会俄语。根据数据显示，1959年，能够熟练掌握俄语的人口占全体居民的70.8%，其中，俄罗斯族人占54.6%；而到了1979年，能够熟练掌握俄语的人口在全体居民的比重已达到81.9%，其中，俄罗斯族人占52.4%；由此可以看出，在这二十年中，俄罗斯族人能够熟练掌握俄语的人口在全体居民中的比重逐渐下降了2.2%，而能够熟练掌握俄语人口的比重却增加了11.1%。³

戈尔巴乔夫执政时期，这一政策依旧曾在推行，而这种“俄罗斯化”的推行，在另一个层面，也在使很多中亚地区少数民族的语言日益衰落，而透过语言这扇镜子，不难发现很多少数民族民众对自己民族语言文化的担忧，甚至对苏联政府这种“俄罗斯化”表示出不满与怨怒。这一项政策，即“双语政策”在苏联时期有着非常深远的影响，至今仍有许

多来自中亚的民众，既可以说一口流利的俄语，在与同乡相遇时，又可以说自己民族地区的家乡话。

（二）过渡期间及苏联解体后的语言政策

在苏联解体前，即1989—1991两年间，苏联各加盟共和国相继颁布了十几部语言法，完成了其语言国有化进程，如1989年塔吉克苏维埃社会主义共和国颁布的《塔吉克斯坦苏维埃社会主义共和国语言法》，这是一部具有过渡色彩的法律，这部法律提出，首次将塔吉克语确立为作为国语的法律地位，并提及将俄语作为其用于国际交往的语言。由此可见，俄语在塔吉克斯坦仍然有着无法取代的地位，而这部法律的推行对于“去俄罗斯化”起到了先河式作用，并为今后塔吉克斯坦语言方面的立法奠定了一定的基础。

苏联解体后，1991年，塔吉克斯坦成为独立的共和国。塔吉克斯坦作为一个刚刚独立的国家，其面临着寻找国家、公民、民族等身份认同的需要，它不仅仅渴望领土政治上的独立，更加渴望文化上的独立。在文化领域，语言对于民族性的形成而言，是强大而有力的手段和工具，因此，塔吉克斯坦政府为了更好地适应这种民众心理，同时也为提升自身的独立性，必须不断采取一系列的措施，这其中就包括在语言上的举措。

塔吉克斯坦最初在语言政策的调整中，最为重要的一项就是确定语言在法律上和实际生活中的地位，明确语言规划的内容与手段，进而确立塔吉克斯坦人民对民族的认同及对语言的认同；激发其民族意识以及对本民族语言的认同意识；预防因语言使用而造成的冲突；定义国家语言政策和语言规划的本质和类型；明确语言政策的实施方式和语言规划活动的有效性；关注国家语言实际发展的相关动态；复兴本民族语言，并提高其生命力。

²康奎斯特·罗伯特主编.最后的帝国—民族问题与苏联的前途[M].刘靖北、刘振前等译.上海：华东师范大学出版社，1993：182.

³鲁特克维奇著.两种语言并用—新的历史性共同体发展的重要因素[J].阮西湖译.民族译丛，1982(4):59.

塔吉克斯坦又制定了一系列相关的法律文件，如《特殊语言实施法律》、《塔吉克斯坦共和国宪法》（1994）、《在塔吉克斯坦共和国境内发展国语和其他语言政府纲要》（1997）、《塔吉克斯坦政府关于在塔吉克斯坦共和国国家领土内发展国语及其他语言的纲领》（1997）、《塔吉克斯坦共和国国家语言法》（2009）等一系列相关的法律文件。在上述所提及的法律中，比较重要且影响力较大的一些法律：1994年颁布实施的《塔吉克斯坦共和国宪法》首次将塔吉克语在塔吉克斯坦领土内，在法律高度上的地位予以确认。在这部法律条款中，明确指出，塔吉克斯坦的官方语言是塔吉克语，俄语是用于国际交往的语言。同时，值得注意的是，在其后分别于1999年和2003年所进行的宪法修正中，该项条款并没有被修改。1997年，塔吉克斯坦政府为了稳定国内环境，为加快《语言法》（1989）在本国的推行，颁布了《在塔吉克斯坦共和国境内发展国语和其他语言政府纲要》（1997），这部法律对塔吉克语的进一步推广起到了一定的促进作用。2009年，塔吉克斯坦政府颁布了新的语言法，即《塔吉克斯坦共和国国家语言法》（2009），这部法律对苏联期间塔吉克斯坦所颁布的《塔吉克斯坦苏维埃社会主义共和国语言法》进行了补充修改。这部法律从整体上重新确立了塔吉克语在法律上的地位，并进一步提升其在塔吉克斯坦经济、政治、文化、外交以及社会生活等方方面面的影响力。其同时也指出，在塔吉克斯坦共和国境内居住的来自所有国家和民族的民众均有权自由使用其母语，由此可见，塔吉克斯坦共和国为各民族文化的传播、各民族语言的发展创造了一定的有利条件。

塔吉克斯坦政府通过颁布法律，制定政策，为其民族语言的推广提供相对稳定和谐的社会环境，

进而更好地将塔吉克语置于官方语言位置上，同时举措的系列化、系统化也在很大程度上有利于激发民众对本民族语言的认可与推崇。

通过对塔吉克斯坦语言政策变化的梳理，我们不难发现“去俄罗斯化”和“俄罗斯化”始终是尤为关键的两个术语。其中，“去俄罗斯化”（деруссификация或дерусификация）是指将俄语从由于自愿或“俄罗斯化”而在一定时期内处于俄语环境中的某些人群的生活中排挤出去或彻底根除的过程⁴，而“俄罗斯化”，则可以理解成与之相对的含义。

在苏联解体前夕，“去俄罗斯化”的浪潮就已在许多加盟共和国掀起，其反映了沙皇帝国时期、苏维埃时期以及现代塔吉克斯坦政府所推行的不同政策及采取的举措，折射了一定历史时期政治的变迁。“去俄罗斯化”反映了塔吉克斯坦民族意识的崛起与独立国家意识的日益兴起，然而俄语作为用于国际交往的语言，在塔吉克斯坦与国际的接轨中，也起到了无法磨灭的作用。

通过塔吉克斯坦近年来语言政策的演变，我们可以发现其具有以下几个重要特征：

第一，塔吉克语复兴的必要性。在苏联解体后，塔吉克斯坦获得领土和民族上的独立，在其国内塔吉克人所占比重较大，为了巩固统治，稳定政治环境，维护祖国统一，确立国家民族意识，发展民族文化，塔吉克斯坦政府通过立法、颁布法案等手段，来提升塔吉克语的法律地位及国际影响力。

第二，语言政策在该国具有一定的矛盾性，而这一特点在俄语语言地位上的变化上得到充分体现。在某一程度上，可以说，“去俄罗斯化”与其国内发展现状及对语言的现实需要呈对立关系，一方面，塔

⁴张宏莉,张玉艳.语言法:塔吉克斯坦“去俄罗斯化”的新发展[J].俄罗斯中亚东欧研究,2010(4):25.

吉克斯坦官方通过立法等手段推广本民族语言，增加本民族语言在各领域的使用；然而，另一方面，俄语现今仍在塔吉克斯坦有着较大的影响力，并广泛地被使用。由此可见，塔吉克斯坦国家语言政策的推广，在某种程度上，并不完全符合人民在现实生活中对语言的需求情况。

第三，一些少数民族的语言面临危机。伴随着一系列关于塔吉克语的法律颁布并推广的同时，可以发现，该国除了塔吉克语，俄语，乌兹别克语等语言外，仍有一些少数民族语言，其在进一步发展、推广等方面仍面临着诸多问题，所以对这一现状应予以更多的关注。

第四，针对全球化的时代大背景，可想而知，在当今塔吉克斯坦语言政策制定的过程中，其振兴本民族语言的同时，也面临着英语的冲击，如跨国公司的入境、外国人才的引进、高校人才的交换学习等。由此可见，塔吉克斯坦此时所应面对的不仅仅是单纯一味地推崇本民族语言，而应在国际图景中更好定位本民族语言，提升本民族语言的同时，开拓国际视野，关注国际潮流发展的脉搏与方向。

三. 结语

由此可见，完全实现“去俄罗斯化”，对于塔吉克斯坦而言，绝不是一蹴而就的一件事，这需要塔吉克斯坦政府将本国语言文化进行国际化的推广，进而增加塔吉克语的国际影响力，而在这其中，最为重要的仍是提升塔吉克斯坦在现代国际社会的国际地位，所以，现今对于塔吉克斯坦而言，所谓实现民族独立，语言独立，仍然需要进一步发展经济，最大程度上发挥政治上的影响力，为本民族文化崛起，民族独立，语言复兴争夺更多的话语权。

现今，塔吉克斯坦语言政策的未来方向和变化似乎并不明确，塔吉克语还并没有完全发挥国家语言的作用，其在全国诸多地区、很多领域尚且不能完全取代俄语。因此，很长一段时期内，无需质疑的是，俄语作为语言这样一种交际的媒介与手段，在塔吉克斯坦仍有较大的使用前景与现实价值，对此予以更多地关注与探索，对于了解塔吉克斯坦国家语言面貌，掌握其国情发展脉络有着重要意义。

ЛИТЕРАТУРА/ 参考文献:

1. Нозимов А.А. Языковая ситуация в современном Таджикистане: состояние, особенности и перспективы: автореферат дис. ... доктора филол. наук. – Душанбе, 2010. – С. 22.
2. 康奎斯特·罗伯特主编.最后的帝国—民族问题与苏联的前途[M].刘靖北、刘振前等译.上海: 华东师范大学出版社, 1993: 182.
3. 鲁特克维奇著.两种语言并用—新的历史性共同体发展的重要因素[J].阮西湖译.民族译丛, 1982(4):59.
4. 张宏莉,张玉艳.语言法:塔吉克斯坦“去俄罗斯化”的新发展[J].俄罗斯中亚东欧研究, 2010(4):25.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Yang Yunya

Shaanxi Normal University (PRC)

People's Republic of China

yunya626ya@163.com

Принята к публикации: 10.04.2020

Submission Date: 2020.04.10

**SPECIAL FEATURES OF WOMEN'S SPEECH
IN RUSSIAN AND JAPANESE LANGUAGES
ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОЙ РЕЧИ В РУССКОМ
И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ**

Афанасьева Арина Александровна, Ибатуллина Диляра Госмановна

Казанский (Приволжский) федеральный университет

arisha0799@mail.ru, dilyara.ib@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрены особенности женской речи в разных языках мира, в частности в русской и японской. Актуальность данной темы обусловлена тем, что учебная литература большей частью ориентирована на мужскую речь, так как долгое время особенностям женской речи внимания не уделяли совсем. Гендерная лингвистика, получившая свою популярность в западных странах, выявила, что различия между речью мужчин и женщин существовали всегда и везде. Данная информация способствовала возникновению интереса многих ученых к данной теме и сподвигла разобраться в стилистических особенностях речи женщин Японии и России в данном исследовании. Целью данного исследования было выявить причины различий женской речи в русском и японском языках. В данной работе использована следующая методология: анализ, сравнение, сбор данных. В результате исследования были выявлены основные особенности речи русских и японских женщин. Исследование было сделано на основе литературы и научных работ отечественных, зарубежных и японских авторов с целью выяснения основных отличий речи женщин двух стран. Особенности женского типа речи в Японии проявляются на различ-

ABSTRACT

This article discusses the features of female speech in different languages of the world, in particular in Russian and Japanese. The relevance of this topic is due to the fact that the educational literature is mainly focused on male speech, since for a long time no attention was paid to female speech at all. Gender linguistics has gained its popularity in Western countries. This science revealed that the differences between the speech of men and women have existed always and everywhere. This information contributed to the interest of many scientists in this topic and helped to understand the stylistic characteristics of the speech of women in Japan and Russia in this study. The purpose of this article is to identify the causes of differences in female speech in Russian and Japanese. Method analysis, comparison and data collection were used in this work. As a result of the study, the main singularity of the speech of Russian and Japanese women were identified. The study was made on the basis of literature and scientific works of domestic, foreign and Japanese authors in order to clarify the main differences between the speech of women of the two countries. Features of the female type of speech in Japan are manifested at various language levels, namely: phonetic, lexico-grammatical, gender, age, situational and politeness.

ных языковых уровнях, а именно: фонетическом, лексико-грамматическом, гендерном, возрастном, ситуационном и уровне вежливости.

Ключевые слова: русский язык, японский язык, женская речь, феминизм, сходство языков, различие языков.

Для цитирования: Афанасьева А. А., Ибатуллина Д. Г., Особенности женской речи в русском и японском языках. Современные востоковедческие исследования 2020; 2(2): 126-131

ВВЕДЕНИЕ

Различия в речи мужчин и женщин интересуют ученых уже давно. Эти различия, казалось бы, очевидны и лежат на поверхности: во-первых, это биологические особенности, во-вторых, говоря о звуковой окраске голоса, можно сказать, что тембр мужского голоса гораздо ниже женского. Однако в действительности истоки различий заложены гораздо глубже. Во времена Древней Руси грамотными могли быть только мужчины. Письменность начала развиваться в монастырях [Лихачев, 2000, С. 60]. Так же и в Японии только мужчины могли писать иероглифами, а для женщин это было неприемлемо. Женщины могли писать только японской азбукой (хираганой) [Нагара, 2016, С. 114].

В современном мире ситуация изменилась. Большинство женщин и мужчин грамотны, а также и женщины, и мужчины Японии используют в письме хирагану и иероглифы. В XXI веке мужчины могут использовать в своей речи женскую лексику, а женщины мужскую. При этом грамматически неправильной их речь не будет.

В каждом языке есть особенности: фонетические, лексические, грамматические. В одном языке большую роль в построении предло-

Keywords and phrases: Russian language, Japanese language, women's speech, feminism, similarities of languages, differences of languages.

For citation: Afanasyeva A.A., Ibatullina D.G., Special features of women's speech in russian and japanese languages. Modern Oriental studies 2020; 2(2): 126-131

жения играют частицы. В другом языке люди используют разные местоимения в зависимости от сложившейся ситуации. Также существуют факторы, которые влияют на эти особенности, такие как социальный статус, возраст собеседника, взаимоотношения с ним. Например, девушка 25 лет не может обратиться к начальнику 60 лет на «ты». В данной ситуации девушка будет выглядеть необразованной и невоспитанной. То есть такие незначительные факторы, как взаимоотношения между говорящими, пол, обстоятельства, играют весомую роль в процессе коммуникации.

Через изучение любого языка можно понять происходящие социальные процессы. В использовании языковых форм отражаются отношения между людьми. Так, речевое поведение женщин в Японии является следствием их нижестоящего положения в обществе, в то время как речевое поведение женщин России свидетельствует об их стремлении к равенству во всем.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для исследования вопроса женской речи в Японии и России были изучены труды многих выдающихся отечественных ученых, таких как

Д.С. Лихачев, В.М. Алпатов, по таким направлениям как культура двух стран, речь носителей двух языков. Также важную роль сыграли работы зарубежных авторов, в которых были четко прописаны особенности женской речи в Японии. В ходе изучения вопроса научной работы был использован системный подход, который позволил сделать выводы о специфике женской речи в России и Японии. Также были использованы методы сравнительного анализа для выявления различий феминной речи. Довольно полезными оказались личные наблюдения и сведения, почерпнутые из бесед с носителями языков. По результатам анализа данной темы были сделаны выводы, на основе которых была выявлена общая ситуация, сложившаяся в Японии и России.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Особенности женского типа речи в Японии проявляются на различных языковых уровнях. На фонетическом уровне выделяются следующие особенности:

Ассимиляция звука [い(i)]: “知ってる” [shitteru] вместо “知っている” [shitteiru] («я знаю»); Пример: わたしの知ってるヨンちゃんじゃない! かつこよすぎる! Это не господин Ен, которого я знаю. Этот чрезвычайно крут!

Удлинение гласных звуков “すごうくよかった” [sugookuyokatta] вместо “すごくよかった” [sugokuyokatta] («было очень хорошо»); Пример: ゆず的にトイストーリー4はアラジンの実写版ライオンキングの実写版の比喩物にならないくらいすごうくよかった。《История игрушек 4》 была настолько крутой, что не

сравнима даже с эволюционной версией мультфильма «Алладин» и «Король Лев».

Исчезновение звука [ら(ra)] перед гласным или носовым: “わかんない” [wakannai] вместо “わakaranない” [wakarannai] («не знаю») [Шабамото, 1985, С. 94]. Пример: みんながどういうのが欲しいのかわかんないけど、私はこれが欲しい。Я не знаю, чего хотят все, но я хочу этого.

Предполагая возможные причины данных особенностей в речи женского пола, можно выявить следующие основания, которые затрагивают как культурные аспекты, так и изменение речи в силу социальных и технических причин. К примеру, ассимиляция звука [i] и исчезновение звука [ra] связано с технологическим прогрессом, а именно с созданием сотовых телефонов и интернета, распространением социальных сетей. Представительницы женского пола в основном, переписываясь по телефону, выкладывая в сеть информацию или комментируя посты, изменяли слова с целью сокращения текста. Удлинение гласных звуков связано с мелодичностью японского языка и высоким эмоциональным фоном женщин в силу биологических причин.

На лексико-грамматическом уровне существует разделение личных местоимений на мужские и женские, но женщины довольно часто используют в речи частицы противоположного пола (“俺、僕”) [Шабамото, 1985, С. 95]. Пример: しかし俺にとってはどんな大きな花火よりこの笑顔が最高の花火。Но для меня эта улыбка – лучше, чем любой большой фейерверк. Подобное использование женщинами мужских местоимений может быть связано с желанием уравнивания женщин с мужчинами.

Кроме пола собеседника и говорящего, на выбор местоимения влияют и другие факторы, такие как возраст, общая ситуация и степень выбранной вежливости. Лексические различия весьма заметны в лексике молодых людей. В послевоенные годы молодые девушки стали основными создателями новых слов, которые представляют одну из особенностей женской речи. В языке молодежи «вакамоного», используются американизмы (“ナウ” (“Now” – «сейчас»), “ヴァズ” (“Was” – «был»)) [Янковская, 2016, С. 80]. Пример: なんかが心配してるナウ。Что-то я сейчас волнуюсь.

На выбор вежливых языковых форм существенно влияют такие факторы, как социальный статус, возраст и обстоятельства, а также определение дистанции между участниками речевого акта, их взаимоотношения. При обращении к вышестоящему лицу женская речь будет вежливее, чем мужская, и это выражается в разных грамматических формах глагола [Алпатов, 1980, С. 62].

Что касается вежливости женщин Японии, то в первую очередь нужно сказать о принижении себя перед собеседником. Женщины в браке принимают подчинительную позицию. Женщины никогда не будут спорить с супругами, даже если те не правы [Рыспекова, 2009]. Безусловно, это можно отнести к культурным традициям страны.

Также женщины используют различные суффиксы при обращении к собеседнику. Самым распространенным и нейтральным является суффикс –сан. Но представительницы женского пола довольно часто в речи используют

суффикс –кун, который является исконно мужским, при разговоре с сослуживцами или с мужчинами того же возраста или социального положения [Рыспекова, 2009].

В русском языке также есть множество особенностей женской речи. Примером тому является фраза, которую многие мамы говорят своим дочерям: «Доченька, девочки так не говорят!», т.е. у женщин есть своя особая манера речи.

Ярко выраженной отличительной особенностью женской речи в русском языке является морфология. У глаголов прошедшего времени третьего лица используются мужской и женский род. К примеру: шёл–шла, ел–ела, пел–пела, играл–играла. В целом, необходимо упомянуть, что в русском языке существуют три рода: мужской, женский и средний, в отличие от японского, где понятие рода существительных и глаголов отсутствует.

В фонетике женщинам присуще явление мелодичности с последующим растяжением гласных [СпЛс’и:бъ]. У женщин заметна ассимиляция по мягкости [Дтс’в’издán’ь]. То есть женская речь мелодична [Курделяс, 2014, С. 144].

Говоря о лексике, можно отметить, что женщины произносят слова иначе. Они используют в речи междометия, которые помогают выразить спектр различных эмоций (ай, боже мой, вау и т.д.). Пример: Ай, даже не говори! Боже мой! Как мне теперь быть? Вау! Какое красивое платье.

Датский лингвист Отто Есперсен писал, что темы бесед, которыми могли пользоваться женщины, могли бы найти отражение в книгах по этикету. К примеру, женщинам запрещалось использовать в своей речи бранные слова, выразить

злость. Они должны были разговаривать мягко, тихо и спокойно. Сегодня женскому полу разрешено использовать уменьшительно-ласкательные слова, чтобы передать свои эмоции: «безумно приятно», «красивенько» и т.д. Пример: И всё же безумно приятно, когда тебе дарят цветы!

Несмотря на то, что во все времена грубая и бранная речь встречалась только в лексиконе мужчин, в XXI веке зачастую можно услышать обращение девушек к подругам, такое как «девки» [Курделяс, 2014, С. 112]. Пример: Вы, девки, совсем разум потеряли – в такие дела влезаете.

Если говорить о вежливости, то становится заметным, что русские женщины не стараются принизить себя в окружении других людей, как это делают женщины Японии. Наоборот, в России женщины стараются быть «на равных» с собеседником. Но иногда такое поведение в обществе мужчины может вызвать агрессию с его стороны, так как сильный пол воспринимает такое отношение как вызов и пытается подавить женщину [Столяренко, 2016, С. 242].

ВЫВОДЫ

Таким образом, можно сделать следующие выводы о речи женщин Японии и России. Главными сходствами являются фонетические особенности, где гласные звуки более протяжны по сравнению с мужской речью. Также характерны использования междометий и частиц в процессе коммуникации.

Главным отличием является речевое поведение, вежливость женщин двух стран. В Японии женщины занимают подчиненное положение, это очевидно. В то время как в России женщины стараются общаться с собеседни-

ком «на равных». Также такие факторы как социальный статус, возраст собеседника и взаимоотношения с ним, играют важную роль. Более того, женщины в России более эмоциональны, используют множество междометий, что совсем не характерно для женщин Японии.

Данные трансформации произошли за счет культурных традиций, социальных и технологических изменений. Ведь мир не стоит на месте, а развивается. Язык тоже не остается без изменений.

В данной работе были затронуты и проанализированы некоторые особенности речи женщин Японии и России. Они требуют более детального анализа. Современные русский и японский языки представляют большой интерес в плане изучения новых тенденций, возникающих в них.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачев Д.С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. 436 с.
2. Нагара С., Наканиси Я., Игути А. Японский язык для всех. СПб.: Каро, 2016. 512 с.
3. Шабото Ж.С. Язык женщин Японии. Нью-Йорк: Академик, 1985. 190 с.
4. Янковская В.А. Молодежный стиль в японском языке [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/molodezhnyu-stil-v-yaponskom-yazyke> (дата обращения: 18.12.2018)
5. Алпатов В.М. О мужском и женском вариантах японского языка // Вопросы языкознания, 1980. №3. С. 58-68.
6. Рыспекова Н.С. Мужская и женская вежливая

- речь в японском языке [Электронный ресурс]. URL: <https://articlekz.com/article/4918> (дата обращения: 2.03.2019)
7. Курделяс А.А. Исследование особенностей мужской и женской речи на фонетическом и лексическом уровнях языка [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22447600> (дата обращения: 15.02.2019)
 8. Столяренко Л.Д. Психология: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2016. 592 с.
 - article/4918 (date: 2.03.2019)
 7. Kurdeljas A.A. Issledovanie osobennostej mužskoj i ženskoi reči na fonetičeskom i leksičeskom urovnjah jazyka [Research of special features of men and women's speech in phonetic and lexical language levels] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22447600> (date: 15.02.2019)
 8. Stoljarenko L.D. Psihologija: učebnik dljavuzov [Psychology. Book for universities]. SPb.: Piter, 2016. 592 p.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Lihachev D.S. Russkajakul'tura [Russian culture]. M.: Iskusstvo, 2000. 436 p.
2. Nagara S., Nakanisi J., Iguti A. Japonskij jazyk dljavseh [Japanese for everyone]. SPb.: Karo, 2016. 512 p.
3. Shabamoto J.S. Jazyk ženshhin Japonii [Japanese women's language]. New-York: Academic, 1985. 190 p.
4. Jankovskaja V.A. Molodezhnyj stil' v japonskom jazyke [Young people's style in Japanese language] URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/molodezhnyj-stil-v-yaponskom-jazyke> (date: 18.12.2018)
5. Alpatov V.M. O mužskom i ženskoi variantah japonskogo jazyka. [About man and woman variants of Japanese language] // Vo-prosy jazykoznanija, 1980. №3. P. 58-68.
6. Ryspekova N.S. Mužskaja i ženskaja reč' v japonskom jazyke [Polite speech of men and women in Japanese language] URL: <https://articlekz.com/>

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Bachelor student, **Arina Afanasyeva**
Higher School of Foreign Languages and Translation
Kazan Federal University
420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18
Russia
arisha0799@mail.ru

Master degree student, **Dilyara Ibatullina**
Institute of International Relations, History and Oriental Studies
Kazan Federal University
420008, Kazan, Pushkina Street 1/55
Russia
dilyara.ib@gmail.com

Принята к публикации: 10.10.2019

Submission Date: 10.10.2019

СПЕЦИФИКА ФЕНОМЕНА РЕИНКАРНАЦИИ
НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ МО ЯНЯ
«УСТАЛ РОЖДАТЬСЯ И УМИРАТЬ»

SPECIFICS OF THE REINCARNATION PHENOMENON
ON THE EXAMPLE OF MO YAN'S WORK
'LIFE AND DEATH ARE WEARING ME OUT'

Габдрашитова Регина Ильгизовна

Студентка кафедры китайского языка Института иностранных языков

Московского городского педагогического университета

gabgleexen@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается специфика буддийского феномена реинкарнации на примере просвещения главного героя романа Мо Яня «Устал рождаться и умирать». Перерождение в буддизме объясняется свойственным всем живым организмам чувством желания. Главный герой – землевладелец Симэнь Нао перерождается поэтапно в шесть различных животных и сталкивается с вопиющей несправедливостью, всячески пытаясь изменить свою судьбу. В итоге Симэнь Нао, устав бороться с превратностями судьбы, осознает свою сущность, прощает и смиряется со своей участью. За счет чего герой прерывает круг сансары.

Ключевые слова: Буддизм, реинкарнация, Сансара, «Устал рождаться и умирать», Мо Янь.

Для цитирования: Габдрашитова Р. И., Специфика феномена реинкарнации на примере произведения Мо Яня «Устал рождаться и умирать». *Современные востоковедческие исследования.* 2020; 2(2): 132-137

ABSTRACT

In this article we will look into the specifics of the Buddhist phenomenon of reincarnation within the life of a main character from the novel 'Life and Death Are Wearing Me Out' by Mo Yan. A notion of rebirth in Buddhism could be explained through the feeling of desire possessed by every living creature. The main character is a landowner named Ximen Nao. One after another he rebirths into six different animals. Ximen Nao faces an appalling injustice while trying to change his destiny. In the end, the main character, too weak to fight, realizes his essence and comes to terms with his fate. Therefore he is able to break the Samsara circle.

Keywords and phrases: Buddhism, reincarnation, Samsara, Life and Death Are Wearing Me Out, Mo Yan.

For citation: Gabdrashitova R.I., Specifics of the reincarnation phenomenon on the example of Mo Yan's work 'Life And Death Are Wearing Me Out'. *Modern oriental studies.* 2020; 2(2): 132-137

ВВЕДЕНИЕ

Буддизм как одно из ведущих религиозных течений впитал в себя множество практик и учений. Одним из важнейших учений Будды является положение о «Четырех благородных истинах». Данное положение объясняет страдания через свойственное всем живым организмам чувство желания, которое определяет гипотезу перерождения, или реинкарнацию. Реинкарнация как буддистская практика не раз освещалась во множестве литературных источниках.

В качестве подобного литературного источника выступает произведение Мо Яня «Устал рождаться и умирать». Бывший земледелец Симэнь Нао, застреленный односельчанами в ходе аграрной реформы Китая середины прошлого столетия, перерождается в тела шести животных до тех пор, пока не освободится из круговорота рождений и смертей, а также всех страданий материального бытия.

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Другими словами, идея о шести перерождениях в буддизме является главенствующей в романе «Устал рождаться и умирать». Замысел написания романа зародился у Мо Яня на экскурсии в одном из буддистских храмов в городе Чэндэ. Где писатель обратил внимание на буддистский текст, из которого он узнал о Колесе Бытия, являющимся символом буддистского учения о пути к просветлению через непрерывную цепь рождений и переходов из одного существования в другое [9]. Такое колесо в индийских религиозных учениях называется также «Сансара».

Помимо индийских религий, понятие о судьбе, жизни человека представляются во многих культурах. Многие ученые отмечают, что восточное понятие о карме прочно вошло

и в европейскую культуру, «представление о судьбе, как о вращающемся колесе вошло в европейскую культуру в средние века благодаря прецедентному тексту «Утешение философии» Боэция, хотя такое понимание судьбы существовало задолго до появления этого труда римского философа» [Чупрына, 2018, С.122].

Известно, что в буддийском учении корень страдания – желание, влечение, *привязанность к жизни*. Страдания в Сансаре повсеместны. Страдания сопровождают человека в течение всей его жизни. Человек должен оставить Сансару, порождающую страдания, дающую почву для несчастий и прибежищу злу, обрести подлинное счастье [Пахомов, 2016, С. 255]. Карма неразрывно связана с реинкарнацией. Несмотря на буддистскую концепцию романа, Мо Янь не очень строго придерживается буддистской доктрины. Вместо этого концепция Сансары играет роль основы для дальнейшего развития событий и сюжетной линии в произведении.

События романа происходят на фоне различных культурных и политических изменений, в которые входят такие важные политические и социальные события, как: земельная реформа, политика большого скачка, культурная революция и политика реформ и открытости, все перечисленные политические и социальные потрясения китайского народа, безусловно, также являются главными темами произведения. Протагонист и главный герой романа Симэнь Нао проживает свою жизнь в качестве богатого земледельца в деревне Симэньтун, расстрелянного из-за межличностных противоречий между соседями в ходе аграрной реформы 1947-1952 г.г., Далее герой продолжает свою земную жизнь через поэтапные реинкарнации в осла, вола, свиньи, собаки, обезьяны и, в конечном счете, перерождается

в большеголового ребенка. Все шесть реинкарнаций охватывают период с 1950 по 2000 годы, где каждое перерождение длится приблизительно по десять лет. Читатель посредством и через призму глаз животных, прослеживает, как менялся социальный устрой китайской деревни, как трансформировались отношения между односельчанами, и как на все вокруг повлияли вышесказанные политические, социальные и культурные преобразования.

Попав в загробное царство к владыке ада Ло-вану, Симэнь Нао не раскаивается в своих грехах: *«Нет моей вины, оговор это всё!»* [Янь, 2014, С. 9]. Герой отчаянно требует справедливости, подвергаясь множественным пыткам в подземном мире. Жестокость судьбы рождает травму главного героя, который в последствии становится одержимым желанием. Уверенный в своей правоте Симэнь Нао требует у Ло-вана шанса вернуться обратно в прежнее человеческое тело для восстановления справедливости. Он одержим идеей узнать ответы на свои вопросы. Другими словами, Симэнь Нао желает не простого воскрешения, а отмены события повлекшего изменения в его судьбе и восстановления прошлого порядка. Как утверждает Ицзюй Хуан [2016], в этом призыве есть что-то глубоко парадоксальное. Поскольку для главного героя, возвращение в прошлое – это есть то самое желанное будущее, на которое он уповает.

Перелистывая страницы романа, у читателя непременно возникает вопрос о справедливости. Как это могло случиться? Как хороший человек в одночасье смог стать преступником? Почему с ним так поступили? Еще более захватывающая проблематика состоит в том, что мертвец Симэнь Нао желает невозможное, он хочет, чтобы было удовлетворено его желание – изменить прошлое. Требование вернуть

мертвеца в прежнее тело противоречит принципам сансары.

Может показаться, что реинкарнации Симэнь Нао не соответствуют его карме. Карма является законом причины и следствия, согласно которому действия при жизни человека определяют его дальнейшую судьбу. Сюжет романа сразу начинается с действий в загробном царстве. Сведения о деяниях главного героя в роли землевладельца предоставляются самим Симэнь Нао, в достоверность которых читателю остается только поверить.

Изучив концепцию сансары и реинкарнации, становится очевидно, что главный герой и протагонист романа находится в круговороте сансары, и все, что остается сделать Ло-вану – это отправить его в мир живых в виде домашнего скота в ту же самую родную герою деревню с убившими его односельчанами, чтобы в последствии помочь Симэнь Нао преодолеть его одержимость и желание. Преодоление указанных пороков, освобождение от круговорота перерождений и смертей в буддизме называется «мокшей». Мокша (санскр.) – освобождение от круговорота рождений и смертей, синоним нирваны [1].

Перерождаясь, бывший землевладелец помнит и свою человеческую жизнь, и жизни животных, в телах которых он пребывает. Однако человеческое «Я» героя и животное «Я» смешиваются, где человеческий разум преобладает на животным, но сущность животного проявляется в мыслях и поступках.

Кажется, что особое, символическое значение реинкарнаций героя состоит в том, что независимо от того, в какую форму он перерождается, Симэнь Нао сталкивается с жестокостью судьбы и мучительной смертью.

Переродившись в осла, главный герой, снова столкнувшись с жестокостью односельчан, был растерзан на мясо во время жестокого голода. Как было сказано выше, разум Симэнь Нао уже с первого перерождения был затуманен животным инстинктом осла. Он проявляет желание к самке осла, однако, герой все же слышит и реагирует на окружающий его мир как Симэнь Нао - человек [Leung, 2016, С. 202]. Реинкарнация Симэнь Нао в вола, в свою очередь, представляется одной из самых ключевых. Траектория жизни вола Симэня постепенно отходит от желания мести и справедливости, на их место приходит некоторое большее нравственное духовное понимание. Смирненное принятие своей смерти быть сожжённым заживо на глазах у деревни говорит отчасти о принятии и преодолении страданий. Вол выдерживает истязание в решительном спокойствии духа, лишь с тихими признаками страдания: «Ты лежал, уткнувшись в землю, глаза плотно зажмурены, земля вокруг в крови: от ударов бичей открылись раны на щеках. Уткнувшись в землю, ты дышал громко, с одышкой» [Янь, 2014, С. 249]. Сдерживая боль и страдания, в глазах людей он казался не домашним скотом, а человеком. Наблюдавшим за зрелищем односельчанам стало неловко и даже стыдно: «...и это породило в душах сомнение, в головах всплывали этические установления древности, сказания о духах и демонах. Может, это человек, обернувшийся волем? Или дух какой-нибудь? Или Будда, терпящий страдания, чтобы наставить заблудших людей на путь истинный, чтобы они обрели просветление?» [Янь, 2014, С. 249]. Таким образом, своим поступком вол Симэнь не только изменил представление этих людей о животных, но и указывает на их жестокость и черствость.

Как упоминалось ранее, Мо Янь представляет буддизм через призму собственного, авторского понимания. Писатель подстраивает концепции реинкарнации и Сансары под себя, ровно также как и сюжетную линию романа. В его понимании, шесть перевоплощений главного героя должны сломать «настойчивость», иными словами, герой должен постигнуть мокшу. Можно сказать, что «Устал рождаться и умирать» – это ода личной трагедии автора и его собственного желания справедливости. Причина, по которой страдает Симэнь Нао, заключается в нежелании «отпустить». Последовательное перерождение главного героя, переживание прошлой травмы может выступать в качестве попытки справиться с травмой, забыть о прошлых событиях, и тем самым постигнуть вышеупомянутую мокшу, переродившись в большеголового ребенка. Однако вместо того, чтобы справиться с травмой, последовательные реинкарнации полностью уничтожают привязанность героя к изначальному «Я». Симэнь Нао, озабоченный своей воображаемой личностью, по началу не в состоянии принять издевательства судьбы, но впоследствии представления о прошлом «Я» исчезают, а понятия индивидуальности главного героя полностью подрываются. С точки зрения первоначального казненного землевладельца, большеголовый ребенок Симэнь Нао уже не самодостаточная личность.

Очевидно, что самым значительным примером того, как главный герой проходит личностную трансформацию через реинкарнации является его героический поступок в обличье свиньи. По сравнению с его прошлыми жизнями, хряк Симэнь (Шестнадцатый) проявляет исключительную щедрость и нежность. В сцене, где он жертвует собой, ныряя в ледяную воду для спасения детей, вместе со своим

телом, Шестнадцатый жертвует и своими интеллектами, и надеждой переродиться в Симэнь Нао. Сцена смерти Шестнадцатого значительно отличается от жестоких смертей Симэнь Нао в других реинкарнациях – будучи расчлененным, съеденным, сожжённым, похороненным заживо, и застреленным в предыдущих случаях, здесь главный герой тонет подо льдом [Huang, 2016, С. 306]. Жертвуя собой ради детей родной деревни, Шестнадцатый подобно принимает свою участь, свою судьбу. Он становится символом подлинного одобрения, настоящей образом гармонии и полноценности. Его родной город, будучи раньше рассадником его травм, практически преобразовался в доброжелательное место, где живут добрые и умные люди. Симэнь Нао прощает их. Он преодолел свое собственное желание и травму, в последующем разорвав круг жестокости. В конечном итоге, круг Сансары будет прерван. Проживая жизни собаки, обезьяны, главный герой перерождается в большеголового ребенка, память которого сохранила все предыдущие жизни и воспоминания человека, когда-то называвшего себя Симэнь Нао.

ВЫВОДЫ

Расселение Исходя из вышесказанного становится понятно, что благодаря реинкарнации человек осуществляет трансформацию личности. На его карму влияют собственные действия. То есть вырисовывается причинно-следственная связь, заключающаяся в постулате: любые действия порождают определенные последствия. Феномен кармы в буддизме чрезвычайно важен, поскольку именно благодаря карме осуществляется самопознание, осознание своего бытия. Философия показывает, как с помощью самоуничтожения, происходящего по кругу, рано или поздно доходит осознание

своих ошибок, происходит самоусмирение и душа обретает покой. Индийское учение явно отражает влияние происходящих событий, окружающего мира на жизнь человека, его привязанность к бытию. И в то же время выставляет его одержимость и желание пороком, избавившись от которого, можно разорвать круг Сансары, мучений и испытаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. ВикиЧтение – Словарь терминов [Электронный ресурс]. URL: // <https://religion.wikireading.ru/121782> (Дата обращения: 11.03.2020).
2. Пахомов С. В. Категория сансары в философии индуистского тантризма // Вестник Русской христианской гуманитарной академии, 2016. С. 253-262.
3. Чупрына О.Г., Баранова К.М., Меркулова М.Г. Судьба как концепт в языке и культуре // Вопросы когнитивной лингвистики, 2018. №3. С. 120-125.
4. Янь М. Устал рождаться и умирать. СПб. Амфора, 2014. 703 с.
5. Akhavan O. Samsara, Karma, and Self-Enlightenment: A Buddhist Perspective on Mo Yan's Life and Death Are Wearing Me Out // Studies in Literature and Language. Rafsanjan: CSCanada, 2015. № 2. P. 11-18.
6. Huang Y. A Buddhist Perspective: Trauma and Reincarnation in Mo Yan's "Life and Death Are Wearing Me Out" // Modern Chinese Literature and Culture, 2016. №2. P. 285-312.
7. Leung L. Contemporary Chinese Fiction Writers: Biography, Bibliography, and Critical Assessment. New York: Routledge, 2016. 410 с.
8. Wang J. Chapter Title: Religious Elements in

- Mo Yan's and Yan Lianke's Works. / Wang J. // Mo Yan in Context: Nobel Laureate and Global Storyteller – West Lafayette: Purdue University Press, 2014. P. 139-152.
9. WUYS – 莫言: 《生死疲劳》诠释六道轮回 [Электронный ресурс] URL: // http://www.wuys.com/news/article_show.asp?articleid=35929 (Дата обращения: 10.03.2020).
8. Wang J (2014) 'Religious Elements in Mo Yan's and Yan Lianke's Works', in Duran A., Huang Y. (ed.) Mo Yan in Context: Nobel Laureate and Global Storyteller. West Lafayette: Purdue University Press, pp. 139-152.
9. 佚名 (2012) 莫言: 《生死疲劳》诠释六道轮回, Available at: http://www.wuys.com/news/article_show.asp?articleid=35929 (Accessed: 10th March).

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Wikireading – Slovar' terminov [Vocabulary of terms] Available at: <https://religion.wikireading.ru/121782> (Accessed: 11th March 2020).
2. Pahomov, S.V. (2016) Kategorija sansary v filisofii induistckogo tantarizma [Samsara Category in Hindu Tantrism Philosophy]. Vestnik russkoi hristianskoi gumanitarnoi akademii. pp.253-262
3. Chupryna, O.G., Baranova, K.M., Merkulova, M.G. (2018) Sud'ba kak contsept v yazyke b kul'ture [Fate as a Concept in Language and Culture]. Voprosy kognitivnoi lingvistiki. Ser. 3. pp.120-125
4. Yan, M. (2014) Ustal rozhdat'sya i umirat' [Life And Death Are Wearing Me Out]. St.Petersburg, Russia: Amphora publishers. 703p.
5. Akhavan O. (2015) 'Samsara, Karma, and Self-Enlightenment: A Buddhist Perspective on Mo Yan's Life and Death Are Wearing Me Out', Studies in Literature and Language, 10(2), pp. 11-18.
6. Huang Y. (2016) 'A Buddhist Perspective: Trauma and Reincarnation in Mo Yan's 'Life and Death Are Wearing Me Out' ', Modern Chinese Literature and Culture, 28(2), pp. 285-312 .
7. Leung L. (2016) Contemporary Chinese Fiction Writers: Biography, Bibliography, and Critical Assessment, New York: Routledge. 410 p.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Gabdrashitova Regina Ilgizovna, student

Department of Chinese language of the Institute of foreign languages Moscow City University
gabgleexen@yandex.ru

Scientific leader:

Malykh Oksana Andreevna, PhD, senior lecturer
Department of Chinese language of the Institute of foreign languages Moscow City University
MalihOA@mgpu.ru

Принята к публикации: 10.04.2020

Submission Date: 2020.04.10

**ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЛАТФОРМЫ «МОСКОВСКАЯ
ЭЛЕКТРОННАЯ ШКОЛА (МЭШ)» В ПРЕПОДАВАНИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА
THE POTENTIAL OF USING THE «MOSCOW E-SCHOOL (MES)» PLATFORM
IN THE PROCESS OF TEACHING CHINESE**

Редькина Ирина Давидовна, Агеева Софья Руслановна, Малых Оксана Андреевна

Московский городской педагогический университет, Московский городской педагогический университет, Московский городской педагогический университет

youngbrightvicious@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается интеграция онлайн-обучения в современный образовательный процесс в ходе обучения иностранным языкам. Изучены возможности использования онлайн-обучения и перспективы его развития. В статье описаны преимущества данной методики как со стороны обучающегося, так и со стороны преподавателя. Особое внимание уделено такому крупному цифровому образовательному проекту, как Московская электронная школа (МЭШ). Авторами детально проанализированы ресурсы и технические возможности данной платформы. В статье подробно описаны категории контента, представленные в библиотеке Московской электронной школы, а также потенциал, которым они обладают в контексте обучения китайскому языку. В рамках статьи описываются приложения, созданные при помощи платформы LearningApps и их место в системе Московской электронной школы. Авторы говорят о возможности использования существующих видов приложений в образовательном процессе, приводя примеры возможного применения их в процессе изучения конкрет-

ABSTRACT

This article looks into the process of integrating online learning into the modern educational process in the course of teaching Chinese through the digital educational environment of the Moscow electronic school (MES). The possibilities of using online learning and its development prospects are studied, and the advantages of this technology are described both from the student's and from the teacher's perspectives. The authors analyzed in great detail the resources and technical capabilities of the MES platform, having described the content categories presented in this online library, as well as the potential they have in the context of teaching Chinese. The possibilities of using existing MES resources in the educational process are considered as well, examples of their application in the process of mastering specific content objects are given, and the potential of using new types of interactive tasks in online lessons that contribute to a more effective

ных грамматических структур или групп лексических единиц, а также в процессе тренировки и проверки знаний обучающихся. Рассматривается потенциал использования в онлайн-уроках новых типов интерактивных заданий, способствующих более быстрому и эффективному восприятию нового учебного материала обучающимися. Формулируется вывод о том, что электронные ресурсы системы Московской электронной школы создают благоприятную среду для формирования языковой компетенции при изучении иностранных языков.

Ключевые слова: Онлайн-обучение, Московская электронная школа, МЭШ, лингводидактика китайского языка, методика обучения китайскому языку.

Для цитирования: Редькина И.Д., Агеева С.Р., Малых О.А. Возможности использования платформы «Московская электронная школа (МЭШ)» в преподавании китайского языка. Современные востоковедческие исследования. 2020; 2(2): 138-146

ВВЕДЕНИЕ

Современные информационные технологии в своем стремительном развитии продолжают реализовывать все более удобные и интересные решения для организации учебного процесса. Информационно-образовательная среда призвана обеспечить необходимые условия для реализации системно-деятельностного подхода в обучении. Фактор информатизации является одним из ведущих в системе условий обновления содержания и структуры образования в предметной области «иностранный язык» [1].

Очевидным является тот факт, что в XXI веке все больше и больше людей стремится к расширению и совершенствованию своих умений и навыков в ведении межкультурной

perception of new educational material by students is studied. It is concluded that the electronic resources of the MES system create a favorable environment for the formation of cross-cultural communicative competence in teaching Chinese.

Keywords and phrases: Online teaching, Moscow e-school, MES, linguodidactics of the Chinese language, methods of teaching Chinese.

For citation: Red'kina, I.D., Ageeva, S.R., Malykh, O.A. The potential of using the «Moscow e-school (MES)» platform in the process of teaching Chinese. Modern oriental studies. 2020; 2(2): 138-146

коммуникации, поэтому стремительно растет популярность изучения иностранных языков. Причинами данного явления являются такие факторы, как: а) желание развиваться в международной деятельности, б) повышение квалификации как специалиста, в) политический и экономический процесс, г) необходимость в свободном общении между представителями разных культур, д) введение иностранных языков в учебных заведениях как обязательный предмет, е) увеличение доступности путешествий, ж) личные интересы и хобби [2].

Исходя из особой актуальности изучения иностранных языков в современном мире, среди целей межкультурного иноязычного образования в лингводидактической науке отмечают

следующие: 1) расширение общего кругозора обучающихся, знаний о мире в различных сферах жизни: политика, экономика, быт, мировоззрение, художественная культура; 2) формирование инокультурной картины мира и углубление понимания родной картины мира в процессе сопоставления языков и культур; 3) углубление знаний обучающихся о языке как средстве общения, его неразрывной связи и непрерывном взаимодействии с культурой, орудием и инструментом которой он является; 4) развитие готовности вступать в иноязычное межкультурное общение и навыка осуществления межкультурной коммуникации с положительным результатом для обеих сторон относятся [3].

Резюмируя вышесказанное, обучение иностранным языкам является одним из самых востребованных направлений для развития конкурентоспособности на рынке труда, при этом сами инновационные образовательные решения находятся в прямой взаимосвязи с существующими практиками в области образования [4]. Таким образом, технологический прогресс не может не затрагивать образовательную сферу деятельности, поэтому на смену устаревшим и малоэффективным методам обучения приходят новые, более удобные и продуктивные.

К числу инновационных методик обучения иностранным языкам относится внедрение в учебную сессию достижений современных технологий. Особое место среди организационных форм иноязычного обучения в этом контексте занимает онлайн-обучение.

Онлайн-обучение – это возможность получать знания и навыки посредством использования сети Интернет и учебных онлайн-платформ [5].

Интеграция онлайн-обучения в образовательный процесс имеет ряд преимуществ. В первую очередь, на фоне возрастающей до-

ступности услуг коммуникативных и информационных технологий, стоит отметить открытость и мобильность онлайн-обучения. Учебная сессия проводится на онлайн-платформах, которые можно запустить с любого современного устройства, поддерживающего выход в сеть Интернет. Во-вторых, отношение обучающихся к учебе также заметно улучшается [6]. Если обучающийся не может присутствовать очно на занятиях ввиду различных обстоятельств, то он (обучающийся) всегда сможет выбрать наиболее комфортное для него место и время для обучения онлайн (в том случае, если учебный процесс не имеет установленного расписания). Все это, безусловно, способствует созданию благоприятного настроения на обучение, результатом чего являются успехи обучающегося в освоении учебной программы.

Для преподавателей использование онлайн-платформ также имеет достоинства в виде возможности дистанционно проводить занятия и использовать способности цифровых технологий, таких как интерактивное общение, запись аудио- и видеоматериалов. Готовые планы занятий и заранее загруженные медиаматериалы сокращают время на подготовку к урокам, а также являются важными помощниками для обучающихся в учебном процессе, позволяющими каждому осваивать материал в своем темпе.

Что касается изучения иностранных языков, то использование Интернет-ресурсов позволяет создать удобную среду для развития коммуникативных навыков, формирования межкультурной коммуникативной компетенции. С помощью функций микрофона, записи аудио и видео, каждый обучающийся может совершенствовать свою иноязычную произносительную культуру, демонстрировать уровень сформированности навыков говорения на

иностранном языке. Если обучающийся имеет некоторые трудности в выражении своих мыслей, то он может воспользоваться функцией чата и впоследствии преодолеть психологические барьеры вступления в коммуникацию, имеющиеся страхи перед устными выступлениями и презентациями.

Онлайн-обучение вносит большой вклад в дело расширения контингента обучающихся, стираются возрастные и территориальные границы. Благодаря внедрению современных технологий, иностранные языки теперь изучать могут все (от 3 лет до пожилого возраста) и повсеместно (в любой точке мира, где есть выход в Интернет). Само обучение может проходить как в индивидуальном порядке, так и в разновозрастных группах. Каждому обучающемуся необходимо проходить адаптированное, в зависимости от возраста и целей, обучение, рассказывающее об основных элементах и возможностях платформы. После прохождения инструктажа можно приступить непосредственно к изучению иностранных языков.

Реализация онлайн-обучения как в учебных аудиториях, так и из дома невозможна без обязательного технического оснащения, такому как компьютеры и сопутствующие им устройства, веб-камеры, наушники и микрофон, возможность свободного выхода в сеть Интернет. В некоторых случаях, в учебных аудиториях необходима установка видеонаблюдения и турникетов. Также, важным условием является наличие на компьютерных и мобильных устройствах платформ, через которые будет проходить обучение. Техническое обеспечение должно соответствовать нормам СанПиН.

РЕЗУЛЬТАТЫ

С сентября 2016 года в системе московского школьного образования важным компонентом информационно-образовательной среды является онлайн-платформа Московская Электронная Школа (МЭШ). Данная платформа позволяет эффективно использовать современные достижения в области IT-технологий, создавая особую информационно-образовательную среду для реализации образовательного процесса в московских школах.

Одно из важнейших значений МЭШ заключается в том, что в перспективе данная платформа позволит организовывать индивидуальную траекторию в обучении школьника, проводить занятия дистанционно и онлайн, что представляется крайне актуальным в условиях большого города, а также при реализации инклюзивного обучения.

МЭШ особенно интересна тем, что в наполнении системы контентом могут участвовать не только авторы учебников или методисты, но также и любые преподаватели московских школ, работающие в данной среде. Поэтому содержание платформы постоянно, ежeminутно обновляется, наполняясь новым контентом. На главной странице МЭШ можно ознакомиться с конкретными данными по использованию платформы, где указано: к настоящему времени около 55000 учителей используют данную систему планирования, проведения уроков и контроля достигнутых результатов обучения. В Библиотеке МЭШ представлено около 77000 аудио-, видео- и текстовых файлов, более 41000 сценариев уроков, около 100000 образовательных приложений.

Проведя анализ содержания МЭШ, мы можем представить основные ресурсы МЭШ, которые отражены в Библиотеке МЭШ. Пользователи

данной образовательной среды имеют возможность изучить сценарии уроков, учебники, приложения, тесты, атомарный контент в текстовом, аудио- и визуальном формате, учебные пособия. В процессе работы учителя и обучающиеся могут использовать учебно-методическую и художественную литературу, которая размещена в МЭШ и классифицирована по жанрам. Кроме того, МЭШ дает возможность познакомиться с лабораторными работами, интерактивными приложениями. Особый методический интерес представляют приложения, среди которых наблюдаются логические и практические задания, тесты, викторины, игры, опыты и пр., которые весьма разнообразны и позволяют увлечь обучающихся за счет своей наглядности и иллюстративности, а также повысить интерес к изучаемому предмету.

Платформа МЭШ предоставляет возможности использования как готовых сценариев урока, так и отдельных компонентов, то есть атомарного контента (атомиков), количество которых на данный момент превышает 70 тысяч. К атомикам относятся изображения (фото, схемы, иллюстрации, таблицы, графики, карты, чертежи, картины и т.п.), аудио- и видеофайлы, тестовые задания. Текст представлен правилами, примерами, рассказами, объяснениями, цитатами, документами, инструкциями, биографиями, событиями (фактами), определениями и заданиями. Сценарии уроков составляются в том числе из такого рода атомиков, которые учитель может выбрать из ранее загруженных другими пользователями или самостоятельно загружает в базу данных платформы.

Существуют различные возможности применения платформы МЭШ в процессе обучения китайскому языку. Данная образовательная среда представляет большой интерес для

преподавателей иностранных языков благодаря своему потенциалу в использовании различных видов контента. Напомним, что данная система предполагает использование не только лишь стационарного компьютера или ноутбука с выведенными через проектор данными, но также использование электронной доски и персональных планшетов каждым учеником. Следовательно, в процессе обучения представляется возможным предложить ученикам работу не только лишь через визуальное взаимодействие с изучаемым материалом, но и включить в сценарий урока сенсорное и аудиальное взаимодействие.

Для начала, рассмотрим такую категорию контента, как тестовые задания. Данная категория несет в себе большой потенциал, являясь одной из классических форм проверки знаний обучающихся. Тестовые задания позволяют создавать контент для тренировки и проверки лексических, грамматических навыков в разнообразных формах. В процессе обучения китайскому языку есть возможность применять различные тесты, которые направлены на проверку уровня различных языковых навыков иероглифических и фонетических до лексических и грамматических. В последних особую актуальность приобретают такие формы тестовых заданий, в которых требуется сопоставить один пункт информации в виде текста с другим, соответствующим ему или же заполняющим пропуск во фразе или словосочетании. Данная форма может успешно применяться для активизации и тренировки грамматических навыков обучающихся, при этом она не требует от учителя значительных временных затрат на создание атомарной единицы, что только повышает актуальность ее использования. Возможный пример классического использования тестовых заданий — задания, где ученику

необходимо использовать в предложении или словосочетании одно из служебных слов de (的 / 地 / 得) модальную частицу 了 le, соотнести изученное слово из нового блока лексики с его русским эквивалентом и т.д.

Ещё одной обширной категорией атомарного контента в МЭШ являются приложения, созданные при помощи инструментов сайта LearningApps. Данная платформа позволяет преподавателю создавать приложения разных типов, которые затем можно импортировать в систему МЭШ и использовать в сценариях уроков. Система LearningApps интересна тем, что позволяет преподавателям использовать множество различных шаблонов для создания приложений, что открывает возможность к использованию их практически во всех аспектах изучения языка. К примеру, приложения на расположение представленных элементов в простом порядке можно использовать для того, чтобы активизировать лексико-грамматические навыки обучающихся по той или иной теме, к примеру, для тренировки грамматики предложений с дополнительными элементами длительности, оценки, кратности действия, где важна тренировка в правильном порядке слов в предложениях. Для достижения схожих целей можно использовать приложения, предлагающие заполнить пропуски в представленных предложениях. Для повторения и дифференциации грамматических навыков обучающихся, связанных с употреблением различных дополнительных элементов можно также разработать в приложениях LearningApps задания на соотнесение предложений к той или иной категории, в зависимости от того, какой дополнительный элемент в нем используется. Задания на соотнесение и классификацию можно также использовать как дополнительный

инструмент в изучении лексики китайского языка, к примеру, предложить обучающимся задания на классификацию лексических единиц, связанных с категориями времени (早上 zǎoshang утро / 上午 shàngwǔ первая половина дня, до обеда) или дифференциацию сочетаемости глаголов 认识 rènshi знать в лицо, узнавать, быть знакомым и 知道 zhīdao знать (факты, например) и т.п..

Викторина с выбором правильного ответа также способна помочь в развитии и активизации лексических и грамматических навыков обучающихся, в особенности у младших школьников — приложение способно использовать изображения, что делает процесс более наглядным и увлекательным для детей. LearningApps предлагает и иные виды приложений, связанные с использованием изображений, к примеру, задания, где предполагается составить пары из изображений и фрагментов текста. Такие приложения позволяют активизировать изученную лексику путем визуализации, что является наиболее методически эффективным и возрастно, особенно для детей младшего и среднего школьного возраста, для которых сложнее запоминать большие объемы сугубо текстовой информации.

Для формирования у обучающихся фонологической компетенции целесообразно использовать такие элементы атомарного контента, как видеоматериалы, записанные носителями китайского языка. Подобные видео позволяют рассмотреть артикуляционную базу языка, что является крайне актуальным, так как в процессе изучения китайского языка «важно обратить внимание на специфические особенности произносительной системы данного языка, характеризующейся большим количеством явлений, несвойственных индоевропейским

языкам» [7]. Не следует допускать процесс формирования компетенции при помощи слепого повторения произносимых носителем звуков, обучающиеся должны обращать внимание на работу речевого аппарата при их произношении.

Большим потенциалом обладали бы приложения, позволяющие использовать непосредственно сенсорное взаимодействие при помощи электронной доски, к примеру, предложить учащимся поучаствовать в геймифицированном процессе заучивания новых иероглифов через их написание на доске, в процессе которого система бы проверяла написание на соответствие порядку черт и правил их начертания. Пока что данный тип приложений не поддерживается системой, но его создание было бы крайне актуальным, так как оно позволило бы значительно повысить уровень умений обучающихся в области корректного написания иероглифов, что является крайне важным в процессе изучения китайского языка, поскольку, как известно, если изначально написание иероглифа было заучено неверно, то «переучивать» всегда сложнее. На начальном этапе изучения для развития иероглифических навыков актуальным было бы создание подобного приложения для заучивания ключей китайских иероглифов, знание комплекса ключей и графем, позволяет изучать и запоминать новую лексику с куда большей скоростью и эффективностью, включая как само написание иероглифов, так и «подсказки» через ключи-фонетики.

Говоря о категории атомиков, применительно к применимости их в процессе обучения китайскому языку, стоит отметить, что аудиофайлы традиционно используются в качестве материалов для контроля и развития умений аудирования. Видеоматериалы могут использоваться для погружения в языковую

среду, знакомства с реалиями стран изучаемого языка, развития социокультурных навыков и умений, а также являются вспомогательным средством и для активизации и тренировки изученной лексики и грамматики, и развития навыков восприятия и понимания иноязычной аутентичной речи на слух. Особенно актуальны для этого видеоматериалы неадаптированные, то есть не те, которые созданы для работы с иностранными студентами, изучающими китайский язык, а те, которые являются подлинно аутентичными, разработанными непосредственно для детской аудитории КНР, Тайваня, Гонконга — подобные видеофайлы можно с успехом использовать во время занятий с российскими младшими школьниками.

ВЫВОДЫ

Использование онлайн-платформ в ходе обучения иностранным языкам и, в частности, китайскому языку предоставляет большое поле возможностей для обеспечения более эффективной реализации таких актуальных на сегодняшний день подходов к обучению иностранным языкам, как коммуникативно-деятельный и личностно-ориентированный [8].

Можно с уверенностью утверждать, что платформа «Московская электронная школа» является в некотором роде уникальной, поскольку успешно реализует как лучшие мировые образовательные практики, так и уникальные российские разработки, соблюдая традиции отечественной педагогической мысли. Внедрение системы МЭШ при изучении китайского языка способствует более глубокому погружению в межкультурную среду диалога у школьников. Электронные ресурсы системы создают благоприятную обстановку для развития речевых и творческих способностей у обучающихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарева Е.Г., Языкова Н.В. Факторы модернизации школьного образования в предметной области «иностранные языки» / Е.Г. Тарева, Н.В. Языкова // *Иностранные языки в школе.* – 2018. – №4. С. 2-8.
2. Иностранный язык: перспективная инвестиция? Инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник» от 26 сентября 2019 г. – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9924> (дата обращения 09.03.2020)
3. Языкова Н.В. Целеполагание в языковом образовании с позиции межкультурного подхода / Н.В. Языкова // *Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал: Материалы I межд. науч. конф.* – Барнаул: Алтайская гос. пед. академия. – 2012. – С. 409-411.
4. Тарева Е.Г. Развитие лингвообразовательных практик: оптимистичная проекция / Е.Г. Тарева // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование.* – 2015. – № 2 (18). – С. 75-85.
5. Что такое онлайн обучение? Бизнес школы Kogio – URL: <https://kogio.ru/faq/general/elearning/> (дата обращения 10.03.2020).
6. Игнатенко И.И. Некоторые особенности онлайн-обучения иностранному языку / И.И. Игнатенко // *Наука и школа.* – 2019. – №2 С. 141.
7. Малых О.А. К вопросу о подходах к форми-

рованию фонетической компетенции студентов, изучающих китайский язык / О.А. Малых // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Филология. Теория языка. Языковое образование».* – 2015. – № 4 (20). – С. 109-114.

8. Сергеева М.Г. Инновационные технологии электронного сопровождения процесса обучения английскому языку младших школьников / М.Г. Сергеева // *Новые тенденции лингводидактики. Слово молодым ученым.* – 2019. – С. 98.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Tareva, E.G., Jazykova, N.V. (2018) Faktory modernizacii shkol'nogo obrazovaniya v predmetnoj oblasti «inostrannye jazyki» [Factors of modernization of school education in the subject area of foreign languages]. *Inostrannye jazyki v shkole.* 4. pp. 2-8.
2. VCIOM-Sputnik. Inostrannyj jazyk: perspektivnaja investicija? [A foreign language: a promising investment?]. – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9924> 981 (accessed: 09.03.2020) (in Russ.).
3. Jazykova, N.V. (2012) Celepolaganie v jazykovom obrazovanii s pozicii mezhkul'turnogo podhoda [Goal setting in language education from the perspective of an intercultural approach]. *Funkcional'no-kognitivnyj analiz jazykovyh edinic i ego aplikativnyj potencial: Materialy I mezhd. nauch. konf.* [Functional-cognitive analysis of language units and its applicative potential: Materials of the first international scientific conference]. Barnaul, Russia:

Altai State Pedagogical University. pp. 409-411.

4. Tareva, E.G. (2015) Razvitie lingvoobrazovatel'nyh praktik: optimistichnaja proekcija / E.G. Tareva [Development of language education practices: an optimistic projection]. Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoje obrazovanie. 2. pp. 75-85.
5. Kogio business school. Chto takoe onlajn obuchenie? [What is online-teaching?]. – URL: <https://kogio.ru/faq/general/elearning/> (accessed: 10.03.2020) (in Russ.).
6. Ignatenko, I. I. (2019) Nekotorye osobennosti onlajn-obucheniya inostrannomu jazyku [Some features of online-teaching of foreign languages]. Nauka i shkola. 2. p. 141
7. Malykh, O.A. (2015) K voprosu o podhodah k formirovaniyu foneticheskoy kompetencii studentov, izuchajushhih kitajskij jazyk [On the approaches to the formation of phonetic competence of students studying Chinese]. Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoje obrazovanie. 4. pp. 109-114.
8. Sergeeva, M.G. (2019) Innovacionnye tehnologii jelektronnogo soprovozhdenija processa obucheniya anglijskomu jazyku mladshih shkol'nikov [The use of innovative technologies of electronic support in the process of teaching English to primary school children]. Novye tendencii lingvodidaktiki. Slovo molodym uchenym [New trends in linguodidactics. Young scientists speaking out]. Moscow, Russia. p. 5.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Student, **Irina Redkina**

Department of Chinese language of the Institute of foreign languages

Moscow City University

105064, Moscow, Malyj Kazennyj pereulok, 5B

Russia

youngbrightvicious@gmail.com

Student, **Sofya Ageeva**

Department of Chinese language of the Institute of foreign languages

Moscow City University

105064, Moscow, Malyj Kazennyj pereulok, 5B

Russia

ageevasofa00@gmail.com

PhD, senior lecturer, **Oksana Malykh**

Department of Chinese language of the Institute of foreign languages

Moscow City University

105064, Moscow, Malyj Kazennyj pereulok, 5B

Russia

MalihOA@mgpu.ru

Принята к публикации: 10.04.2020

Submission Date: 2020.04.10

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛОВА "НУКУС"

THE ORIGIN OF THE TERM NUKUS

*Begzad Erxanov, Minsizbay Seytimbetov**Faculty of history, Karakalpak State University named after Berdakh**Yusup Utegenov@gmail.com***АННОТАЦИЯ**

В статье представлены различные теории, мифологические и научные, происхождения слова "Нукус". В мифах дается разъяснение, что данный термин происходит от слова «птица», ученые и исследователи связывают его происхождение с нукусским «урю». Легенды о Нукусе остаются лишь мифом. В представленной статье дается объяснение лишь некоторым легендам. Эти легенды, связанные с именем Нукуса, действительно могут подтвердить происхождение изучаемого термина от слова "птица". Птиц можно встретить в лесу и вдоль озер. Например, в юго-западной части Кегейли было много озер, таких как Кокшиел, Нагалай, Колтикко'л, Давитко'л, Казанкеткен, Аспантай, и они были рядом с горами Порлитав и Скворечник вплоть до 1960-х гг. Следует сказать, что мы можем встретить термины «джалаир», «томе», «баймак», «джайпар», «месит», которые входят в нукусский «урю», в узбекском, казакском и башкирском языках. Ученые и исследователи считают, что название города Нукус на самом деле произошло от имени Нукуса «Уриви».

Ключевые слова и фразы: Нужки, Наукас, Навкас, Никсан, Кара-Кахан, Кускана, Навкет

Для цитирования: Ерханов Б., Сейтимбетов М. Происхождение слова "Нукус". Современные востоковедческие исследования. 2020; 2(2): 147-150

ABSTRACT

The article gives you different views, legendary and scientific ideas about the word Nukus. In myths, the legendary Nukus term originated from the bird word means that the scientists and researchers link the Nukus term with the Nukus "Uriw". The legends about Nukus remain as a legend. Of course, it is not necessary to tell about all legends and their meanings in this little article. These legends that related to the name of Nukus may wake up pupils and audiences feeling of trust. And it is truth that birds can be meet in the forest and along the lakes. For example, there were lots of lake like Ko'kshiyel, Nag'alay, Koltiqko'l, Dawitko'l, Qazanketken, Aspantay in the south-west side of Kegeyli and these were near to Porlitaw and Birdhouse mountain in 1960 years. It should be said that we can meet "Jalayir, Tome, Baymaq, Jaypar, Mesit" terms, which included in Nukus "uriw", in Uzbek, khazakh, Bashkort nations. Scientists and investigators think that the name of Nukus city actually originated from the name of Nukus "Uriwi".

Keywords and phrases: Nugkas, Nawkas, Nawkas, Nixan, Kara qakhan, Qusqana, Nawket.

For citation: Begzad Erxanov, Minsizbay Seytimbetov. The origin of the term Nukus. Modern oriental studies. 2020; 2(2): 147-150

INTRODUCTION

Due to our Independence, the science of history has moved to another stage of Independence. Everyone remember that together with the first president of Republic of Uzbekistan, I.A.Karimov in 1992 was the 60th anniversary of the capital of Nukus city and the 70th anniversary in 2002 was a great holiday for the people of Karakalpakstan. During this holiday lots of good studies, memories of good people, different stories and tales about the name, history of the capital city and another information that belong to Karakalpak nation were published in Republic printing.

RESEARCH

Everyone knows that there are lots of assumption about the word “Nukus”, “Nukus uriw” and the name of Nukus city. “You can find a lot of interesting information in “Seven bird” story which published in Republic printing. Let’s give an attention to this story, “The first grandpa of Karakalpak nation’s Qara khan didn’t forget to give special birds to his each son. Qara khan gave to Muytenlytelgi, Qon’irat- Lashin, Qitay-Qarshig’a, Qipshaq-eagle, Kaneges- Sunqar, Mangit-Tuygin. The leading bird was considered Light bird”[1.5-b].

So “kiyeli” bird country” (related to Nukus toponymy) was called “Kaknus” in Arabic world” (“Haqqus” in Karakalpaks poets’ works). This is a divine creature that does not burn, and does not die when it sinks to water. So Finiks is an eternity bird. From studying well , we know that this Finiks word was taken from North languages. Especially, its consonant looks like to Karakalpak language. So, Finiks in our language “paniy qus” and means eternity, forever bird. “Paniy” is a religious conception, and it is called “Faniy” in Arabic language. Ansolutely, this word is taken from Turkish

languages. And the “Bird” word has been keeping its name still in Karakalpak language. This bird has another name in Karakalpak language. It is Light bird.

This Light bird was created from light. Light bird — people’s protector. It is said that while Humo bird means happiness and wealth, Light bird means wealth, eternity and all beings. Also it is said that from the ancient time Nukus city was a bird market. Today’s Bird room-Qizketken was always bird location. Apart from this, last century bird carved plate was found from “Ku’yik” Fortress. Some experts say that this bird is “Humo bird”. Maybe this bird is not Humo bird, but it may be Light bird. The author suppose that firstly the words Nuwkas, Nawkas and Nixan originated from Light bird. Apart from this, there is given Aral sea and its map in one article which was printed in 1863. We read Light bird on the place of Nukus in the map. But, the author did not give enough information where this article printed. We can’t assume that it is original or fake variant. We must take into account that each author can give their own opinion, idea and solution. In addition to this, author mentioned that some “Uriw” lived in this place, there were a lot of lakes and because of the bird which mentioned above lived in this place the name of Nukus was originated from “Nuw Bird” (Lots of Bird) name. This always remains as a legend. Of course, it is not necessary to tell all of these legends and their meaning. These legends that related to the name of Nukus may wake up pupils and audiences feeling of trust. And it is truth that birds can be meet in the forest and along the lakes. For example, there were lots of lake like Ko’kshiyel, Nag’alay, Koltiqko’l, Dawitko’l, Qazanketken, Aspan-tay in the south-west side of Kegeyli and these were near to Porlitaw and Birdhouse mountain in 1960 years. One of these mountain still called Birdhouse because of living lots of birds there.

As we say, while from these stories the name of Nukus city originated from the word Bird, some scientist believe that it depend on "Nukus Ruw". But from this assumption we know the ideas are different. In some scientific work during the latter 250-300 years in the location of Nukus city there was a military fortress. In studies of Uzbekistan heroine, archeologist G'ayratdin Xojaniyazov "in 1740-1741 years in Nukus fortress it is known that Russian ambassadors under D.Gladyshev were leaving the city of Or. Historian of Khiva Yusup Bayanyi writes in his work "Horezmshah Shejire" that the Karakalpak Sultan Gaipkhon Eshimovtin's son Abdurakhman lived in Nukus fortress in 1778. Coming to 1885 Zorliq khan lived in this fortress. By 1873, the Russian kingdom had invaded Khiva and became its strategic location in the Nukus pond. The castle features several European-style buildings and barracks for soldiers"[2.14-b]. He said that Nukus city is a city that has been restored to the ancient fortress. In the past Nukus was called Nuskas, Nawkas, Nixan, Nawket, Shora, Shorasha. Nukus city is related to its ancient Shorsha and Birdhouse and it has more than 2500 thousand – year- history. Shorsha fortress is continued to be known as a "Er Shora" fortress which was belonged to Shora brave. In order to give some evidence or to prove his point, the scientist made an archeological scheme on "Er shora" fortress.

In fact, "Er Shora" is one of the bravery poem of Karakalpaks. Er Shora is known as a historical person, and he fought for the freedom of his country. He is called Chura Narikovich or "Qara Shora" in historical works or in Russians poems. Er Shora came out from Nukus "Uriw" Tama Tiyresinen". Our this opinion clearly stated in the poems as:

That Er Shora said that his "Uriw" was Tama and born from Narik.

"Among our people, "Alpamis" poem is admitted to be from Qonirat's, "Qoblan" is Kipshak's, "Edige" is Mang'it's, "Maspatsha" is Keneges's and "Er Shora" is Nukus's. So it is worth to boast about Er Shora who originated from Nukus "Uriw" " [3.8]. There is a Shorsha cemetery in the fortress which was built by Er Shora and this entered as a holy place in G'ayratdin Xojaniyazov and Ong'arbay Yusupov's "The holy places in Karakapaks", 1994 book.

The term Nukus is one of the oldest cities in its development, from the earliest to the 4th-3rd century BC. The only way to show the early stages of the history of the settlement is archaeological data. "As evidence of our speech we should say that Archaeological organism of Shorsha castle, located to the southeast of Nukus city. Scientific studies of this archeological object's possibilities were very difficult. Because of the fact that there is a cemetery around it, the investigations are limited and it has destroyed the traces of ancient buildings. As a result of studying aerofotogenesis of the tower, there found a fortification wall in the area, its width is 60-50 meters and the area of the area is 0.25-0.35 hectares"[4.6-b]. It was not only a border guard in the southeast of the ancient Khorezm region, but it also investigated the water through Amiwdarya. The Toktaw castle which is located in Nukus nowadays is one of such fortress. As a result of excavations it was found that it was a border guard and protected by a small army. There is little information about the people who lived in Nukus in the middle ages. According to the date collected by ethnographers from the people around Shorsha, the remains of walls and towers were preserved nearby. Ethnographers assume that they are the remains of fortress which Karakalpak's "Nukus uriwi" lived there in the middle ages. Writer Uzaqbay Pirjanov wrote one of his work that the name

of Nukus originated from Persian's nine number and means nine "uriw", nine "tiyre". "In some written sources and works of T.Qanatov – the word Nukus is not originated from 9 but it is originated from 10 "uriw", they are "Altimshaq, Go'bdir, Jamanliq, Bozaq, Tama, Baymaq, Bayuwli, Jaqayim, Jaypar, Mesit" and we understand that as a result of joining some groups to each other those "uriwlar" spread, also in some cases they separated from each others. In the end of his opinion he said that the name of Nukus originated from Nukus "uriwi" who has been living in this place from ancient time" [5.9-b]. It is clear that Kanatov's this opinion is the same as Khojaniyazov. It should be said that we can meet "Jalayir, Tome, Baymaq, Jaypar, Mesit" terms, which included in Nukus "uriw", in Uzbek, khazakh, Bashkort nations.

CONCLUSIONS

In summary, scientists and investigators think that the name of Nukus city actually originated from the name of Nukus "Uriwi". And it is still one of the problems that needs to be investigated.

ЛИТЕРАТУРА

1. Amaniyaz Juzimbetov. No'kisim maqtanishim. No'kis. 2012.
2. Kenesbay Qunnazarov. "No'kis qalasinin' quriliw tariyxi" Qaraqalpaqstan.2003.
3. X.Esbergenov, S. Nurjanov, G'.Xojaniyazov, V.Yagodin, "Qoraqalpog'istan" Respublikasi poytaxti Nukus: Qadimgi va navqiron shahar". 2002.
4. G'.Xojaniyazov, O.Yusupov "Qaraqalpaqstandag'i muqaddes orinlari" No'kis, 1994.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Amaniyaz Juzimbetov. "My praising Nukus" 2012 year.
2. Kenesbay Qunnazarov.The history of construction Nukus city. 2003 year.
3. X.Esbergenov, S. Nurjanov, G. Xojaniyazov, V.Yagodin," The capital of Karakalpakstan is Nukus: Ancient and sacred city" 2002 year.
4. G.Xojaniyazov, O.Yusupov " The sacred places in Karakalpakstan" 1994 year.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

2-year student **Begzad Erxanov**

Faculty of history

Karakalpak State University named after Berdakh

230112, Nukus, C.Abdirov str., 1

Uzbekistan

Принята к публикации: 10.04.2020

Submission Date: 2020.04.10

INTERVIEW WITH SENSEI YOSHIDA NOBUMASA:
PART II. THE ESSENCE OF BUDO

ИНТЕРВЬЮ С СЭНСЭЕМ ЙОШИДА НОБУМАСА:
ЧАСТЬ II. СУЩНОСТЬ БУДО

Лестев Антон Евгеньевич, Эйдинов Денис Наримович,

Асеев Роман Георгиевич, Денисова Елена Сергеевна,

Нобумаса Йошида,

Nihon Den JuJutsu Academy Ju-Toku-Juku

АННОТАЦИЯ

Внимание читателей журнала «Современные востоковедческие исследования» представляется вторая часть эксклюзивного интервью с легендой японского будо – сэнсэем Йошида Нобумаса (9 дан дзю-дзюцу, 9 дан айкидо). Во второй части интервью сэнсэй рассуждает о сущности боевых искусств и месте будо в современном мире. Сэнсэй касается важных вопросов истории послевоенного становления и развития японских боевых искусств. Интервью у сэнсэя Н. Йошида было взято в стенах клуба боевых искусств «Фурудэра додзё» во время летнего международного семинара по Дзю-Току-Дзюку Дзю-Дзюцу 2019 года. В интервью принимали участие: Эдзава Кацуми (6 дан дзю-дзюцу), Роман Георгиевич Асеев (руководитель клуба «Фурудэра додзё»), Денис Наримович Эйдинов (руководитель клуба боевых искусств «Тэнсин»), Антон Евгеньевич Лестев (к.и.н., инструктор клуба боевых искусств «Тэнсин»). Блестящую работу по переводу с японского языка во время семинара и интервью осуществила Елена Сергеевна Денисова.

Ключевые слова и фразы: боевые искусства, история Японии, воинская культура, дзю-дзюцу, дзюдо, будо, Ёсэйкан, сущность будо.

Для цитирования: Йошида Н., Асеев Р.Г., Эйдинов Д.Н., Лестев А.Е., Денисова Е.С. Интервью с сэнсэем Йошида Нобумаса: Часть II. Сущность будо. Современные востоковедческие исследования. 2020; 2(2): 151-155

ABSTRACT

The second part of the exclusive interview with the legend of Japanese budo - Sensei Yoshida Nobumasa (9th dan ju-jutsu, 9th dan aikido) is presented to the readers of the journal "Modern Oriental Studies". In the second part of the interview, Sensei discusses the essence of martial arts and the place of budo in the modern world. Sensei addresses important issues in the history of the post-war formation and development of Japanese martial arts. Sensei N. Yoshida was interviewed at the Furudera Dojo martial arts club during the 2019 summer international seminar on Ju-Toku-Juku Ju-Jutsu. Also in interview took part: Ezawa Katsumi (6th dan ju-jutsu), Roman Georgievich Aseev (head of the Furudera Dojo club), Denis Narimovich Eidinov (head of the Tenshin martial arts club), Anton Evgenievich Lestev (Ph.D., instructor of the Tenshin martial arts club). Brilliant translation work from Japanese during the seminar and interview was carried out by Elena Sergeevna Denisova.

Key words: martial arts, history of Japan, military culture, ju-jutsu, judo, budo, Yoseikan.

For citation: Yoshida N., Aseev R.G., Eidinov D.N., Lestev A.E., Denisova E.S. Interview with Sensei Yoshida Nobumasa: Part II. The essence of Budo. Modern oriental studies. 2020; 2(2): 151-155

Лестев А.: Известно, что сэнсэй Мотидзуки модернизировал и видоизменил многие техники кэндзюцу и айкидо. С чем, по Вашему мнению, это связано?

Йошида Н.: Мотидзуки сэнсэй испытал очень большое влияние идей сэнсэя Кано Дзигоро – основателя дзюдо. Сэнсэй Кано, конечно, известен как мастер дзюдо, но на самом деле он был специалистом в области педагогики. Именно благодаря влиянию Кано сэнсэя Мотидзуки сэнсэй окончательно определил разницу между будо и спортом.

Лестев А.: Отправлял ли сэнсэй Мотидзуки своих учеников к другим мастерам на обучение, как это делал сэнсэй Кано Дзигоро?

Йошида Н.: Нет, Мотидзуки сэнсэй обычно этого не делал. На самом деле именно Кано сэнсэй отправил Мотидзуки сэнсэя в Кодокан, чтобы он изучал боевые искусства там, в частности, Катори Синто рю. При этом сам Кано сэнсэй оплачивал обучение и проживание там.

Лестев А.: Как Вы решили стать профессиональным инструктором и посвятить этому жизнь, как решились открыть додзё своё? Или для Вас это был очевидный выбор?

Йошида Н.: Собственного додзё у меня нет. Я, конечно, преподаю, но не было решения отказаться от другой работы. Я параллельно занимался будо и продолжал работать.

Лестев А.: Сэнсэй, вот интересно, приходят ли к Вам за секретами мастерства известные спортсмены-дзюдоисты?

Йошида Н.: Как-то нет, я вообще с ними сам не очень-то хочу встречаться (смеется). Так как это совершенно разные вселенные теперь.

Рисунок 1. Участники семинара Н. Йошида в Фурудэра додзё.

Мне больше интересно работать именно с теми, кто пришел изучать будо, им я всё стараюсь объяснить. У меня никогда не было цели открыть зал, набрать учеников, заработать на этом денег. Мотидзуки сэнсэй также не ставил такой цели. Он всегда говорил, что деньги ему не нужны. Поэтому сам он жил очень небогато, у него была своя работа. И Сугино сэнсэй жил точно также – кроме будо у него была работа, на которой он зарабатывал деньги. Сейчас очень много специалистов будо, которые берут деньги за сдачу экзаменов, присваивают даны за определенное вознаграждение. Я неоднократно сдавал экзамены учителю, даны получал, но ни разу не сдавал деньги за это. Сугино сэнсэй был точно таким же человеком. Сейчас, наверное, мир сильно изменился, всё зависит от того, сколько у кого денег, в Айкикай та же проблема. Поэтому современные мастера очень неплохо на этом зарабатывают.

Лестев А.: Насколько в современной Японии сохраняется интерес к традиционным боевым искусствам?

Йошида Н.: Интерес падает. На самом деле иностранцы даже больше интересуются

и более старательно занимаются, чем японцы.

Лестев А.: Приходилось ли Вам выступать на каких-нибудь показательных выступлениях, которые Вам запомнились, например перед Императором или членами его семьи?

Йошида Н.: Я неоднократно участвовал в показательных выступлениях, но какое-то одно мне сложно выделить. Все они чем-то значимы. Приходилось и за границей показывать различные техники. В частности, первая поездка была во Вьетнам с Мотидзуки сэнсэем в 1973 году. Вы все, наверное, знаете о Вьетнамской войне. Как раз в 1973 году был разгар войны, когда Север с Югом воевали, и вот в том момент, когда военные действия прекратилась, правительство Южного Вьетнама решило себя пропагандировать, пиарить себя по всему миру. И вот одной из программ было приглашение специалистов из других стран. В части боевых искусств обратились к японцам. Туда поехал с семинаром Мотидзуки сэнсэй, а я был его ассистентом.

Рисунок 2. Сэнсэй М. Мотидзуки и Н. Йошида на семинаре во Вьетнаме.

Лестев А.: Именно перед вьетнамцами вы выступали или перед американскими солдатами?

Йошида Н.: Перед вьетнамцами, французы там тоже были, но в основном вьетнамцы.

Эйдинов Д.: Сэнсэй, вот Вы сказали, что спортивное дзюдо и традиционное будо – это совершенно две разные вселенные. Вот в чем, на Ваш взгляд, самая главная разница между спортивным единоборством и традиционным дзюдо?

Йошида Н.: Главное отличие в цели – что ставить своей целью спорт и что ставит своей целью будо. Если мы говорим про спорт, то главное здесь – победа, чемпионство, выиграть какой-то приз, занять место. Если говорить про будо, то здесь важен воспитательный, дидактический момент.

Эйдинов Д.: Нихон Дэн Дзю-Току-Дзюку – это ведь не только боевые искусства, это еще и изучение традиций и культуры?

Йошида Н.: Да, безусловно, поэтому здесь и важен воспитательная составляющая.

Эйдинов Д.: Вот мы выяснили, что интерес к традиционному будо в Японии, особенно среди молодежи, сейчас падает. Какое место в современном мире традиционное будо могло бы найти? Для чего оно в тот век, когда в целом не нужно бояться за своё здоровье и беспокоится о своей безопасности? Для чего оно еще может понадобиться и что может дать человеку в современном обществе?

Йошида Н.: Очень хороший вопрос Вы задали. Действительно время меняется, меняются люди. Поэтому дзю-дзюцу невозможно преподавать как что-то застывшее, все равно техники нужно как-то адаптировать, и в каждый период они понимаются по-своему.

Рисунок 3. Сэнсэй Н. Йошида обучает технике удушения.

Вы сказали о самозащите, она тоже может быть разная в зависимости от того, о каком времени мы говорим, о каких народах, о каких странах. Каждый из нас, занимаясь будо, должен постоянно думать о том, какое место будо занимает в нашей жизни, для чего оно нужно, в чем отправная точка? Собственно Мотидзуки сэнсэй

Рисунок 4. Сэнсэй Н. Йошида обучает российских учеников.

научил меня этому подходу, я постоянно думаю, откуда начались будо, в чем основная причина [их возникновения].

Эйдинов Д.: Сэнсэй, мы уже говорили об этом, что Мотидзуки сэнсэй в своё время трансформировал будо, он подходил довольно творчески к техникам дзюдо и айкидо. Сейчас на Западе есть много людей, которые совсем недолго прозанимавшись, начинают миксовать техники, даже появились смешанные единоборства. Вот как понять, где та самая грань, когда человек может подойти творчески и что-то поменять, и это будет естественным развитием и эволюцией, а когда это просто выскочки и самозванцы? На что следует ориентироваться?

Йошида Н.: Ваш вопрос больше касается технического исполнения?

Эйдинов Д.: Не совсем. С одной стороны у нас есть база, есть традиции, есть изначальная техника и всё чаще, когда мы сталкиваемся с модернизированной техникой, она всё дальше и дальше уводит нас от исторической основы, и мы можем заблудиться в этом. С другой стороны, как Вы и сказали, неизменным, учитывая современные реалии, всё это тоже невозможно оставить. И я хотел узнать, где те критерии, по которым можно судить, что вот это эволюция, а вот это просто недобросовестный подход?

Йошида Н.: Такие же разговоры идут и в Японии. Техника меняется и меняется постоянно. Если такого постепенного движения не будет, то не будет и никакого прогресса. Когда мы говорим о будзюцу, будь то кэндзюцу или дзю-дзюцу, ни одно из этих направлений

Рисунок 5. Сэнсэй Н. Йошида награждает А. Лестева сертификатом участника семинара и со смехом рассказывает, как кипела его голова от обилия вопросов на интервью.

не является чем-то законченным или застывшим, ни в одном из них нет ваза, которое было бы самое лучшее, самое эффективное или единственно правильное. Например, если мы возьмём робусэ, каждый из вас всё равно его будет выполнять его по-своему. В этом суть будзюцу.

Эйдинов Д.: Ну потому что мы все разные, у нас разные физические возможности.

Йошида Н.: Да, сила у всех разная и рост. Это неизбежный процесс, всё равно исполнение одних и тех же ваз, будет всегда различаться. И пытаться всё это вместить в какие-то рамки или ограничить было бы большой ошибкой. Представьте, что есть какая-то организация, если она продолжит развиваться, а какие-то её части начнут действовать произвольно, то вся организация распадётся, поэтому у каждой организации есть свои правила. Что я хотел этим сказать? Я считаю, что любые виды боевых искусств должны развиваться в соответствии со временем, в котором они существуют, в соответствии с людьми, которые их изучают.

Не нужно сосредотачиваться на чем-то малом. Возвращаясь к сравнению спорта и боевых искусств, следует отметить, что если спорт ставит своей целью выявить одного победителя, то цель будо дать инструмент защиты для 99 проигравших. Если в спорте выявлен один победитель, то нам нужно чем-то помочь оставшимся. И это одна из целей будо.

Асеев Р.: Золотые слова. Подводя итог нашей беседы, я хотел бы поблагодарить сэнсэя за очередной визит в Россию. Поблагодарить сэнсэя Кацуми, так как ему это еще сложнее – отпуск в Японии очень кратковременный и надо ценить, что значительную часть этого времени, которое он мог бы посвятить своей семье, своим родным, он проводит здесь с нами. Вот это представитель мышления будо. На семинаре сэнсэя Йошида присутствовали разные люди, кто занимается самбо, дзюдо, бразильским джиу-джитсу, айкидо, айкибудо, самой разной комплекции, есть очень здоровые ребята, есть тяжелые, и абсолютно все восхищены тем, как сэнсэй объясняет, как показывает на личном примере – это всех восхищает.

Эйдинов Д.: Если мы в 78 лет сможем сделать то же самое, то я буду просто счастлив.

Асеев Р.: Я хотел бы попросить в нескольких словах дать напутствие тем, кто занимается.

Йошида Н.: У меня много сейчас мыслей, но я очень устал и не могу их сейчас собрать. Лучше мы с вами еще потренируемся!

Принята к публикации: 10.04.2020

Submission Date: 2020.04.10

**КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПФО
ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ КФУ**

Уважаемые коллеги!

**Приглашаем Вас опубликовать
результаты Ваших научных трудов в нашем издании
«СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
/ MODERN ORIENTAL STUDIES»**

«Современные востоковедческие исследования» — международный периодический журнал открытого доступа. Целью нашего научного издания является освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора. В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском по следующим специальностям:

10.00.00. Филологические науки

07.00.00. Исторические науки

09.00.00. Философские науки

13.00.00 Педагогические науки

Публикация в научном журнале бесплатная. Принимаются ранее не опубликованные научные статьи, обзорные статьи, рецензии, информационные материалы, соответствующие направлениям рецензируемого научного издания (оригинальность научных работ должна составлять не менее 75%).

Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное слепое рецензирование. Статьи, получившие отрицательную рецензию, снимаются с публикации.

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии с целью последующего включения его в перечень ВАК.

Требования к оформлению работ и порядок приема статей прилагаются.

Готовые статьи принимаются только на адрес Редколлегии журнала:

modernorientalstudies@gmail.com

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА РУССКОМ

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА ЯЗЫКЕ
НАПИСАНИЯ СТАТЬИ

ФИО (полностью)¹, ФИО (полностью)² и т.д.
Место работы¹, Место работы² и т.д.
электронный адрес (первого автора)

Аннотация

Текст (150-250 слов)

Ключевые слова: слово(5-7)

Abstract (на языке написания статьи)

Text

Key words: word (5-7), на языке написания статьи

Для цитирования: ФИО. Название статьи
(курсивом). Современные востоковедческие исследова-
ния. Год публикации; Том (Номер выпуска):

Образец на русском: Магдеев Р.Р., Халиуллина
А.А. Динамика экономических отношений между
Россией и Японией: основные мотивы. Современ-
ные востоковедческие исследования. 2019; 1(2):

For citation: Magdeev R.R., Khaliullina A.A. Dy-
namics of economic relations between Japan and
Russia: basic motives. Modern oriental studies.
2019; 1(2):

ВВЕДЕНИЕ

Согласно Н.В. Иванову [1981], текст.

Текст [Халидов, 1981, С. 23]. Текст

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

(на усмотрение автора)

Текст

РЕЗУЛЬТАТЫ

Текст

Таблица 1. Название таблицы

Русский	Китайский	Японский	Корейский
текст	текст	текст	текст

ВЫВОДЫ

Текст

Рис. 2: Название диаграммы

ЛИТЕРАТУРА

Обязательно используйте нумерованные списки

1. Шмелева Т.В. Лингвистические идеи и педагогические принципы В.А. Белошапковой // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 78–86.
2. Шмелева Т.В. Уроки Белошапковой // Лингвистические идеи В.А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике / сост., отв. ред. Л.М. Байдуж. Тюмень, 2010. С. 26–33.
3. Белошапкова Т.В. Россия в истории одной семьи, или Девять новелл из жизни В.А.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

- Белошапковой // Традиционное и новое в русской грамматике : сб. статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой / сост. Т.В. Белошапкова, Т.В. Шмелева. М., 2001. С. 9–19.
4. Закиров Р.Р., Мингазова Н.Г., Мухаметзянов И.М. Арабский язык. 5 класс. Казань, 2011. 128 с.
4. Zakirov, R.R., Mingazova, N.G., Mukhametzyanov, I.M (2011). Arabskiy yazyk (Level I for the 5th grade) [Arabic for non-native speaking children]. Kazan, Russia: Magaryf-Vakyt publishers. 128 p.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES (IN ENGLISH)

Обязательно используйте нумерованные списки

1. Shmeleva, T.V. (1997) Lingvisticheskie idei i pedagogicheskie printsipy V.A. Beloshapkovoy [Linguistic ideas and pedagogical principles of Beloshapkova]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. 3. pp. 78–86.
2. Shmeleva, T.V. (2010) Uroki Beloshapkovoy [Lessons of Beloshapkova]. In: Bayduzh, L.M. (ed.) Lingvisticheskie idei V.A. Beloshapkovoy i ikh voploshchenie v sovremennoy rusistike [Linguistic ideas of V.A. Beloshapkova and their embodiment in modern Russian philology]. Tyumen: Mandr i Ka.
3. Beloshapkova, T.V. (2001) Rossiya v istorii odnoy sem'i, ili devyat' novell iz zhizni V.A. Beloshapkovoy [Russia in the history of one family, or nine novels from the life of V.A. Beloshapkova]. In: Beloshapkova, T.V. & Shmeleva, T.V. (eds) Traditsionnoe i novoe v russkoy grammatike: sb. statey pamyati Very Arsen'evny Beloshapkovoy [Traditional and new in Russian grammar: a collection of articles in memory of Vera Arsenyevna Beloshapkova]. Moscow: Indrik.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Associate Professor, PhD Alfiya Alikberova

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University

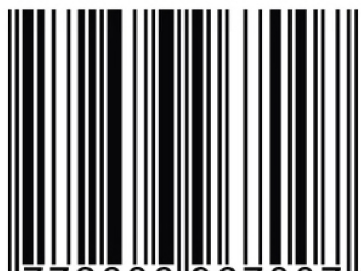
420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18, Russia

alfikas@mail.ru

Принята к публикации: (фразу вписать, даты проставляет Редколлегия после получения рецензии)

Submission Date:

ISSN 2686-9675

9 772686 967007 >